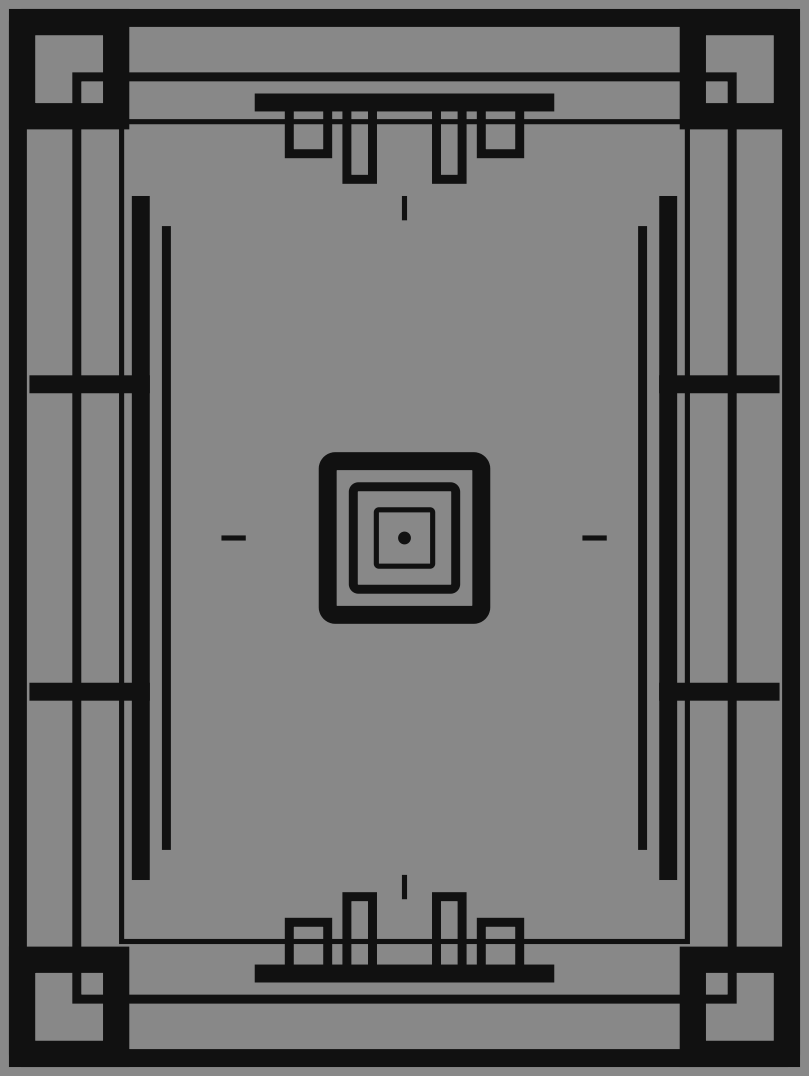

Первая любовь - русский и английский параллельные тексты

Иван Сергеевич Тургенев

Аннотация

Аннотация

"Первая любовь" - рассказ о подростке, впервые испытавшем чувство любви к девушке, которая была старше его. Очень интересно и правдиво.

Одно из сильнейших впечатлений ранней юности И. С. Тургенева - влюбленность в княжну Е. Л. Шаховскую, переживавшую в ту пору роман с отцом Тургенева, нашло свое отражение в повести "Первая любовь".

Тургенев Иван Сергеевич. Первая любовь

FIRST LOVE BY IVAN TURGENEV Translated from the Russian BY CONSTANCE GARNETT 1897	И. С. Тургенев Первая любовь Посвящено П. В. Анненкову
The party had long ago broken up.	Гости давно разъехались.
The clock struck half-past twelve.	Часы пробили половину первого.
There was left in the room only the master of the house and Sergei Nikolaevitch and Vladimir Petrovitch.	В комнате остались только хозяин, да Сергей Николаевич, да Владимир Петрович.
The master of the house rang and ordered the remains of the supper to be cleared away.	Хозяин позвонил и велел принять остатки ужина.

'And so it's settled,' he observed, sitting back farther in his easy-chair and lighting a cigar; 'each of us is to tell the story of his first love.	-- Итак, это дело решенное, -- промолвил он, глубже усаживаясь в кресло и закурив сигару, -каждый из нас обязан рассказать историю своей первой любви.
It's your turn, Sergei Nikolaevitch.'	За вами очередь, Сергей Николаевич.
Sergei Nikolaevitch, a round little man with a plump, light-complexioned face, gazed first at the master of the house, then raised his eyes to the ceiling.	Сергей Николаевич, кругленький человек с пухленьким белокурым лицом, посмотрел спервa на хозяина, потом поднял глаза к потолку.
'I had no first love,' he said at last; 'I began with the second.'	-- У меня не было первой любви, -- сказал он наконец, -- я прямо начал со второй.
' How was that?'	-- Это каким образом?

' It's very simple.	-- Очень просто.
I was eighteen when I had my first flirtation with a charming young lady, but I courted her just as though it were nothing new to me; just as I courted others later on.	Мне было восемнадцать лет, когда я в первый раз приволокнулся за одной весьма миленькой барышней; но я ухаживал за ней так, как будто дело это было мне не внове: точно так, как я ухаживал потом за другими.
To speak accurately, the first and last time I was in love was with my nurse when I was six years old; but that's in the remote past.	Собственно говоря, в первый и последний раз я влюбился лет шести в свою няню; но этому очень давно.

The details of our relations have slipped out of my memory, and even if I remembered them, whom could they interest?'	Подробности наших отношений изгладились из моей памяти, да если б я их и помнил, кого это может интересовать?
'Then how's it to be?' began the master of the house. 'There was nothing much of interest about my first love either; I never fell in love with any one till I met Anna Nikolaevna, now my wife,-and everything went as smoothly as possible with us; our parents arranged the match, we were very soon in love with each other, and got married without loss of time.	-- Так как же быть? -- начал хозяин. -- В моей первой любви тоже не много занимательного; я ни в кого не влюблялся до знакомства с Анной Ивановной, моей теперешней женой, -- и все у нас шло как по маслу: отцы нас сосватали, мы очень скоро полюбились друг другу и вступили в брак не мешкая.

My story can be told in a couple of words.	Моя сказка двумя словами сказывается.
I must confess, gentlemen, in bringing up the subject of first love, I reckoned upon you, I won't say old, but no longer young, bachelors.	Я, господа, признаюсь, поднимая вопрос о первой любви, надеялся на вас, не скажу старых, но и не молодых холостяков.
Can't you enliven us with something, Vladimir Petrovitch?'	Разве вы нас чем-нибудь потешите, Владимир Петрович?

'My first love, certainly, was not quite an ordinary one,' responded, with some reluctance, Vladimir Petrovitch, a man of forty, with black hair turning grey.	-- Моя первая любовь принадлежит действительно к числу не совсем обыкновенных, -- ответил с небольшой запинкой Владимир Петрович, человек лет сорока, черноволосый, с проседью.
'Ah!' said the master of the house and Sergei Nikolaevitch with one voice: 'So much the better....	-- А! -- промолвили хозяин и Сергей Николаевич в один голос. -- Тем лучше...
Tell us about it.'	Рассказывайте.

'If you wish it ... or no; I won't tell the story; I'm no hand at telling a story; I make it dry and brief, or spun out and affected. If you'll allow me, I'll write out all I remember and read it you.'	-- Извольте... или нет: рассказывать я не стану; я не мастер рассказывать: выходит сухо и коротко или пространно и фальшиво, а если позволите, я запишу все, что вспомню, в тетрадку -- и прочту вам.
His friends at first would not agree, but Vladimir Petrovitch insisted on his own way.	Приятели сперва не согласились, но Владимир Петрович настоял на своем.
A fortnight later they were together again, and Vladimir Petrovitch kept his word.	Через две недели они опять сошлись, и Владимир Петрович сдержал свое обещание.

His manuscript contained the following story:-	Вот что стояло в его тетрадке:
I	I
I was sixteen then.	Мне было тогда шестнадцать лет.
It happened in the summer of 1833.	Дело происходило летом 1833 года.
I lived in Moscow with my parents.	Я жил в Москве у моих родителей.
They had taken a country house for the summer near the Kalouga gate, facing the Neskutchny gardens.	Они нанимали дачу около Калужской заставы, против Нескучного.

I was preparing for the university, but did not work much and was in no hurry.	Я готовился в университет, но работал очень мало и не торопясь.
No one interfered with my freedom.	Никто не стеснял моей свободы.

I did what I liked, especially after parting with my last tutor, a Frenchman who had never been able to get used to the idea that he had fallen 'like a bomb' (comme une bombe) into Russia, and would lie sluggishly in bed with an expression of exasperation on his face for days together.	Я делал что хотел, особенно с тех пор, как я расстался с последним моим гувернером-французом, который никак не мог привыкнуть к мысли, что он упал "как бомба" (comme un bombe) в Россию, и с ожесточенным выражением на лице по целым дням валялся на постели.

My father treated me with careless kindness; my mother scarcely noticed me, though she had no children except me; other cares completely absorbed her.	Отец обходился со мной равнодушно-ласково; матушка почти не обращала на меня внимания, хотя у ней, кроме меня, не было детей: другие заботы ее поглощали.
My father, a man still young and very handsome, had married her from mercenary considerations; she was ten years older than he.	Мой отец, человек еще молодой и очень красивый, женился на ней по расчету; она была старше его десятью годами.

My mother led a melancholy life; she was for ever agitated, jealous and angry, but not in my father's presence; she was very much afraid of him, and he was severe, cold, and distant in his behaviour....	Матушка моя вела печальную жизнь: беспрестанно волновалась, ревновала, сердилась -- но не в присутствии отца; она очень его боялась, а он держался строго, холодно, отдаленно...

I have never seen a man more elaborately serene, self-confident, and commanding.	Я не видал человека более изысканно спокойного, самоуверенного и самовластного.
I shall never forget the first weeks I spent at the country house.	Я никогда не забуду первых недель, проведенных мною на даче.

The weather was magnificent; we left town on the 9th of May, on St. Nicholas's day. I used to walk about in our garden, in the Neskutchny gardens, and beyond the town gates; I would take some book with me-Keidanov's Course, for instance-but I rarely looked into it, and more often than anything declaimed verses aloud; I knew a great deal of poetry by heart; my blood was in a ferment and my heart ached-so sweetly and absurdly; I was all hope and anticipation, was a little frightened of something, and full of wonder at everything, and was on the tiptoe of expectation; my

Погода стояла чудесная; мы переехали из города девятою мая, в самый Николин день Я гулял -- то в саду нашей дачи, то по Нескучному, то за заставой; брал с собою какую-нибудь книгу -курс Кайданова, например, -- но редко ее развертывал, а больше вслух читал стихи, которых знал очень много на память; кровь бродила во мне, и сердце ныло -- так сладко и смешно: я все ждал, робел чего-то и всему дивился и весь был наготове; фантазия играла и носилась быстро вокруг одних и тех же представлений, как

I had a horse to ride; I used to saddle it myself and set off alone for long rides, break into a rapid gallop and fancy myself a knight at a tournament. How gaily the wind whistled in my ears! or turning my face towards the sky, I would absorb its shining radiance and blue into my soul, that opened wide to welcome it.	У меня была верховая лошадка, я сам ее седлал и уезжал один куда-нибудь подальше, пускался вскачь и воображал себя рыцарем на турнире -как весело дул мне в уши ветер! -- или, обратив лицо к небу, принимал его сияющий свет и лазурь в разверстую душу.

I remember that at that time the image of woman, the vision of love, scarcely ever arose in definite shape in my brain; but in all I thought, in all I felt, lay hidden a half-conscious, shamefaced presentiment of something new, unutterably sweet, feminine....	Помнится, в то время образ женщины, призрак женской любви почти никогда не возникал определенными очертаниями в моем уме; но во всем, что я думал, во всем, что я ощущал, таилось полуосознанное, стыдливое предчувствие чего-то нового, несказанно сладкого, женского...
This presentiment, this expectation, permeated my whole being; I breathed in it, it coursed through my veins with every drop of blood ... it was destined to be soon fulfilled.	Это предчувствие, это ожидание проникло весь мой состав: я дышал им, оно катилось по моим жилам в каждой капле крови... ему было суждено скоро сбыться.

The place, where we settled for the summer, consisted of a wooden manor-house with columns and two small lodges; in the lodge on the left there was a tiny factory for the manufacture of cheap wall-papers....	Дача наша состояла из деревянного барского дома с колоннами и двух низеньких флигельков; во флигеле налево помещалась крохотная фабрика дешевых обоев...

I had more than once strolled that way to look at about a dozen thin and dishevelled boys with greasy smocks and worn faces, who were perpetually jumping on to wooden levers, that pressed down the square blocks of the press, and so by the weight of their feeble bodies struck off the variegated patterns of the wall-papers.	Я не раз хаживал туда смотреть, как десяток худых и взъерошенных мальчишек в засаленных халатах и с испитыми лицами то и дело вскакивали на деревянные рычаги, нажимавшие четырехугольные обрубки пресса, и таким образом тяжестью своих тщедушных тел вытискивали пестрые узоры обоев.
The lodge on the right stood empty, and was to let.	Флигелек направо стоял пустой и отдавался внаймы.

One day-three weeks after the 9th of May-the blinds in the windows of this lodge were drawn up, women's faces appeared at them-some family had installed themselves in it.	В один день -- недели три спустя после девятого мая -- ставни в окнах этого флигелька открылись, показались в них женские лица -- какое-то семейство в нем поселилось.
I remember the same day at dinner, my mother inquired of the butler who were our new neighbours, and hearing the name of the Princess Zasyekin, first observed with some respect,	Помнится, в тот же день за обедом матушка осведомилась у дворецкого о том, кто были наши новые соседи, и, услыхав фамилию княгини Засекиной, сперва промолвила не без некоторого уважения:
'Ah! a princess!' ... and then added, 'A poor one, I suppose?'	"А! княгиня... -- а потом прибавила: -- Должно быть, бедная какая-нибудь".

'They arrived in three hired flies,' the butler remarked deferentially, as he handed a dish: 'they don't keep their own carriage, and the furniture's of the poorest.'	-- На трех извозчиках приечали-с, -- заметил, почтительно подавая блюдо, дворецкий, -- своего экипажа не имеют-с, и мебель самая пустая.
' Ah,' replied my mother, 'so much the better.'	-- Да, -- возразила матушка, -- а все-таки лучше.
My father gave her a chilly glance; she was silent.	Отец холодно взглянул на нее: она умолкла.

Certainly the Princess Zasyekin could not be a rich woman; the lodge she had taken was so dilapidated and small and low-pitched that people, even moderately well-off in the world, would hardly have consented to occupy it.	Действительно, княгиня Засекина не могла быть богатой женщиной: нанятый ею флигелек был так ветх, и мал, и низок, что люди, хотя несколько зажиточные, не согласились бы поселиться в нем.
At the time, however, all this went in at one ear and out at the other.	Впрочем, я тогда пропустил это все мимо ушей.
The princely title had very little effect on me; I had just been reading Schiller's Robbers.	Княжеский титул на меня мало действовал: я недавно прочел "Разбойников" Шиллера.
II	II

I was in the habit of wandering about our garden every evening on the look-out for rooks.	У меня была привычка бродить каждый вечер с ружьем по нашему саду и караулить ворон.
I had long cherished a hatred for those wary, sly, and rapacious birds.	К этим осторожным, хищным и лукавым птицам я издавна чувствовал ненависть.

On the day of which I have been speaking, I went as usual into the garden, and after patrolling all the walks without success (the rooks knew me, and merely cawed spasmodically at a distance), I chanced to go close to the low fence which separated our domain from the narrow strip of garden stretching beyond the lodge to the right, and belonging to it.	В день, о котором зашла речь, я также отправился в сад -- и, напрасно исходив все аллеи (вороны меня признали и только издали отрывисто каркали), случайно приблизился к низкому забору, отделявшему собственно наши владения от узенькой полосы сада, простиравшейся за флигельком направо и принадлежавшей к нему.
I was walking along, my eyes on the ground.	Я шел потупя голову.

Suddenly I heard a voice; I looked across the fence, and was thunder-struck....	Вдруг мне послышались голоса; я взглянул через забор -- и окаменел.
I was confronted with a curious spectacle.	Мне представилось странное зрелище.

A few paces from me on the grass between the green raspberry bushes stood a tall slender girl in a striped pink dress, with a white kerchief on her head; four young men were close round her, and she was slapping them by turns on the forehead with those small grey flowers, the name of which I don't know, though they are well known to children; the flowers form little bags, and burst open with a pop when you strike them against anything hard.	В нескольких шагах от меня -- на поляне, между кустами зеленой малины, стояла высокая стройная девушка в полосатом розовом платье и с белым платочком на голове; вокруг нее теснились четыре молодые человека, и она поочередно хлопала их по лбу теми небольшими серыми цветками, которых имени я не знаю, но которые хорошо знакомы детям: эти цветки образуют небольшие мешочки и разрываются с треском, когда хлопнешь ими по чему-нибудь твердому.

The young men presented their foreheads so eagerly, and in the gestures of the girl (I saw her in profile), there was something so fascinating, imperious, caressing, mocking, and charming, that I almost cried out with admiration and delight, and would, I thought, have given everything in the world on the spot only to have had those exquisite fingers strike me on the forehead.	Молодые люди так охотно подставляли свои лбы -- а в движениях девушки (я ее видел сбоку) было что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмешливое и милое, что я чуть не вскрикнул от удивления и удовольствия и, кажется, тут же бы отдал все на свете, чтобы только и меня эти прелестные пальчики хлопнули по лбу.

My gun slipped on to the grass, I forgot everything, I devoured with my eyes the graceful shape and neck and lovely arms and the slightly disordered fair hair under the white kerchief, and the half-closed clever eye, and the eyelashes and the soft cheek beneath them....	Ружье мое соскользнуло на траву, я все забыл, я пожирал взором этот стройный стан, и шейку, и красивые руки, и слегка растрепанные белокурые волосы под белым платочком, и этот полузакрытый умный глаз, и эти ресницы, и нежную щеку под ними...
'Young man, hey, young man,' said a voice suddenly near me: 'is it quite permissible to stare so at unknown young ladies?'	-- Молодой человек, а молодой человек, -проговорил вдруг подле меня чей-то голос, -разве позволительно глядеть так на чужих барышень?
I started, I was struck dumb....	Я вздрогнул весь, я обомлел...

Near me, the other side of the fence, stood a man with close-cropped black hair, looking ironically at me.	Возле меня за забором стоял какой-то человек с коротко остриженными черными волосами и иронически посматривал на меня.
At the same instant the girl too turned towards me....	В это самое мгновение и девушка обернулась ко мне...
I caught sight of big grey eyes in a bright mobile face, and the whole face suddenly quivered and laughed, there was a flash of white teeth, a droll lifting of the eyebrows....	Я увидал огромные серые глаза на подвижном, оживленном лице -- и все это лицо вдруг задрожало, засмеялось, белые зубы сверкнули на нем, брови как-то забавно поднялись...

I crimsoned, picked up my gun from the ground, and pursued by a musical but not ill-natured laugh, fled to my own room, flung myself on the bed, and hid my face in my hands.	Я вспыхнул, схватил с земли ружье и, преследуемый звонким, но не злым хохотаньем, убежал к себе в комнату, бросился на постель и закрыл лицо руками.
My heart was fairly leaping; I was greatly ashamed and overjoyed; I felt an excitement I had never known before.	Сердце во мне так и прыгало; мне было очень стыдно и весело: я чувствовал небывалое волнение.
After a rest, I brushed my hair, washed, and went downstairs to tea.	Отдохнув, я причесался, почистился и сошел вниз к чаю.

The image of the young girl floated before me, my heart was no longer leaping, but was full of a sort of sweet oppression.	Образ молодой девушки носился передо мною, сердце перестало прыгать, но как-то приятно сжималось.

'What's the matter?' my father asked me all at once: 'have you killed a rook?'	-- Что с тобой? -- внезапно спросил меня отец, -убил ворону?
I was on the point of telling him all about it, but I checked myself, and merely smiled to myself.	Я хотел было все рассказать ему, но удержался и только улыбнулся про себя.

As I was going to bed, I rotated-I don't know why-three times on one leg, pomaded my hair, got into bed, and slept like a top all night.	Ложась спать, я, сам не знаю зачем, раза три повернулся на одной ноге, напомадился, лег и всю ночь спал как убитый.
Before morning I woke up for an instant, raised my head, looked round me in ecstasy, and fell asleep again.	Перед утром я проснулся на мгновенье, приподнял голову, посмотрел вокруг себя с восторгом -- и опять заснул.
III	III
'How can I make their acquaintance?' was my first thought when I waked in the morning.	"Как бы с ними познакомиться?" -- было первою моею мыслью, как только я проснулся поутру.

I went out in the garden before morning tea, but I did not go too near the fence, and saw no one.	Я перед чаем отправился в сад, но не подходил слишком близко к забору и никого не видел.
After drinking tea, I walked several times up and down the street before the house, and looked into the windows from a distance....	После чаю я прошелся несколько раз по улице перед дачей -- и издали заглядывал в окна...
I fancied her face at a curtain, and I hurried away in alarm.	Мне почудилось за занавеской ее лицо, и я с испугом поскорее удалился.

'I must make her acquaintance, though,' I thought, pacing distractedly about the sandy plain that stretches before Neskutchny park ... 'but how, that is the question.'	"Однако надо же познакомиться, -- думал я, беспорядочно расхаживая по песчаной равнине, расстилавшейся перед Нескучным, -- но как? Вот в чем вопрос".
I recalled the minutest details of our meeting yesterday; I had for some reason or other a particularly vivid recollection of how she had laughed at me....	Я припоминал малейшие подробности вчерашней встречи: мне почему-то особенно ясно представлялось, как это она посмеялась надо мною...
But while I racked my brains, and made various plans, fate had already provided for me.	Но, пока я волновался и строил различные планы, судьба уже порадела обо мне.

In my absence my mother had received from her new neighbour a letter on grey paper, sealed with brown wax, such as is only used in notices from the post-office or on the corks of bottles of cheap wine.	В мое отсутствие матушка получила от новой своей соседки письмо на серой бумаге, запечатанной бурым сургучом, какой употребляется только на почтовых повестках да на пробках дешевого вина.

In this letter, which was written in illiterate language and in a slovenly hand, the princess begged my mother to use her powerful influence in her behalf; my mother, in the words of the princess, was very intimate with persons of high position, upon whom her fortunes and her children's fortunes depended, as she had some very important business in hand.	В этом письме, написанном безграмотным языком и неопрятным почерком, княгиня просила матушку оказать ей покровительство: матушка моя, по словам княгини, была хорошо знакома с значительными людьми, от которых зависела ее участь и участь ее детей, так как у ней были очень важные процессы.

'I address myself to you,' she wrote, 'as one gentlewoman to another gentlewoman, and for that reason am glad to avail myself of the opportunity.'	"Я квам обращаюсь, -- писала она, -- как благородная дама благородной даме, и при том мне преятно воспользоватца сим случаем".
Concluding, she begged my mother's permission to call upon her.	Кончая, она просила у матушки позволения явиться к ней.

I found my mother in an unpleasant state of indecision; my father was not at home, and she had no one of whom to ask advice.	Я застал матушку в неприятном расположении духа: отца не было дома, и ей не с кем было посоветоваться.

Not to answer a gentlewoman, and a princess into the bargain, was impossible. But my mother was in a difficulty as to how to answer her.	Не отвечать "благородной даме", да еще княгине, было невозможно, а как отвечать -- матушка недоумевала.
To write a note in French struck her as unsuitable, and Russian spelling was not a strong point with my mother herself, and she was aware of it, and did not care to expose herself.	Написать записку по-французски казалось ей неуместным, а в русской орфографии сама матушка не была сильна -- и знала это и не хотела компрометироваться.

She was overjoyed when I made my appearance, and at once told me to go round to the princess's, and to explain to her by word of mouth that my mother would always be glad to do her excellency any service within her powers, and begged her to come to see her at one o'clock.	Она обрадовалась моему приходу и тотчас приказала мне сходить к княгине и на словах объяснить ей, что матушка, мол, моя всегда готова оказать ее сиятельству, по мере сил, услугу и просить ее пожаловать к ней часу в первом.

This unexpectedly rapid fulfilment of my secret desires both delighted and appalled me. I made no sign, however, of the perturbation which came over me, and as a preliminary step went to my own room to put on a new necktie and tail coat; at home I still wore short jackets and lay-down collars, much as I abominated them.	Неожиданно быстрое исполнение моих тайных желаний меня и обрадовало и испугало; однако я не выказал овладевшего мною смущения -- и предварительно отправился к себе в комнату, чтобы надеть новенький галстух и сюртучок: дома я еще ходил в куртке и в отложных воротничках, хотя очень ими тяготился.
IV	IV

In the narrow and untidy passage of the lodge, which I entered with an involuntary tremor in all my limbs, I was met by an old grey-headed servant with a dark copper-coloured face, surly little pig's eyes, and such deep furrows on his forehead and temples as I had never beheld in my life.	В тесной и неопрятной передней флигелька, куда я вступил с невольной дрожью во всем теле, встретил меня старый и седой слуга с темным, медного цвета, лицом, свиными угрюмыми глазками и такими глубокими морщинами на лбу и на висках, каких я в жизни не видывал.
He was carrying a plate containing the spine of a herring that had been gnawed at; and shutting the door that led into the room with his foot, he jerked out,	Он нес на тарелке обглоданный хребет селедки и, притворяя ногою дверь, ведущую в другую комнату, отрывисто проговорил:

'What do you want?'	-- Чего вам?
' Is the Princess Zasyekin at home?' I inquired.	-- Княгиня Засекина дома? -- спросил я.
'Vonifaty!' a jarring female voice screamed from within.	-- Вонифатий! -- закричал из-за двери дребезжащий женский голос.
The man without a word turned his back on me, exhibiting as he did so the extremely threadbare hindpart of his livery with a solitary reddish heraldic button on it; he put the plate down on the floor, and went away.	Слуга молча повернулся ко мне спиною, причем обнаружилась сильно истертая спинка его ливреи, с одинокой порыжелой гербовой пуговицей, и ушел, поставив тарелку на пол.

'Did you go to the police station?' the same female voice called again.	-- В квартал ходил? -- повторил тот же женский голос.
The man muttered something in reply. 'Eh....	Слуга пробормотал что-то. -- А?..
Has some one come?' I heard again.... 'The young gentleman from next door.	Пришел кто-то?.. -- послышалось опять. -- Барчук соседний?

Ask him in, then.'	Ну, проси.
'Will you step into the drawing-room?' said the servant, making his appearance once more, and picking up the plate from the floor.	-- Пожалуйте-с в гостиную, -- проговорил слуга, появившись снова передо мною и поднимая тарелку с полу.

I mastered my emotions, and went into the drawing-room.	Я оправился и вошел в "гостиную".
I found myself in a small and not over clean apartment, containing some poor furniture that looked as if it had been hurriedly set down where it stood.	Я очутился в небольшой и не совсем опрятной комнате с бедной, словно наскоро расставленной мебелью.
At the window in an easy-chair with a broken arm was sitting a woman of fifty, bareheaded and ugly, in an old green dress, and a striped worsted wrap about her neck.	У окна, на кресле с отломанной ручкой, сидела женщина лет пятидесяти, простоволосая и некрасивая, в зеленом старом платье и с пестрой гарусной косынкой вокруг шеи.
Her small black eyes fixed me like pins.	Ее небольшие черные глазки так и впились в меня.

I went up to her and bowed.	Я подошел к ней и раскланялся.
'I have the honour of addressing the Princess Zasyekin?'	-- Я имею честь говорить с княгиней Засекиной?
'I am the Princess Zasyekin; and you are the son of Mr. V.?'	-- Я княгиня Засекина; а вы сын господина В.?
'Yes.	-- Точно так-с.
I have come to you with a message from my mother.'	Я пришел к вам с поручением от матушки.
' Sit down, please.	-- Садитесь, пожалуйста.
Vonifaty, where are my keys, have you seen them?'	Вонифатий! где мои ключи, не видал?

I communicated to Madame Zasyekin my mother's reply to her note.	Я сообщил г-же Засекиной ответ моей матушки на ее записку.
She heard me out, drumming with her fat red fingers on the window-pane, and when I had finished, she stared at me once more.	Она выслушала меня, постукивая толстыми красными пальцами по оконнице, а когда я кончил, еще раз уставилась на меня.
'Very good; I'll be sure to come,' she observed at last. 'But how young you are!	-- Очень хорошо; непременно буду, -- промолвила она наконец. -- А как вы еще молоды!
How old are you, may I ask?'	Сколько вам лет, позвольте спросить?
'Sixteen,' I replied, with an involuntary stammer.	-- Шестнадцать лет, -- отвечал я с невольной запинкой.

The princess drew out of her pocket some greasy papers covered with writing, raised them right up to her nose, and began looking through them.	Княгиня достала из кармана какие-то исписанные, засаленные бумаги, поднесла их к самому носу и принялась перебирать их.
'A good age,' she ejaculated suddenly, turning round restlessly on her chair. 'And do you, pray, make yourself at home.	-- Годы хорошие, -- произнесла она внезапно, поворачиваясь и ерзая на стуле. -- А вы, пожалуйста, будьте без церемонии.
I don't stand on ceremony.'	У меня просто.

'No, indeed,' I thought, scanning her unprepossessing person with a disgust I could not restrain.	"Слишком просто", -- подумал я, с невольной гадливостью окидывая взором всю ее неблагообразную фигуру.

At that instant another door flew open quickly, and in the doorway stood the girl I had seen the previous evening in the garden.	В это мгновенье другая дверь гостиной быстро распахнулась, и на пороге появилась девушка, которую я видел накануне в саду.
She lifted her hand, and a mocking smile gleamed in her face.	Она подняла руку, и на лице ее мелькнула усмешка.
'Here is my daughter,' observed the princess, indicating her with her elbow. 'Zinotchka, the son of our neighbour, Mr. V.	-- А вот и дочь моя, -- промолвила княгиня, указав на нее локтем. -- Зиночка, сын нашего соседа, господина В.
What is your name, allow me to ask?'	Как вас зовут, позвольте узнать?
'Vladimir,' I answered, getting up, and stuttering in my excitement.	-- Владимиром, -- отвечал я, вставая и пришепетывая от волнения.

' And your father's name?'	-- А по батюшке?
' Petrovitch.'	-- Петровичем.
' Ah!	-- Да!
I used to know a commissioner of police whose name was Vladimir Petrovitch too.	У меня был полицей-мейстер знакомый, тоже Владимиром Петровичем звали.
Vonifaty! don't look for my keys; the keys are in my pocket.'	Вонифатий! не ищи ключей, ключи у меня в кармане.
The young girl was still looking at me with the same smile, faintly fluttering her eyelids, and putting her head a little on one side.	Молодая девушка продолжала глядеть на меня с прежней усмешкой, слегка щурясь и склонив голову немного набок.

'I have seen Monsieur Voldemar before,' she began. (The silvery note of her voice ran through me with a sort of sweet shiver.) 'You will let me call you so?'	-- Я уже видела мсьё Вольдемара, -- начала она. (Серебристый звук ее голоса пробежал по мне каким-то сладким холодком.) -- Вы мне позволите так называть вас?
' Oh, please,' I faltered.	-- Помилуйте-с, -- пролепетал я.
'Where was that?' asked the princess.	-- Где это? -- спросила княгиня.
The young princess did not answer her mother.	Княжна не отвечала своей матери.
'Have you anything to do just now?' she said, not taking her eyes off me.	-- Вы теперь заняты? -- промолвила она, не спуская с меня глаз.
' Oh, no.'	-- Никак нет-с.

'Would you like to help me wind some wool?	-- Хотите вы мне помочь шерсть распутать?
Come in here, to me.'	Подите сюда, ко мне.
She nodded to me and went out of the drawing-room.	Она кивнула мне головой и пошла вон из гостиной.
I followed her.	Я отправился вслед за ней.
In the room we went into, the furniture was a little better, and was arranged with more taste.	В комнате, куда мы вошли, мебель была немного получше и расставлена с большим вкусом.

Though, indeed, at the moment, I was scarcely capable of noticing anything; I moved as in a dream and felt all through my being a sort of intense blissfulness that verged on imbecility.	Впрочем, в это мгновенье я почти ничего заметить не мог: я двигался как во сне и ощущал во всем составе своем какое-то до глупости напряженное благополучие.
The young princess sat down, took out a skein of red wool and, motioning me to a seat opposite her, carefully untied the skein and laid it across my hands.	Княжна села, достала связку красной шерсти и, указав мне на стул против нее, старательно развязала связку и положила мне ее на руки.

All this she did in silence with a sort of droll deliberation and with the same bright sly smile on her slightly parted lips.	Все это она делала молча, с какой-то забавной медлительностью и с той же светлой и лукавой усмешкой на чуть-чуть раскрытых губах.
She began to wind the wool on a bent card, and all at once she dazzled me with a glance so brilliant and rapid, that I could not help dropping my eyes.	Она начала наматывать шерсть на перегнутую карту и вдруг озарила меня таким ясным и быстрым взглядом, что я невольно потупился.

When her eyes, which were generally half closed, opened to their full extent, her face was completely transfigured; it was as though it were flooded with light.	Когда ее глаза, большею частию полуприщуренные, открывались во всю величину свою, -- ее лицо изменялось совершенно: точно свет проливался по нем.
'What did you think of me yesterday, M'sieu Voldemar?' she asked after a brief pause. 'You thought ill of me, I expect?'	-- Что вы подумали обо мне вчера, мсьё Вольдемар? -- спросила она погодя немного. -Вы, наверно, осудили меня?
'I ... princess ... I thought nothing ... how can I?...' I answered in confusion.	-- Я -- княжна... я ничего не думал... как я могу... - отвечал я с смущением.

'Listen,' she rejoined. 'You don't know me yet. I'm a very strange person; I like always to be told the truth.	-- Послушайте, -- возразила она. -- Вы меня еще не знаете; я престранная: я хочу, чтоб мне всегда правду говорили.
You, I have just heard, are sixteen, and I am twenty-one: you see I'm a great deal older than you, and so you ought always to tell me the truth ... and to do what I tell you,' she added. 'Look at me: why don't you look at me?'	Вам, я слышала, шестнадцать лет, а мне двадцать один: вы видите, я гораздо старше вас, и потому вы всегда должны мне говорить правду... и слушаться меня, -- прибавила она. -- Глядите на меня -- отчего вы на меня не глядите?
I was still more abashed; however, I raised my eyes to her.	Я смутился еще более, однако поднял на нее глаза.

She smiled, not her former smile, but a smile of approbation.	Она улыбнулась, только не прежней, а другой, одобрительной улыбкой.
'Look at me,' she said, dropping her voice caressingly: 'I don't dislike that ... I like your face; I have a presentiment we shall be friends.	-- Глядите на меня, -- промолвила она, ласково понижая голос, -- мне это. не неприятно... Мне ваше лицо нравится; я предчувствую, что мы будем друзьями.
But do you like me?' she added slyly.	А я вам нравлюсь? -- прибавила она лукаво.
'Princess ...' I was beginning.	-- Княжна... -- начал было я.

'In the first place, you must call me Zina?da Alexandrovna, and in the second place it's a bad habit for children'-(she corrected herself) 'for young people- not to say straight out what they feel.	-- Во-первых, называйте меня Зинаидой Александровной, а во-вторых, что это за привычка у детей (она поправилась) -- у молодых людей -- не говорить прямо то, что они чувствуют?
That's all very well for grown-up people.	Это хорошо для взрослых.
You like me, don't you?'	Ведь я вам нравлюсь?

Though I was greatly delighted that she talked so freely to me, still I was a little hurt.	Хотя мне очень было приятно, что она так откровенно со мной говорила, однако я немного обиделся.

I wanted to show her that she had not a mere boy to deal with, and assuming as easy and serious an air as I could, I observed,	Я хотел показать ей, что она имеет дело не с мальчиком, и, приняв по возможности раз-вязный и серьезный вид, промолвил:
'Certainly. I like you very much, Zina?da Alexandrovna; I have no wish to conceal it.'	-- Конечно, вы очень мне нравитесь, Зинаи-да Александровна; я не хочу это скрывать.
She shook her head very deliberately.	Она с расстановкой по-качала головой.
' Have you a tutor?' she asked suddenly.	-- У вас есть гувернер? -- спросила она вдруг.
'No; I've not had a tutor for a long, long while.'	-- Нет, у меня уже давно нет гувернера.
I told a lie; it was not a month since I had parted with my Frenchman.	Я лгал; еще месяца не прошло с тех пор, как я расстался с моим фран-цузом.

' Oh! I see then-you are quite grown-up.'	-- О! да я вижу -- вы совсем большой.
She tapped me lightly on the fingers.	Она легонько ударила меня по пальцам.
'Hold your hands straight!' And she applied herself busily to winding the ball.	-- Держите прямо руки! -- И она прилежно занялась наматыванием клубка.
I seized the opportunity when she was looking down and fell to watching her, at first stealthily, then more and more boldly.	Я воспользовался тем, что она не поднимала глаз, и принялся ее рассматривать, сперва украдкой, потом все смелее и смелее.

Her face struck me as even more charming than on the previous evening; everything in it was so delicate, clever, and sweet.	Лицо ее показалось мне еще прелестнее, чем накануне: так все в нем было тонко, умно и мило.
She was sitting with her back to a window covered with a white blind, the sunshine, streaming in through the blind, shed a soft light over her fluffy golden curls, her innocent neck, her sloping shoulders, and tender untroubled bosom.	Она сидела спиной к окну, завешенному белой сторой; солнечный луч, пробиваясь сквозь эту стору, обливал мягким светом ее пушистые золотистые волосы, ее невинную шею, покатые плечи и нежную, спокойную грудь.
I gazed at her, and how dear and near she was already to me!	Я глядел на нее -- и как дорога и близка становилась она мне!

It seemed to me I had known her a long while and had never known anything nor lived at all till I met her....	Мне сдавалось, что и давно-то я ее знаю и ничего не знал и не жил до нее...
She was wearing a dark and rather shabby dress and an apron; I would gladly, I felt, have kissed every fold of that dress and apron.	На ней было темненькое, уже поношенное, платье с передником; я, кажется, охотно поласкал бы каждую складку этого платья и этого передника.
The tips of her little shoes peeped out from under her skirt; I could have bowed down in adoration to those shoes....	Кончики ее ботинок выглядывали из-под ее платья: я бы с обожанием преклонился к этим ботинкам...

'And here I am sitting before her,' I thought; 'I have made acquaintance with her ... what happiness, my God!'	"И вот я сижу перед ней, -- подумал я, -- я с ней познакомился... какое счастье, боже мой!"
I could hardly keep from jumping up from my chair in ecstasy, but I only swung my legs a little, like a small child who has been given sweetmeats.	Я чуть не соскочил со стула от восторга, но только ногами немного поболтал как ребенок, который лакомится.

I was as happy as a fish in water, and I could have stayed in that room for ever, have never left that place.	Мне было хорошо, как рыбе в воде, и я бы век не ушел из этой комнаты, не покинул бы этого места.

Her eyelids were slowly lifted, and once more her clear eyes shone kindly upon me, and again she smiled.	Ее веки тихо поднялись, и опять ласково засияли передо мною ее светлые глаза -- и опять она усмехнулась.
'How you look at me!' she said slowly, and she held up a threatening finger.	-- Как вы на меня смотрите, -- медленно проговорила она и погрозила мне пальцем.
I blushed ...	Я покраснел...
'She understands it all, she sees all,' flashed through my mind. 'And how could she fail to understand and see it all?'	"Она все понимает, она все видит, -- мелькнуло у меня в голове. -- И как ей всего не понимать и не видеть!"
All at once there was a sound in the next room-the clink of a sabre.	Вдруг что-то застучало в соседней комнате -зазвенела сабля.

'Zina!' screamed the princess in the drawing-room, 'Byelovzorov has brought you a kitten.'	-- Зина! -- закричала в гостиной княгиня, --Беловзоров принес тебе котенка.
'A kitten!' cried Zina?da, and getting up from her chair impetuously, she flung the ball of worsted on my knees and ran away.	-- Котенка! -- воскликнула Зинаида и, стремительно поднявшись со стула, бросила клубок мне на колени и выбежала вон.
I too got up and, laying the skein and the ball of wool on the window-sill, I went into the drawing-room and stood still, hesitating.	Я тоже встал и, положив связку шерсти и клубок на оконницу, вышел в гостиную и остановился в недоумении.

In the middle of the room, a tabby kitten was lying with outstretched paws; Zina?da was on her knees before it, cautiously lifting up its little face.	Посредине комнаты лежал, растопыря лапки, полосатый котенок; Зинаида стояла перед ним на коленях и осторожно поднимала ему мордочку.
Near the old princess, and filling up almost the whole space between the two windows, was a flaxen curly-headed young man, a hussar, with a rosy face and prominent eyes.	Возле княгини, заслонив почти весь простенок между окнами, виднелся белокурый и курчавый молодец, гусар с румяным лицом и глазами навыкате.
'What a funny little thing!' Zina?da was saying; 'and its eyes are not grey, but green, and what long ears!	-- Какой смешной! -- твердила Зинаида, -- и глаза у него не серые, а зеленые, и уши какие большие.
Thank you, Viktor Yegoritch! you are very kind.'	Спасибо вам, Виктор Егорыч! Вы очень милы.

The hussar, in whom I recognised one of the young men I had seen the evening before, smiled and bowed with a clink of his spurs and a jingle of the chain of his sabre.	Гусар, в котором я узнал одного из виденных мною накануне молодых людей, улыбнулся и поклонился, причем щелкнул шпорами и брякнул колечками сабли.
'You were pleased to say yesterday that you wished to possess a tabby kitten with long ears ... so I obtained it.	-- Вам угодно было вчера сказать, что вы желаете иметь полосатого котенка с большими ушами... вот, я и достал-с.
Your word is law.' And he bowed again.	Слова -- закон. -- И он опять поклонился.
The kitten gave a feeble mew and began sniffing the ground.	Котенок слабо пискнул и начал нюхать пол.

'It's hungry!' cried Zina?da. 'Vonifaty, Sonia! bring some milk.'	-- Он голоден! -- воскликнула Зинаида. --Вонифатий! Соня! принесите молока.

A maid, in an old yellow gown with a faded kerchief at her neck, came in with a saucer of milk and set it before the kitten.	Горничная, в старом желтом платье с полинялым платочком на шее, вошла с блюдечком молока в руке и поставила его перед котенком.
The kitten started, blinked, and began lapping.	Котенок дрогнул, зажмурился и принялся лакать.

'What a pink little tongue it has!' remarked Zina?da, putting her head almost on the ground and peeping at it sideways under its very nose.	-- Какой у него розовый язычок, -- заметила Зинаида, пригнув голову почти к полу и заглядывая ему сбоку под самый нос.
The kitten having had enough began to purr and move its paws affectedly.	Котенок насытился и замурлыкал, жеманно перебирая лапками.
Zina?da got up, and turning to the maid said carelessly,	Зинаида встала и, обернувшись к горничной, равнодушно промолвила:
' Take it away.'	-- Унеси его.

'For the kitten-your little hand,' said the hussar, with a simper and a shrug of his strongly-built frame, which was tightly buttoned up in a new uniform.	-- За котенка -- ручку, -- проговорил гусар, осклабясь и передернув всем своим могучим телом, туго затянутым в новый мундир.
'Both,' replied Zina?da, and she held out her hands to him.	-- Обе, -- возразила Зинаида и протянула к нему руки.
While he was kissing them, she looked at me over his shoulder.	Пока он целовал их, она смотрела на меня через плечо.
I stood stockstill in the same place and did not know whether to laugh, to say something, or to be silent.	Я стоял неподвижно на одном месте и не знал -засмеяться ли мне, сказать ли что-нибудь или так промолчать.

Suddenly through the open door into the passage I caught sight of our footman, Fyodor.	Вдруг, сквозь раскрытую дверь передней, мне бросилась в глаза фигура нашего лакея Федора.
He was making signs to me.	Он делал мне знаки.
Mechanically I went out to him.	Я машинально вышел к нему.
'What do you want?' I asked.	-- Что ты? -- спросил я.
'Your mamma has sent for you,' he said in a whisper. 'She is angry that you have not come back with the answer.'	-- Маменька прислали за вами, -- проговорил он шепотом. -- Оне гневаются, что вы с ответом не ворочаетесь.
'Why, have I been here long?'	-- Да разве я давно здесь?
' Over an hour.'	-- Час с лишком.

'Over an hour!' I repeated unconsciously, and going back to the drawing-room I began to make bows and scrape with my heels.	-- Час с лишком! -- повторил я невольно и, вернувшись в гостиную, начал раскланиваться и шаркать ногами.
'Where are you off to?' the young princess asked, glancing at me from behind the hussar.	-- Куда вы? -- спросила меня княжна, взглянув из-за гусара.
' I must go home.	-- Мне нужно домой-с.
So I am to say,' I added, addressing the old lady, 'that you will come to us about two.'	Так я скажу, -- прибавил я, обращаясь к старухе, -что вы пожалуете к нам во втором часу.
' Do you say so, my good sir.'	-- Так и скажите, батюшка.

The princess hurriedly pulled out her snuff-box and took snuff so loudly that I positively jumped.	Княгиня торопливо достала табакерку и так шумно понюхала, что я да же вздрогнул.

'Do you say so,' she repeated, blinking tearfully and sneezing.	-- Так и скажите, -- повторила она, слезливо моргая и кряхтя.
I bowed once more, turned, and went out of the room with that sensation of awkwardness in my spine which a very young man feels when he knows he is being looked at from behind.	Я еще раз поклонился, повернулся и вышел из комнаты с тем чувством неловкости в спине, которое ощущает очень молодой человек, когда он знает, что ему глядят вслед.

'Mind you come and see us again, M'sieu Voldemar,' Zina?da called, and she laughed again.	-- Смотрите же, мсьё Вольдемар, заходите к нам, -- крикнула Зинаида и опять рассмеялась.
'Why is it she's always laughing?' I thought, as I went back home escorted by Fyodor, who said nothing to me, but walked behind me with an air of disapprobation.	"Что это она все смеется?" -- думал я, возвращаясь домой в сопровождении Федора, который ничего мне не говорил, но двигался за мной неодобрительно.
My mother scolded me and wondered what ever I could have been doing so long at the princess's.	Матушка меня побранила и удивилась: что я мог так долго делать у этой княгини?
I made her no reply and went off to my own room.	Я ничего не отвечал ей и отправился к себе в комнату.

I felt suddenly very sad....	Мне вдруг стало очень грустно...
I tried hard not to cry....	Я силился не плакать...
I was jealous of the hussar.	Я ревновал к гусару.
V	V
The princess called on my mother as she had promised and made a disagreeable impression on her.	Княгиня, по обещанию, навестила матушку и не понравилась ей.

I was not present at their interview, but at table my mother told my father that this Prince Zasyekin struck her as a femme tr?s vulgaire, that she had quite worn her out begging her to interest Prince Sergei in their behalf, that she seemed to have no end of lawsuits and affairs on hand-de vilaines affaires d'argent-and must be a very troublesome and litigious person.	Я не присутствовал при их свидании, но за столом матушка рассказывала отцу, что эта княгиня Засекина ей кажется une femme tres vulgaire [женщиной весьма вульгарной -- фр.], что она очень ей надоела своими просьбами ходатайствовать за нее у князя Сергия, что у ней все какие-то тяжбы и дела -- des vilaines affaires d'argent [гадкие денежные дела -- фр.] -- и что она должна быть великая кляузница.

My mother added, however, that she had asked her and her daughter to dinner the next day (hearing the word 'daughter' I buried my nose in my plate), for after all she was a neighbour and a person of title.	Матушка, однако же, прибавила, что она позвала ее с дочерью на завтрашний день обедать (услыхав слово "с дочерью", я уткнул нос в тарелку), потому что она все-таки соседка, и с именем.

Upon this my father informed my mother that he remembered now who this lady was; that he had in his youth known the deceased Prince Zasyekin, a very well-bred, but frivolous and absurd person; that he had been nicknamed in society 'le Parisien,' from having lived a long while in Paris; that he had been very rich, but had gambled away all his property; and for some unknown reason, probably for money, though indeed he might have chosen better, if so, my father added with a cold smile, he had married the daughter of an agent, and after his marriage had entered upon speculations and	На это отец объявил матушке, что он теперь припоминает, какая это госпожа; что он в молодости знал покойного князя Засекина, отлично воспитанного, но пустого и вздорного человека; что его в обществе звали "le Parisien" ["Парижанин" -- фр.], по причине его долгого житья в Париже; что он был очень богат, но проиграл все свое состояние -- и неизвестно почему, чуть ли не из-за денег, -- впрочем, он бы мог лучше выбрать, -- прибавил отец и холодно улыбнулся, -- женился на дочери какого-то приказного, а женившись, пустился в спекуляции и разорился окончательно.

'If only she doesn't try to borrow money,' observed my mother.	-- Как бы она денег взаймы не попросила, -заметила матушка.
'That's exceedingly possible,' my father responded tranquilly. 'Does she speak French?'	-- Это весьма возможно, -- спокойно промолвил отец. -- Говорит она по-французски?
' Very badly.'	-- Очень плохо.
' H'm. It's of no consequence anyway.	-- Гм. Впрочем, это все равно.
I think you said you had asked the daughter too; some one was telling me she was a very charming and cultivated girl.'	Ты мне, кажется, сказала, что ты и дочь ее позвала; меня кто-то уверял, что она очень милая и образованная девушка.
' Ah!	-- А!

Then she can't take after her mother.'	Стало быть, она не в мать.
'Nor her father either,' rejoined my father. 'He was cultivated indeed, but a fool.'	-- И не в отца, -- возразил отец. -- Тот был тоже образован, да глуп.
My mother sighed and sank into thought.	Матушка вздохнула и задумалась.
My father said no more.	Отец умолк.
I felt very uncomfortable during this conversation.	Мне было очень неловко в течение этого разговора.
After dinner I went into the garden, but without my gun.	После обеда я отправился в сад, но без ружья.

I swore to myself that I would not go near the Zasyekins' garden, but an irresistible force drew me thither, and not in vain.	Я дал было себе слово не подходить к "засекинскому саду", но неотразимая сила влекла меня туда -- и недаром.
I had hardly reached the fence when I caught sight of Zina?da.	Не успел я приблизиться к забору, как увидел Зинаиду.
This time she was alone.	На этот раз она была одна.
She held a book in her hands, and was coming slowly along the path.	Она держала в руках книжку и медленно шла по дорожке.
She did not notice me.	Она меня не замечала.
I almost let her pass by; but all at once I changed my mind and coughed.	Я чуть-чуть не пропустил ее; но вдруг спохватился и кашлянул.

She turned round, but did not stop, pushed back with one hand the broad blue ribbon of her round straw hat, looked at me, smiled slowly, and again bent her eyes on the book.	Она обернулась, но не остановилась, отвела рукою широкую голубую ленту своей круглой соломенной шляпы, посмотрела на меня, тихонько улыбнулась и опять устремила глаза в книжку.
I took off my cap, and after hesitating a moment, walked away with a heavy heart.	Я снял фуражку и, помявшись немного на месте, пошел прочь с тяжелым сердцем.
'Que suis-je pour elle?' I thought (God knows why) in French.	"Que suis-je pour elle? "["Что я для нее?" -- фр.] -подумал я (бог знает почему) по-французски.

Familiar footsteps sounded behind me; I looked round, my father came up to me with his light, rapid walk.	Знакомые шаги раздались за мною: я оглянулся -ко мне своей быстрой и легкой походкой шел отец.
' Is that the young princess?' he asked me.	-- Это княжна? -- спросил он меня.
'Yes.'	-- Княжна.
' Why, do you know her?'	-- Разве ты ее знаешь?
' I saw her this morning at the princess's.'	-- Я ее видел сегодня утром у княгини.
My father stopped, and, turning sharply on his heel, went back.	Отец остановился и, круто повернувшись на каблуках, пошел назад.
When he was on a level with Zina?da, he made her a courteous bow.	Поравнявшись с Зинаидой, он вежливо ей поклонился.

She, too, bowed to him, with some astonishment on her face, and dropped her book.	Она также ему поклонилась, не без некоторого изумления на лице, и опустила книгу.
I saw how she looked after him.	Я видел, как она провожала его глазами.
My father was always irreproachably dressed, simple and in a style of his own; but his figure had never struck me as more graceful, never had his grey hat sat more becomingly on his curls, which were scarcely perceptibly thinner than they had once been.	Мой отец всегда одевался очень изящно, своеобразно и просто; но никогда его фигура не показалась мне более стройной, никогда его серая шляпа не сидела красивее на его едва поредевших кудрях.

I bent my steps toward Zina?da, but she did not even glance at me; she picked up her book again and went away.	Я направился было к Зинаиде, но она даже не взглянула на меня, снова приподняла книгу и удалилась.
VI	VI
The whole evening and the following day I spent in a sort of dejected apathy.	Целый вечер и следующее утро я провел в каком-то унылом онемении.
I remember I tried to work and took up Keidanov, but the boldly printed lines and pages of the famous text-book passed before my eyes in vain.	Помнится, я попытался работать и взялся за Кайданова -- но напрасно мелькали передо мною разгонистые строчки и страницы знаменитого учебника.
I read ten times over the words:	Десять раз сряду прочел я слова:

'Julius Caesar was distinguished by warlike courage.' I did not understand anything and threw the book aside.	"Юлий Цезарь отличался воинской отвагой" -- не понял ничего и бросил книгу.
Before dinner-time I pomaded myself once more, and once more put on my tail-coat and necktie.	Перед обедом я опять напомадился и опять надел сюртучок и галстух.

'What's that for?' my mother demanded. 'You're not a student yet, and God knows whether you'll get through the examination.	-- Это зачем? -- спросила матушка. -- Ты еще не студент, и бог знает, выдержишь ли ты экзамен.
And you've not long had a new jacket!	Да и давно ли тебе сшили куртку?

You can't throw it away!'	Не бросать же ее!
' There will be visitors,' I murmured almost in despair.	-- Гости будут, -- прошептал я почти с отчаянием.
' What nonsense! fine visitors indeed!'	-- Вот вздор! какие это гости!
I had to submit.	Надо было покориться.
I changed my tail-coat for my jacket, but I did not take off the necktie.	Я заменил сюртучок курткой, но галстуха не снял.

The princess and her daughter made their appearance half an hour before dinner-time; the old lady had put on, in addition to the green dress with which I was already acquainted, a yellow shawl, and an old-fashioned cap adorned with flame-coloured ribbons.	Княгиня с дочерью явилась за полчаса до обеда; старуха сверх зеленого, уже знакомого мне платья накинула желтую шаль и надела старомодный чепец с лентами огненного цвета.
She began talking at once about her money difficulties, sighing, complaining of her poverty, and imploring assistance, but she made herself at home; she took snuff as noisily, and fidgeted and lolled about in her chair as freely as ever.	Она тотчас заговорила о своих векселях, вздыхала, жаловалась на свою бедность, "канючила", но нисколько не чинилась: так же шумно нюхала табак, так же свободно поворачивалась и ерзала на стуле.

It never seemed to have struck her that she was a princess.	Ей как будто и в голову не входило, что она княгиня.
Zina?da on the other hand was rigid, almost haughty in her demeanour, every inch a princess.	Зато Зинаида держала себя очень строго, почти надменно, настоящей княжной.
There was a cold immobility and dignity in her face. I should not have recognised it; I should not have known her smiles, her glances, though I thought her exquisite in this new aspect too.	На лице ее появилась холодная неподвижность и важность -- и я не узнавал ее, не узнавал ее взглядов, ее улыбки, хотя и в этом новом виде она мне казалась прекрасной.

She wore a light bar?ge dress with pale blue flowers on it; her hair fell in long curls down her cheek in the English fashion; this style went well with the cold expression of her face.	На ней было легкое барежевое платье с бледно-синими разводами; волосы ее падали длинными локонами вдоль щек -- на английский манер; эта прическа шла к холодному выражению ее лица.
My father sat beside her during dinner, and entertained his neighbour with the finished and serene courtesy peculiar to him.	Отец мой сидел возле нее во время обеда и со свойственной ему изящной и спокойной вежливостью занимал свою соседку.
He glanced at her from time to time, and she glanced at him, but so strangely, almost with hostility.	Он изредка взглядывал на нее -- и она изредка на него взглядывала, да так странно, почти враждебно.

Their conversation was carried on in French; I was surprised, I remember, at the purity of Zina?da's accent.	Разговор у них шел по-французски; меня, помнится, удивила чистота Зинаидина произношения.
The princess, while we were at table, as before made no ceremony; she ate a great deal, and praised the dishes.	Княгиня, во время стола, по-прежнему ничем не стеснялась, много ела и хвалила кушанья.

My mother was obviously bored by her, and answered her with a sort of weary indifference; my father faintly frowned now and then.	Матушка видимо ею тяготилась и отвечала ей с каким-то грустным пренебрежением; отец изредка чуть-чуть морщил брови.

My mother did not like Zina?da either.	Зинаида также не понравилась матушке.
'A conceited minx,' she said next day. 'And fancy, what she has to be conceited about, avec sa mine de grisette!'	-- Это какая-то гордячка, -- говорила она на следующий день. -- И подумаешь чего гордиться -- avec sa mine de grisette! [с ее внешностью гризетки! -- фр.]
'It's clear you have never seen any grisettes,' my father observed to her.	-- Ты, видно, не видала гризеток, -- заметил ей отец.
' Thank God, I haven't!'	-- И слава богу!
'Thank God, to be sure ... only how can you form an opinion of them, then?'	-- Разумеется, слава богу... только как же ты можешь судить о них?

To me Zina?da had paid no attention whatever.	На меня Зинаида не обращала решительно никакого внимания.
Soon after dinner the princess got up to go.	Скоро после обеда княгиня стала прощаться.
'I shall rely on your kind offices, Maria Nikolaevna and Piotr Vassilitch,' she said in a doleful sing-song to my mother and father. 'I've no help for it!	-- Буду надеяться на ваше покровительство, Марья Николаевна и Петр Васильич, -- сказала она нараспев матушке и отцу. -- Что делать!
There were days, but they are over.	Были времена, да прошли.
Here I am, an excellency, and a poor honour it is with nothing to eat!'	Вот и я -- сиятельная, -- прибавила она с неприятным смехом, -- да что за честь, коли нечего есть.

My father made her a respectful bow and escorted her to the door of the hall.	Отец почтительно ей поклонился и проводил ее до двери передней.
I was standing there in my short jacket, staring at the floor, like a man under sentence of death.	Я стоял тут же в своей куцей куртке и глядел на пол, словно к смерти приговоренный.
Zina?da's treatment of me had crushed me utterly.	Обращение Зинаиды со мной меня окончательно убило.
What was my astonishment, when, as she passed me, she whispered quickly with her former kind expression in her eyes:	Каково же было мое удивление, когда, проходя мимо меня, она скороговоркой и с прежним ласковым выражением в глазах шепнула мне:

'Come to see us at eight, do you hear, be sure....'	-- Приходите к нам в восемь часов, слышите, непременно.
I simply threw up my hands, but already she was gone, flinging a white scarf over her head.	Я только развел руками -- но она уже удалилась, накинув на голову белый шарф.
VII	VII
At eight o'clock precisely, in my tail-coat and with my hair brushed up into a tuft on my head, I entered the passage of the lodge, where the princess lived.	Ровно в восемь часов я в сюртуке и с приподнятым на голове коком входил в переднюю флигелька, где жила княгиня.

The old servant looked crossly at me and got up unwillingly from his bench.	Старик слуга угрюмо посмотрел на меня и неохотно поднялся с лавки.
There was a sound of merry voices in the drawing-room.	В гостиной раздавались веселые голоса.

I opened the door and fell back in amazement.	Я отворил дверь и отступил в изумлении.
In the middle of the room was the young princess, standing on a chair, holding a man's hat in front of her; round the chair crowded some half a dozen men.	Посреди комнаты, на стуле, стояла княжна и держала перед собой мужскую шляпу; вокруг стула толпились пятеро мужчин.

They were trying to put their hands into the hat, while she held it above their heads, shaking it violently.	Они старались запустить руки в шляпу, а она поднимала ее кверху и сильно встряхивала ею.
On seeing me, she cried,	Увидевши меня, она вскрикнула:
'Stay, stay, another guest, he must have a ticket too,' and leaping lightly down from the chair she took me by the cuff of my coat 'Come along,' she said, 'why are you standing still?	-- Постойте, постойте! новый гость, надо и ему дать билет, -- и, легко соскочив со стула, взяла меня за обшлаг сюртука. -- Пойдемте же, -сказала она, -- что вы стоите?
Messieurs, let me make you acquainted: this is M'sieu Voldemar, the son of our neighbour.	Messieurs [Господа - - фр.], позвольте вас познакомить: это мсьё Вольдемар, сын нашего соседа.

And this,' she went on, addressing me, and indicating her guests in turn, 'Count Malevsky, Doctor Lushin, Meidanov the poet, the retired captain Nirmatsky, and Byelovzorov the hussar, whom you've seen already.	А это, -- прибавила она, обращаясь ко мне и указывая поочередно на гостей, -- граф Малевский, доктор Лушин, поэт Майданов, отставной капитан Нирмацкий и Беловзоров, гусар, которого вы уже видели.
I hope you will be good friends.'	Прошу любить да жаловать.
I was so confused that I did not even bow to any one; in Doctor Lushin I recognised the dark man who had so mercilessly put me to shame in the garden; the others were unknown to me.	Я до того сконфузился, что даже не поклонился никому; в докторе Лушине я узнал того самого черномазого господина, который так безжалостно меня пристыдил в саду; остальные были мне незнакомы.

'Count!' continued Zina?da, 'write M'sieu Voldemar a ticket.'	-- Граф! -- продолжала Зинаида, -- напишите мсьё Вольдемару билет.
'That's not fair,' was objected in a slight Polish accent by the count, a very handsome and fashionably dressed brunette, with expressive brown eyes, a thin little white nose, and delicate little moustaches over a tiny mouth. 'This gentleman has not been playing forfeits with us.'	-- Это несправедливо, -- возразил с легким польским акцентом граф, очень красивый и щегольски одетый брюнет, с выразительными карими глазами, узким белым носиком и тонкими усиками над крошечным ртом. -- Они не играли с нами в фанты.

'It's unfair,' repeated in chorus Byelovzorov and the gentleman described as a retired captain, a man of forty, pock-marked to a hideous degree, curly-headed as a negro, round-shouldered, bandy- legged, and dressed in a military coat without epaulets, worn unbuttoned.	-- Несправедливо, -- повторили Беловзоров и господин, названный отставным капитаном, человек лет сорока, рябой до безобразия, курчавый, как арап, сутуловатый, кривоногий и одетый в военный сюртук, без эполет, нараспашку.
'Write him a ticket, I tell you,' repeated the young princess. 'What's this mutiny?	-- Пишите билет, говорят вам, -- повторила княжна. -- Это что за бунт?
M'sieu Voldemar is with us for the first time, and there are no rules for him yet.	Мсьё Вольдемар с нами в первый раз, и сегодня для него закон не писан.

It's no use grumbling-write it, I wish it.'	Нечего ворчать, пишите, я так хочу.

The count shrugged his shoulders but bowed submissively, took the pen in his white, ring-bedecked fingers, tore off a scrap of paper and wrote on it.	Граф пожал плечами, но наклонил покорно голову, взял перо в белую, перстнями украшенную руку, оторвал клочок бумаги и стал писать на нем.
'At least let us explain to Mr. Voldemar what we are about,' Lushin began in a sarcastic voice, 'or else he will be quite lost.	-- По крайней мере, позвольте объяснить господину Вольдемару, в чем дело, -- начал насмешливым голосом Лушин, -- а то он совсем растерялся.

Do you see, young man, we are playing forfeits? the princess has to pay a forfeit, and the one who draws the lucky lot is to have the privilege of kissing her hand.	Видите ли, молодой человек, мы играли в фанты; княжна подверглась штрафу, и тот, кому вынется счастливый билет, будет иметь право поцеловать у ней ручку.
Do you understand what I've told you?'	Поняли ли вы, что я вам сказал?
I simply stared at him, and continued to stand still in bewilderment, while the young princess jumped up on the chair again, and again began waving the hat.	Я только взглянул на него и продолжал стоять как отуманенный, а княжна снова вскочила на стул и снова принялась встряхивать шляпой.

They all stretched up to her, and I went after the rest.	Все к ней потянулись -- и я за другими.
'Meidanov,' said the princess to a tall young man with a thin face, little dim-sighted eyes, and exceedingly long black hair, 'you as a poet ought to be magnanimous, and give up your number to M'sieu Voldemar so that he may have two chances instead of one.'	-- Майданов, -- сказала княжна высокому молодому человеку с худощавым лицом, маленькими слепыми глазками и чрезвычайно длинными черными волосами, -- вы, как поэт, должны быть великодушны и уступить ваш билет мсьё Вольдемару, так, чтобы у него было два шанса вместо одного.
But Meidanov shook his head in refusal, and tossed his hair.	Но Майданов отрицательно покачал головой и взмахнул волосами.

After all the others I put my hand into the hat, and unfolded my lot....	Я после всех опустил руку в шляпу, взял и развернул билет...
Heavens! what was my condition when I saw on it the word, Kiss!	Господи! что сталось со мною, когда я увидел на нем слово: поцелуй!
'Kiss!' I could not help crying aloud.	-- Поцелуй! -- вскрикнул я невольно.
'Bravo! he has won it,' the princess said quickly. 'How glad I am!' She came down from the chair and gave me such a bright sweet look, that my heart bounded. 'Are you glad?' she asked me.	-- Браво! он выиграл, - - подхватила княжна. -- Как я рада! -- Она сошла со стула и так ясно и сладко заглянула мне в глаза, что у меня сердце покатилось. -- А вы рады? -- спросила она меня
' Me?' ... I faltered.	-- Я?.. -- пролепетал я.

'Sell me your lot,' Byelovzorov growled suddenly just in my ear. 'I'll give you a hundred roubles.'	-- Продайте мне свой билет, -- брякнул вдруг над самым моим ухом Беловзоров. -- Я вам сто рублей дам.
I answered the hussar with such an indignant look, that Zina?da clapped her hands, while Lushin cried, 'He's a fine fellow!'	Я отвечал гусару таким негодующим взором, что Зинаида захлопала в ладоши, а Лушин воскликнул: молодец!
'But, as master of the ceremonies,' he went on, 'it's my duty to see that all the rules are kept.	-- Но, -- продолжал он, -- я, как церемониймейстер, обязан наблюдать за исполнением всех правил.
M'sieu Voldemar, go down on one knee.	Мсьё Вольдемар, опуститесь на одно колено.

That is our regulation.'	Так у нас заведено.
Zina?da stood in front of me, her head a little on one side as though to get a better look at me; she held out her hand to me with dignity.	Зинаида стала передо мной, наклонила немного голову набок, как бы для того, чтобы лучше рассмотреть меня, и с важностью протянула мнеру[к]у.
A mist passed before my eyes; I meant to drop on one knee, sank on both, and pressed my lips to Zina?da's fingers so awkwardly that I scratched myself a little with the tip of her nail.	У меня помутилось в глазах; я хотел было опуститься на одно колено, упал на оба -- и так неловко прикоснулся губами к пальцам Зинаиды, что слегка оцарапал себе конец носа ее ногтем.
'Well done!' cried Lushin, and helped me to get up.	-- Добре! -- закричал Лушин и помог мне встать.

The game of forfeits went on.	Игра в фанты продолжалась.
Zina?da sat me down beside her.	Зинаида посадила меня возле себя.
She invented all sorts of extraordinary forfeits!	Каких ни придумывала она штрафов!
She had among other things to represent a 'statue,' and she chose as a pedestal the hideous Nirmatsky, told him to bow down in an arch, and bend his head down on his breast.	Ей пришлось, между прочим, представлять "статую" -- и она в пьедестал себя выбрала безобразного Нирмацкого, велела ему лечь ничком, да еще уткнуть лицо в грудь.
The laughter never paused for an instant.	Хохот не умолкал ни на мгновение.

For me, a boy constantly brought up in the seclusion of a dignified manor-house, all this noise and uproar, this unceremonious, almost riotous gaiety, these relations with unknown persons, were simply intoxicating.	Мне, уединенно и трезво воспитанному мальчику, выросшему в барском степенном доме, весь этот шум и гам, эта бесцеремонная, почти буйная веселость, эти небывалые сношения с незнакомыми людьми так и бросились в голову.
My head went round, as though from wine.	Я просто опьянел, как от вина.

I began laughing and talking louder than the others, so much so that the old princess, who was sitting in the next room with some sort of clerk from the Tversky gate, invited by her for consultation on business, positively came in to look at me.	Я стал хохотать и болтать громче других, так что даже старая княгиня, сидевшая в соседней комнате с каким-то приказным от Иверских ворот, позванным для совещания, вышла посмотреть на меня.
But I felt so happy that I did not mind anything, I didn't care a straw for any one's jeers, or dubious looks.	Но я чувствовал себя до такой степени счастливым, что, как говорится, в ус не дул и в грош не ставил ничьих насмешек и ничьих косых взглядов.
Zina?da continued to show me a preference, and kept me at her side.	Зинаида продолжала оказывать мне предпочтение и не отпускала меня от себя.

In one forfeit, I had to sit by her, both hidden under one silk handkerchief: I was to tell her my secret.	В одном штрафе мне довелось сидеть с ней рядом, накрывшись одним и тем же шелковым платком: я должен был сказать ей свой секрет.
I remember our two heads being all at once in a warm, half-transparent, fragrant darkness, the soft, close brightness of her eyes in the dark, and the burning breath from her parted lips, and the gleam of her teeth and the ends of her hair tickling me and setting me on fire.	Помню я, как наши обе головы вдруг очутились в душной, полупрозрачной, пахучей мгле, как в этой мгле близко и мягко светились ее глаза и горячо дышали раскрытые губы, и зубы виднелись, и концы ее волос меня щекотали и жгли.
I was silent.	Я молчал.

She smiled slyly and mysteriously, and at last whispered to me,	Она улыбалась таинственно и лукаво и наконец шепнула мне:
'Well, what is it?' but I merely blushed and laughed, and turned away, catching my breath.	"Ну что же?", а я только краснел, и смеялся, и отворачивался, и едва переводил дух.
We got tired of forfeits-we began to play a game with a string.	Фанты наскучили нам, -- мы стали играть в веревочку.

My God! what were my transports when, for not paying attention, I got a sharp and vigorous slap on my fingers from her, and how I tried afterwards to pretend that I was absent-minded, and she teased me, and would not touch the hands I held out to her!	Боже мой! какой я почувствовал восторг, когда, зазевавшись, получил от ней сильный и резкий удар по пальцам, и как потом я нарочно старался показывать вид, что зазеваюсь, а она дразнила меня и не трогала подставляемых рук!
What didn't we do that evening!	Да то ли мы еще проделывали в течение этого вечера!
We played the piano, and sang and danced and acted a gypsy encampment.	Мы и на фортепьяно играли, и пели, и танцевали, и представляли цыганский табор.
Nirmatsky was dressed up as a bear, and made to drink salt water.	Нирмацкого одели медведем и напоили водою с солью.

Count Malevsky showed us several sorts of card tricks, and finished, after shuffling the cards, by dealing himself all the trumps at whist, on which Lushin 'had the honour of congratulating him.'	Граф Малевский показывал нам разные карточные фокусы и кончил тем, что, перетасовавши карты, сдал себе в вист все козыри, с чем Лушин "имел честь его поздравить".
Meidanov recited portions from his poem	Майданов декламировал нам отрывки из поэмы своей

'The Manslayer' (romanticism was at its height at this period), which he intended to bring out in a black cover with the title in blood-red letters; they stole the clerk's cap off his knee, and made him dance a Cossack dance by way of ransom for it; they dressed up old Vonifaty in a woman's cap, and the young princess put on a man's hat....	"Убийца" (дело происходило в самом разгаре романтизма), которую он намеревался издать в черной обертке с заглавными буквами кровавого цвета; у приказного от Иверских ворот украли с колен шапку и заставили его, в виде выкупа, проплясать казачка; старика Вонифатия нарядили в чепец, а княжна надела мужскую шляпу...
I could not enumerate all we did.	Всего не перечислишь.
Only Byelovzorov kept more and more in the background, scowling and angry....	Один Беловзоров все больше держался в углу, нахмуренный и сердитый...

Sometimes his eyes looked bloodshot, he flushed all over, and it seemed every minute as though he would rush out upon us all and scatter us like shavings in all directions; but the young princess would glance at him, and shake her finger at him, and he would retire into his corner again.	Иногда глаза его наливались кровью, он весь краснел, и казалось, что вот-вот он сейчас ринется на всех нас и расшвыряет нас, как щепки, во все стороны; но княжна взглядывала на него, грозила ему пальцем, и он снова забивался в свой угол.
We were quite worn out at last.	Мы наконец выбились из сил.
Even the old princess, though she was ready for anything, as she expressed it, and no noise wearied her, felt tired at last, and longed for peace and quiet.	Княгиня уж на что была, как сама выражалась, ходка -- никакие крики ее не смущали, -- однако и она почувствовала усталость и пожелала отдохнуть.

At twelve o'clock at night, supper was served, consisting of a piece of stale dry cheese, and some cold turnovers of minced ham, which seemed to me more delicious than any pastry I had ever tasted; there was only one bottle of wine, and that was a strange one; a dark-coloured bottle with a wide neck, and the wine in it was of a pink hue; no one drank it, however.	В двенадцатом часу ночи подали ужин, состоявший из куска старого, сухого сыру и каких-го холодных пирожков с рубленой ветчиной, которые мне показались вкуснее всяких паштетов; вина была всего одна бутылка, и та какая-то странная: темная, с раздутым горлышком, и вино в ней отдавало розовой краской: впрочем, его никто не пил.
Tired out and faint with happiness, I left the lodge; at parting Zina?da pressed my hand warmly, and again smiled mysteriously.	Усталый и счастливый до изнеможения, я вышел из флигеля; на прощанье Зинаида мне крепко пожала руку и опять загадочно улыбнулась.

The night air was heavy and damp in my heated face; a storm seemed to be gathering; black stormclouds grew and crept across the sky, their smoky outlines visibly changing.	Ночь тяжело и сыро пахнула мне в разгоряченное лицо; казалось, готовилась гроза; черные тучи росли и ползли по небу, видимо меняя свои дымные очертания.
A gust of wind shivered restlessly in the dark trees, and somewhere, far away on the horizon, muffled thunder angrily muttered as it were to itself.	Ветерок беспокойно содрогался в темных деревьях, и где-то далеко за небосклоном, словно про себя, ворчал гром сердито и глухо.
I made my way up to my room by the back stairs.	Через заднее крыльцо пробрался я в свою комнату.

My old man-nurse was asleep on the floor, and I had to step over him; he waked up, saw me, and told me that my mother had again been very angry with me, and had wished to send after me again, but that my father had prevented her. (I had never gone to bed without saying good-night to my mother, and asking her blessing. There was no help for it now!)	Дядька мой спал на полу, и мне пришлось перешагнуть через него; он проснулся, увидал меня и доложил, что матушка опять на меня рассердилась и опять хотела послать за мною, но что отец ее удержал. (Я никогда не ложился спать, не простившись с матушкой и не испросивши ее благословения) Нечего было делать!
I told my man that I would undress and go to bed by myself, and I put out the candle.	Я сказал дядьке, что разденусь и лягу сам, -- и погасил свечку.
But I did not undress, and did not go to bed.	Но я не разделся и не лег.

I sat down on a chair, and sat a long while, as though spell-bound.	Я присел на стул и долго сидел как очарованный.
What I was feeling was so new and so sweet....	То, что я ощущал, было так ново и так сладко...
I sat still, hardly looking round and not moving, drew slow breaths, and only from time to time laughed silently at some recollection, or turned cold within at the thought that I was in love, that this was she, that this was love.	Я сидел, чуть-чуть озираясь и не шевелясь, медленно дышал и только по временам то молча смеялся, вспоминая, то внутренно холодел при мысли, что я влюблен, что вот она, вот эта любовь.

Zina?da's face floated slowly before me in the darkness-floated, and did not float away; her lips still wore the same enigmatic smile, her eyes watched me, a little from one side, with a questioning, dreamy, tender look ... as at the instant of parting from her.	Лицо Зинаиды тихо плыло передо мною во мраке -- плыло и не проплывало; губы ее все так же загадочно улыбались, глаза глядели на меня немного сбоку, вопросительно, задумчиво и нежно... как в то мгновение, когда я расстался с ней.
At last I got up, walked on tiptoe to my bed, and without undressing, laid my head carefully on the pillow, as though I were afraid by an abrupt movement to disturb what filled my soul....	Наконец я встал, на цыпочках подошел к своей постели и осторожно, не раздеваясь, положил голову на подушку, как бы страшась резким движением потревожить то, чем я был переполнен...

I lay down, but did not even close my eyes.	Я лег, но даже глаз не закрыл.
Soon I noticed that faint glimmers of light of some sort were thrown continually into the room....	Скоро я заметил, то ко мне в комнату беспрестанно западали какие-то слабые отсветы.
I sat up and looked at the window.	Я приподнялся и глянул в окно.
The window-frame could be clearly distinguished from the mysteriously and dimly-lighted panes.	Переплет его четко отделялся от таинственно и смутно белевших стекол.

It is a storm, I thought; and a storm it really was, but it was raging so very far away that the thunder could not be heard; only blurred, long, as it were branching, gleams of lightning flashed continually over the sky; it was not flashing, though, so much as quivering and twitching like the wing of a dying bird.	"Гроза", -- подумал я, -- и точно была гроза, но она проходила очень далеко, так что и грома не было слышно; только на небе непрерывно вспыхивали неяркие, длинные, словно разветвленные молнии: они не столько вспыхивали, сколько трепетали и подергивались, как крыло умирающей птицы.
I got up, went to the window, and stood there till morning....	Я встал, подошел к окну и простоял там до утра...
The lightning never ceased for an instant; it was what is called among the peasants a sparrow night.	Молнии не прекращались ни на мгновение; была, что называется в народе, воробьиная ночь.

I gazed at the dumb sandy plain, at the dark mass of the Neskutchny gardens, at the yellowish fa?ades of the distant buildings, which seemed to quiver too at each faint flash....	Я глядел на немое песчаное поле, на темную мйссу Нескучного сада, на желтоватые фасады далеких зданий, тоже как будто вздрагивавших при каждой слабой вспышке...
I gazed, and could not turn away; these silent lightning flashes, these gleams seemed in response to the secret silent fires which were aglow within me.	Я глядел -- и не мог оторваться; эти немые молнии, эти сдержанные блистания, казалось, отвечали тем немым и тайным порывам, которые вспыхивали также во мне.

Morning began to dawn; the sky was flushed in patches of crimson.	Утро стало заниматься; алыми пятнами выступила заря.
As the sun came nearer, the lightning grew gradually paler, and ceased; the quivering gleams were fewer and fewer, and vanished at last, drowned in the sobering positive light of the coming day....	С приближением солнца все бледнели и сокращались молнии: они вздрагивали все реже и реже и исчезли наконец, затопленные отрезвляющим и несомнительным светом возникавшего дня...
And my lightning flashes vanished too.	И во мне исчезли мои молнии.
I felt great weariness and peace ... but Zina?da's image still floated triumphant over my soul.	Я почувствовал большую усталость и тишину... но образ Зинаиды продолжал носиться, торжествуя, над моею душой.

But it too, this image, seemed more tranquil: like a swan rising out of the reeds of a bog, it stood out from the other unbeautiful figures surrounding it, and as I fell asleep, I flung myself before it in farewell, trusting adoration....	Только он сам, этот образ, казался успокоенным: как полетевший лебедь -- от болотных трав, отделился он от окружавших его других неблаговидных фигур, и я, засыпая, в последний раз припал к нему с прощальным и доверчивым обожанием...
Oh, sweet emotions, gentle harmony, goodness and peace of the softened heart, melting bliss of the first raptures of love, where are they, where are they?	О, кроткие чувства, мягкие звуки, доброта и утихание тронутой души, тающая радость первых умилений любви, -- где вы, где вы?
VIII	VIII

The next morning, when I came down to tea, my mother scolded me-less severely, however, than I had expected-and made me tell her how I had spent the previous evening.	На следующее утро, когда я сошел к чаю, матушка побранила меня -- меньше, однако, чем я ожидал -- и заставила меня рассказать, как я провел накануне вечер.
I answered her in few words, omitting many details, and trying to give the most innocent air to everything.	Я отвечал ей в немногих словах, выпуская многие подробности и стараясь придать всему вид самый невинный.

'Anyway, they're people who're not comme il faut,' my mother commented, 'and you've no business to be hanging about there, instead of preparing yourself for the examination, and doing your work.'	-- Все-таки они люди не comme il faut, -- заметила матушка, -- и тебе нечего к ним таскаться, вместо того чтоб готовиться к экзамену да заниматься.

As I was well aware that my mother's anxiety about my studies was confined to these few words, I did not feel it necessary to make any rejoinder; but after morning tea was over, my father took me by the arm, and turning into the garden with me, forced me to tell him all I had seen at the Zasyekins'.	Так как я знал, что заботы матушки о моих занятиях ограничатся этими немногими словами, то я и не почел нужным возражать ей; но после чаю отец меня взял под руку и, отправившись вместе со мною в сад, заставил меня рассказать все, что я видел у Засекиных.
A curious influence my father had over me, and curious were the relations existing between us.	Странное влияние имел на меня отец -- и странные были наши отношения.

He took hardly any interest in my education, but he never hurt my feelings; he respected my freedom, he treated me-if I may so express it-with courtesy,... only he never let me be really close to him.	Он почти не занимался моим воспитанием, но никогда не оскорблял меня; он уважал мою свободу -- он даже был, если можно так выразиться, вежлив со мною... Только он не допускал меня до себя.
I loved him, I admired him, he was my ideal of a man-and Heavens! how passionately devoted I should have been to him, if I had not been continually conscious of his holding me off!	Я любил его, я любовался им, он казался мне образцом мужчины -- и, боже мой, как бы я страстно к нему привязался, если б я постоянно не чувствовал его отклоняющей руки!

But when he liked, he could almost instantaneously, by a single word, a single gesture, call forth an unbounded confidence in him.	Зато, когда он хотел, но умел почти мгновенно, одним словом, одним движением возбудить во мне неограниченное доверие к себе.
My soul expanded, I chattered away to him, as to a wise friend, a kindly teacher ... then he as suddenly got rid of me, and again he was keeping me off, gently and affectionately, but still he kept me off.	Душа моя раскрывалась -- я болтал с ним, как с разумным другом, как с снисходительным наставником... Потом он так же внезапно покидал меня -- и рука его опять отклоняла меня, ласково и мягко, но отклоняла.

Sometimes he was in high spirits, and then he was ready to romp and frolic with me, like a boy (he was fond of vigorous physical exercise of every sort); once-it never happened a second time!-he caressed me with such tenderness that I almost shed tears....	На него находила иногда веселость, и тогда он готов был резвиться и шалить со мной, как мальчик (он любил всякое сильное телесное движение); раз -- всего только раз! -- он приласкал меня с такою нежностью, что я чуть не заплакал...
But high spirits and tenderness alike vanished completely, and what had passed between us, gave me nothing to build on for the future-it was as though I had dreamed it all.	Но и веселость его и нежность исчезали без следа -- и то, что происходило между нами, не давало мне никаких надежд на будущее, точно я все это во сне видел.

Sometimes I would scrutinise his clever handsome bright face ... my heart would throb, and my whole being yearn to him ... he would seem to feel what was going on within me, would give me a passing pat on the cheek, and go away, or take up some work, or suddenly freeze all over as only he knew how to freeze, and I shrank into myself at once, and turned cold too.	Бывало, стану я рассматривать его умное, красивое, светлое лицо... сердце мое задрожит, и все существо мое устремится к нему... он словно почувствует, что во мне происходит, мимоходом потреплет меня по щека -- и либо уйдет, либо займется чем-нибудь, либо вдруг весь застынет, как он один умел застывать, и я тотчас же сожмусь и тоже похолодею.

His rare fits of friendliness to me were never called forth by my silent, but intelligible entreaties: they always occurred unexpectedly.	Редкие припадки его расположения ко мне никогда не были вызваны моими безмолвными, но понятными мольбами: они приходили всегда неожиданно.
Thinking over my father's character later, I have come to the conclusion that he had no thoughts to spare for me and for family life; his heart was in other things, and found complete satisfaction elsewhere.	Размышляя впоследствии о характере моего отца, я пришел к такому заключению, что ему было не до меня и не до семейной жизни; он любил другое и насладился этим другим вполне.

'Take for yourself what you can, and don't be ruled by others; to belong to oneself-the whole savour of life lies in that,' he said to me one day.	"Сам бери, что можешь, а в руки не давайся; самому себе принадлежать -- в этом вся штука жизни", -- сказал он мне однажды.
Another time, I, as a young democrat, fell to airing my views on liberty (he was 'kind,' as I used to call it, that day; and at such times I could talk to him as I liked).	В другой раз я в качестве молодого демократа пустился в его присутствии рассуждать о свободе (он в тот день был, как я это называл, "добрый"; тогда с ним можно было говорить о чем угодно).
'Liberty,' he repeated; 'and do you know what can give a man liberty?'	-- Свобода, -- повторил он, -- а знаешь ли ты, что может человеку дать свободу!
What?'	-- Что?

'Will, his own will, and it gives power, which is better than liberty.	-- Воля, собственная воля, и власть она даст, которая лучше свободы.
Know how to will, and you will be free, and will lead.'	Умей хотеть -- и будешь свободным, и командовать будешь.
'My father, before all, and above all, desired to live, and lived....	Отец мой прежде всего и больше всего хотел жить -- и жил...
Perhaps he had a presentiment that he would not have long to enjoy the 'savour' of life: he died at forty-two.	Быть может, он предчувствовал, что ему не придется долго пользоваться "штукой" жизни: он умер сорока двух лет.
I described my evening at the Zasyekins' minutely to my father.	Я подробно рассказал отцу мое посещение у Засекиных.

Half attentively, half carelessly, he listened to me, sitting on a garden seat, drawing in the sand with his cane.	Он полувнимательно, полурассеянно слушал меня, сидя на скамье и рисуя концом хлыстика на песке.
Now and then he laughed, shot bright, droll glances at me, and spurred me on with short questions and assents.	Он изредка посмеивался, как-то светло и забавно поглядывал на меня и подзадоривал меня короткими вопросами и возражениями.
At first I could not bring myself even to utter the name of Zina?da, but I could not restrain myself long, and began singing her praises.	Я сперва не решался даже выговорить имя Зинаиды, но не удержался и начал превозносить ее.

My father still laughed; then he grew thoughtful, stretched, and got up.	Отец все продолжал посмеиваться. Потом он задумался, потянулся и встал.
I remembered that as he came out of the house he had ordered his horse to be saddled.	Я вспомнил, что, выходя из дома, он велел оседлать себе лошадь.
He was a splendid horseman, and, long before Rarey, had the secret of breaking in the most vicious horses.	Он был отличный ездок -- и умел, гораздо раньше г. Рери, укрощать самых диких лошадей.
' Shall I come with you, father?' I asked.	-- Я с тобой поеду, папаша? -- спросил я его.

'No,' he answered, and his face resumed its ordinary expression of friendly indifference. 'Go alone, if you like; and tell the coachman I'm not going.'	-- Нет, -- ответил он, и лицо его приняло обычное равнодушно-ласковое выражение. -- Ступай один, коли хочешь; а кучеру скажи, что я не поеду.
He turned his back on me and walked rapidly away.	Он повернулся ко мне спиной и быстро удалился.
I looked after him; he disappeared through the gates.	Я следил за ним глазами -- он скрылся за воротами.
I saw his hat moving along beside the fence; he went into the Zasyekins'.	Я видел, как его шляпа двигалась вдоль забора: он вошел к Засекиным.

He stayed there not more than an hour, but then departed at once for the town, and did not return home till evening.	Он остался у них не более часа, но тотчас же отправился в город и вернулся домой только к вечеру.
After dinner I went myself to the Zasyekins'.	После обеда я сам пошел к Засекиным.
In the drawing-room I found only the old princess.	В гостиной я застал одну старуху княгиню.
On seeing me she scratched her head under her cap with a knitting-needle, and suddenly asked me, could I copy a petition for her.	Увидев меня, она почесала себе в голове под чепцом концом спицы и вдруг спросила меня, могу ли я переписать ей одну просьбу.

'With pleasure,' I replied, sitting down on the edge of a chair.	-- С удовольствием, -- отвечал я и присел на кончик стула.
'Only mind and make the letters bigger,' observed the princess, handing me a dirty sheet of paper; 'and couldn't you do it to-day, my good sir?'	-- Только смотрите покрупнее буквы ставьте, -промолвила княгиня, подавая мне измаранный лист, -- да нельзя ли сегодня, батюшка?
' Certainly, I will copy it to-day.'	-- Сегодня же перепишу-с.

The door of the next room was just opened, and in the crack I saw the face of Zina?da, pale and pensive, her hair flung carelessly back; she stared at me with big chilly eyes, and softly closed the door.	Дверь из соседней комнаты чуть-чуть отворилась, и в отверстии показалось лицо Зинаиды -бледное, задумчивое, с небрежно откинутыми назад волосами: она посмотрела на меня большими холодными глазами и тихо закрыла дверь.
' Zina, Zina!' called the old lady.	-- Зина, а Зина! -- проговорила старуха.
Zina?da made no response.	Зинаида не откликнулась.
I took home the old lady's petition and spent the whole evening over it.	Я унес просьбу старухи и целый вечер просидел над ней.

IX	IX
My 'passion' dated from that day.	Моя "страсть" началась с того дня.

I felt at that time, I recollect, something like what a man must feel on entering the service: I had ceased now to be simply a young boy; I was in love.	Я, помнится, почувствовал тогда нечто подобное тому, что должен почувствовать человек, поступивший на службу: я уже перестал быть просто молодым мальчиком; я был влюбленный.
I have said that my passion dated from that day; I might have added that my sufferings too dated from the same day.	Я сказал, что с того дня началась моя страсть; я бы мог прибавить, что и страдания мои начались с того же самого дня.

Away from Zina?da I pined; nothing was to my mind; everything went wrong with me; I spent whole days thinking intensely about her ... I pined when away,... but in her presence I was no better off.	Я изнывал в отсутствие Зинаиды: ничего мне на ум не шло, все из рук валилось, я по целым дням напряженно думал о ней... Я изнывал... но в ее присутствии мне не становилось легче.
I was jealous; I was conscious of my insignificance; I was stupidly sulky or stupidly abject, and, all the same, an invincible force drew me to her, and I could not help a shudder of delight whenever I stepped through the doorway of her room.	Я ревновал, я сознавал свое ничтожество, я глупо дулся и глупо раболепствовал -- и все-таки непреодолимая сила влекла меня к ней, и я всякий раз с невольной дрожью счастья переступал порог ее комнаты.

Zina?da guessed at once that I was in love with her, and indeed I never even thought of concealing it. She amused herself with my passion, made a fool of me, petted and tormented me.	Зинаида тотчас же догадалась, что я в нее влюбился, да я и не думал скрываться; она потешалась моей страстью, дурачила, баловала и мучила меня.

There is a sweetness in being the sole source, the autocratic and irresponsible cause of the greatest joy and profoundest pain to another, and I was like wax in Zina?da's hands; though, indeed, I was not the only one in love with her. All the men who visited the house were crazy over her, and she kept them all in leading-strings at her feet.	Сладко быть единственным источником, самовластной и безответной причиной величайших радостей и глубочайшего горя для другого -- а я в руках Зинаиды был как мягкий воск. Впрочем, не я один влюбился в нее: все мужчины, посещавшие ее дом, были от ней без ума -- и она их всех держала на привязи, у своих ног.

It amused her to arouse their hopes and then their fears, to turn them round her finger (she used to call it knocking their heads together), while they never dreamed of offering resistance and eagerly submitted to her.	Ее забавляло возбуждать в них то надежды, то опасения, вертеть ими по своей прихоти (это она называла: стукать людей друг о друга) -- а они и не думали сопротивляться и охотно покорялись ей.

About her whole being, so full of life and beauty, there was a peculiarly bewitching mixture of slyness and carelessness, of artificiality and simplicity, of composure and frolicsomeness; about everything she did or said, about every action of hers, there clung a delicate, fine charm, in which an individual power was manifest at work.	Во всем ее существе, живучем и красивом, была какая-то особенно обаятельная смесь хитрости и беспечности, искусственности и простоты, тишины и резвости; над всем, что она делала, говорила, над каждым ее движением носилась тонкая, легкая прелесть, во всем сказывалась своеобразная, играющая сила.

And her face was ever changing, working too; it expressed, almost at the same time, irony, dreaminess, and passion.	И лицо ее беспрестанно менялось, играло тоже: оно выражало, почти в одно и то же время, -насмешливость, задумчивость и страстность.
Various emotions, delicate and quick-changing as the shadows of clouds on a sunny day of wind, chased one another continually over her lips and eyes.	Разнообразнейшие чувства, легкие, быстрые, как тени облаков в солнечный ветреный день, перебегали то и дело по ее глазам и губам.
Each of her adorers was necessary to her.	Каждый из ее поклонников был ей нужен.

Byelovzorov, whom she sometimes called 'my wild beast,' and sometimes simply 'mine,' would gladly have flung himself into the fire for her sake. With little confidence in his intellectual abilities and other qualities, he was for ever offering her marriage, hinting that the others were merely hanging about with no serious intention.	Беловзоров, которого она иногда называла "мой зверь", а иногда просто "мой", -- охотно кинулся бы за нее в огонь; не надеясь на свои умственные способности и прочие достоинства, он все предлагал ей жениться на ней, намекая на то, что другие только болтают.

Meidanov responded to the poetic fibres of her nature; a man of rather cold temperament, like almost all writers, he forced himself to convince her, and perhaps himself, that he adored her, sang her praises in endless verses, and read them to her with a peculiar enthusiasm, at once affected and sincere.	Майданов отвечал поэтическим струнам ее души: человек довольно холодный, как почти все сочинители, он напряженно уверял ее, а может быть, себя, что он ее обожает, воспевал ее в нескончаемых стихах и читал их ей с каким-то и неестественным и искренним восторгом.

She sympathised with him, and at the same time jeered at him a little; she had no great faith in him, and after listening to his outpourings, she would make him read Pushkin, as she said, to clear the air.	Она и сочувствовала ему и чуть-чуть трунила над ним; она плохо ему верила и, наслушавшись его излияний, заставляла его читать Пушкина, чтобы, как она говорила, очистить воздух.
Lushin, the ironical doctor, so cynical in words, knew her better than any of them, and loved her more than all, though he abused her to her face and behind her back.	Лушин, насмешливый, циничесий на словах доктор, знал ее лучше всех -- и любил ее больше всех, хотя бранил ее за глаза и в глаза.

She could not help respecting him, but made him smart for it, and at times, with a peculiar, malignant pleasure, made him feel that he too was at her mercy.	Она его уважала, но не спускала ему -- и подчас с особенным, злорадным удовольствием давала ему чувствовать, что и он у ней в руках.
'I'm a flirt, I'm heartless, I'm an actress in my instincts,' she said to him one day in my presence; 'well and good!	"Я кокетка, я без сердца, я актерская натура, -сказала она ему однажды в моем присутствии, -а, хорошо!

Give me your hand then; I'll stick this pin in it, you'll be ashamed of this young man's seeing it, it will hurt you, but you'll laugh for all that, you truthful person.'	Так подайте ж вашу руку, я воткну в нее булавку, вам будет стыдно этого молодого человека, вам будет больно, а все-таки вы, господин правдивый человек, извольте смеяться".
Lushin crimsoned, turned away, bit his lips, but ended by submitting his hand.	Лушин покраснел, отвернулся, закусил губы, но кончил тем, что подставил руку.

She pricked it, and he did in fact begin to laugh,... and she laughed, thrusting the pin in pretty deeply, and peeping into his eyes, which he vainly strove to keep in other directions....	Она его уколола, и он точно начал смеяться... и она смеялась, запуская довольно глубоко булавку и заглядывая ему в глаза, которыми он напрасно бегал по сторонам...
I understood least of all the relations existing between Zina?da and Count Malevsky.	Хуже всего я понимал отношения, существовавшие между Зинаидой и графом Малевским.

He was handsome, clever, and adroit, but something equivocal, something false in him was apparent even to me, a boy of sixteen, and I marvelled that Zina?da did not notice it.	Он был хорош собою, ловок и умен, но что-то сомнительное, что-то фальшивое чудилось в нем даже мне, шестнадцатилетнему мальчику, и я дивился тому, что Зинаида этого не замечает.
But possibly she did notice this element of falsity really and was not repelled by it.	А может быть, она и замечала эту фальшь и не гнушалась ею.

Her irregular education, strange acquaintances and habits, the constant presence of her mother, the poverty and disorder in their house, everything, from the very liberty the young girl enjoyed, with the consciousness of her superiority to the people around her, had developed in her a sort of half-contemptuous carelessness and lack of fastidiousness.	Неправильное воспитание, странные знакомства и привычки, постоянное присутствие матери, бедность и беспорядок в доме, все, начиная с самой свободы, которую пользовалась молодая девушка, с сознания ее превосходства над окружавшими ее людьми, развило в ней какую-то полупрезрительную небрежность и невзыскательность.

At any time anything might happen; Vonifaty might announce that there was no sugar, or some revolting scandal would come to her ears, or her guests would fall to quarrelling among themselves-she would only shake her curls, and say, 'What does it matter?' and care little enough about it.	Бывало, что ни случится -- придет ли Вонифатий доложить, что сахару нет, выйдет ли наружу какая-нибудь дрянная сплетня, поссорятся ли гости, -- она только кудрями встряхнет, скажет: пустяки! -- и горя ей мало.

But my blood, anyway, was sometimes on fire with indignation when Malevsky approached her, with a sly, fox-like action, leaned gracefully on the back of her chair, and began whispering in her ear with a self-satisfied and ingratiating little smile, while she folded her arms across her bosom, looked intently at him and smiled too, and shook her head.	Зато у меня, бывало, вся кровь загоралась, когда Малевский подойдет к ней, хитро покачиваясь, как лиса, изящно обопрется на спинку ее стула и начнет шептать ей на ухо с самодовольной и заискивающей улыбочкой, -- а она скрестит руки на груди, внимательно глядит на него и сама улыбается и качает головой.
'What induces you to receive Count Malevsky?' I asked her one day.	-- Что вам за охота принимать господина Малевского? -- спросил я ее однажды.

'He has such pretty moustaches,' she answered. 'But that's rather beyond you.'	-- А у него такие прекрасные усики, -- отвечала она. -- Да это не по вашей части.
'You needn't think I care for him,' she said to me another time. 'No; I can't care for people I have to look down upon.	-- Вы не думаете ли, что я его люблю, -- сказала она мне в другой раз. -- Нет; я таких любить не могу, на которых мне приходится глядеть сверху вниз.
I must have some one who can master me....	Мне надобно такого, который сам бы меня сломил...
But, merciful heavens, I hope I may never come across any one like that!	Да я на такого не наткнусь, бог милостив!

I don't want to be caught in any one's claws, not for anything.'	Не попадусь никому в лапы, ни-ни!
' You'll never be in love, then?'	-- Стало быть, вы никогда не полюбите?
' And you?	-- А вас-то?
Don't I love you?' she said, and she flicked me on the nose with the tip of her glove.	Разве я вас не люблю? -- сказала она и ударила меня по носу концом перчатки.
Yes, Zina?da amused herself hugely at my expense.	Да, Зинаида очень потешалась надо мною.
For three weeks I saw her every day, and what didn't she do with me!	В течение трех недель я ее видел каждый день -- и чего, чего она со мной не выделывала!

She rarely came to see us, and I was not sorry for it; in our house she was transformed into a young lady, a young princess, and I was a little overawed by her.	К нам она ходила редко, и я об этом не сожалел: в нашем доме она превращалась в барышню, в княжну, -- и я ее дичился.

I was afraid of betraying myself before my mother; she had taken a great dislike to Zina?da, and kept a hostile eye upon us.	Я боялся выдать себя перед матушкой; она очень не благоволила к Зинаиде и неприязненно наблюдала за нами.
My father I was not so much afraid of; he seemed not to notice me. He talked little to her, but always with special cleverness and significance.	Отца я не так боялся: он словно не замечал меня, я с ней говорил мало, но как-то особенно умно и значительно.

I gave up working and reading; I even gave up walking about the neighbourhood and riding my horse.	Я перестал работать, читать -- я даже перестал гулять по окрестностям, ездить верхом.
Like a beetle tied by the leg, I moved continually round and round my beloved little lodge. I would gladly have stopped there altogether, it seemed ... but that was impossible. My mother scolded me, and sometimes Zina?da herself drove me away.	Как привязанный за ножку жук, я кружился постоянно вокруг любимого флигелька: казалось, остался бы там навсегда... но это было невозможно; матушка ворчала на меня, иногда сама Зинаида меня прогоняла.

Then I used to shut myself up in my room, or go down to the very end of the garden, and climbing into what was left of a tall stone greenhouse, now in ruins, sit for hours with my legs hanging over the wall that looked on to the road, gazing and gazing and seeing nothing.	Тогда я запирался у себя в комнате или уходил на самый конец сада, взбирался на уцелевшую развалину высокой каменной оранжереи и, свесив ноги со стены, выходившей на дорогу, сидел по часам и глядел, глядел, ничего не видя.

White
butterflies
flitted
lazily by me, over the
dusty nettles; a saucy
sparrow
settled not far off on
the half crumbling red
brickwork
and twittered irritably,
incessantly
twisting and turning
and preening his tail-
feathers;
the still mistrustful
rooks cawed now and
then, sitting high, high
up on the bare top of a
birch-tree; the sun and
wind played softly on
its pliant branches; the
tinkle of the bells of the
Don monastery floated
across to me from time
to time, peaceful and
dreary; while I sat,
gazed, listened, and
was
filled full of a nameless

Возле меня, по запыленной крапиве, лениво перепархивали белые бабочки; бойкий воробей садился недалеко на полусломанном красном кирпиче и раздражительно чирикал, беспрестанно поворачиваясь всем телом и распустив хвостик; все еще недоверчивые вороны изредка каркали, сидя высоко, высоко на обнаженной макушке березы; солнце и ветер тихо играли в ее жидких ветках; звон колоколов Донского монастыря прилетал по временам, спокойный и унылый -- а я сидел, глядел, слушал и наполнялся весь каким-то безыменным ощущением, в котором

But at that time I understood nothing of it, and could have given a name to nothing of all that was passing at random within me, or should have called it all by one name-the name of Zina?da.	Но я тогда ничего этого не понимал и ничего бы не сумел назвать изо всего того, что во мне бродило, или бы назвал это все одним именем -именем Зинаиды.
Zina?da continued to play cat and mouse with me.	А Зинаида все играла со мной, как кошка с мышью.
She flirted with me, and I was all agitation and rapture; then she would suddenly thrust me away, and I dared not go near her-dared not look at her.	Она то кокетничала со мной -- и я волновался и таял, то она вдруг меня отталкивала -- и я не смел приблизиться к ней, не смел взглянуть на нее.

I remember she was very cold to me for several days together; I was completely crushed, and creeping timidly to their lodge, tried to keep close to the old princess, regardless of the circumstance that she was particularly scolding and grumbling just at that time; her financial affairs had been going badly, and she had already had two 'explanations' with the police officials.	Помнит- ся, она несколько дней сряду была очень холодна со мною, я совсем заробел и, трусливо забегая к ним во флигель старался держаться около старухи княгини, несмотря на то что она очень бранилась и кричала именно в это время: ее вексельные дела шли плохо, и она уже имела два объяснения с квартальным.

One day I was walking in the garden beside the familiar fence, and I caught sight of Zina?da; leaning on both arms, she was sitting on the grass, not stirring a muscle.	Однажды я проходил в саду мимо известного забора -- и увидел Зинаиду: подпершись обеими руками, она сидела на траве и не шевелилась.
I was about to make off cautiously, but she suddenly raised her head and beckoned me imperiously.	Я хотел было осторожно удалиться, но она внезапно подняла голову и сделала мне повелительный знак.
My heart failed me; I did not understand her at first. She repeated her signal.	Я замер на месте: я не понял ее с первого раза Она повторила свой знак.

I promptly jumped over the fence and ran joyfully up to her, but she brought me to a halt with a look, and motioned me to the path two paces from her.	Я немедленно перескочил через забор и радостно подбежал к ней; но она остановила меня взглядом и указала мне на дорожку в двух шагах от нее.
In confusion, not knowing what to do, I fell on my knees at the edge of the path.	В смущении, не зная, что делать, я стал на колени на краю дорожки.
She was so pale, such bitter suffering, such intense weariness, was expressed in every feature of her face, that it sent a pang to my heart, and I muttered unconsciously,	Она до того была бледна, такая горькая печаль, такая глубокая усталость сказывалась в каждой ее черте, что сердце у меня сжалось, и я невольно пробормотал:
'What is the matter?'	-- Что с вами?

Zina?da stretched out her head, picked a blade of grass, bit it and flung it away from her.	Зинаида протянула руку, сорвала какую-то травку, укусила ее и бросила ее прочь, подальше.
'You love me very much?' she asked at last. 'Yes.'	-- Вы меня очень любите? -- спросила она наконец. -- Да?
I made no answer- indeed, what need was there to answer?	Я ничего не отвечал -- да и зачем мне было отвечать?
'Yes,' she repeated, looking at me as before. 'That's so.	-- Да, -- повторила она, по-прежнему глядя на меня. -- Это так.

The same eyes,'-she went on; sank into thought, and hid her face in her hands. 'Everything's grown so loathsome to me,' she whispered, 'I would have gone to the other end of the world first-I can't bear it, I can't get over it....	Такие же глаза, -- прибавила она, задумалась и закрыла лицо руками. -- Все мне опротивело, -прошептала она, -- ушла бы я на край света, не могу я это вынести, не могу сладить...
And what is there before me!... Ah, I am wretched.... My God, how wretched I am!'	И что ждет меня впереди!.. Ах, мне тяжело... боже мой, как тяжело!
' What for?' I asked timidly.	-- Отчего? -- спросил я робко.
Zina? da made no answer, she simply shrugged her shoulders.	Зинаида мне не отвечала и только пожала плечами.

I remained kneeling, gazing at her with intense sadness.	Я продолжал стоять на коленях и с глубоким унынием глядел на нее.
Every word she had uttered simply cut me to the heart.	Каждое ее слово так и врезалось мне в сердце.
At that instant I felt I would gladly have given my life, if only she should not grieve.	В это мгновенье я, кажется, охотно бы отдал жизнь свою, лишь бы она не горевала.

I gazed at her-and though I could not understand why she was wretched, I vividly pictured to myself, how in a fit of insupportable anguish, she had suddenly come out into the garden, and sunk to the earth, as though mown down by a scythe.	Я глядел на нее -- и, все-таки не понимая, отчего ей было тяжело, живо воображал себе, как она вдруг, в припадке неудержимой печали, ушла в сад и упала на землю, как подкошенная.
It was all bright and green about her; the wind was whispering in the leaves of the trees, and swinging now and then a long branch of a raspberry bush over Zina?da's head.	Кругом было и светло и зелено; ветер шелестел в листьях деревьев, изредка качая длинную ветку малины над головой Зинаиды.

There was a sound of the cooing of doves, and the bees hummed, flying low over the scanty grass, Overhead the sun was radiantly blue-while I was so sorrowful....	Где-то ворковали голуби -- и пчелы жужжали, низко перелетывая по редкой траве. Сверху ласково синело небо -- а мне было так грустно...
'Read me some poetry,' said Zina?da in an undertone, and she propped herself on her elbow; 'I like your reading poetry.	-- Прочтите мне какие-нибудь стихи, -промолвила вполголоса Зинаида и оперлась на локоть. -- Я люблю, когда вы стихи читаете.
You read it in sing-song, but that's no matter, that comes of being young.	Вы поете, но это ничего, это молодо.
Read me	Прочтите мне

"On the Hills of Georgia."	"На холмах Грузии".
Only sit down first.'	Только сядьте спервa.
I sat down and read	Я сел и прочел
' On the Hills of Georgia.'	"На холмах Грузии".

'"That the heart cannot choose but love,"' repeated Zina?da. 'That's where poetry's so fine; it tells us what is not, and what's not only better than what is, but much more like the truth, "cannot choose but love,"-it might want not to, but it can't help it.' She was silent again, then all at once she started and got up. 'Come along.	-- "Что не любить оно не может", -- повторила Зинаида. -- Вот чем поэзия хороша: она говорит нам то, чего нет и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на правду... Что не любить оно не может -- и хотело бы, да не может! -- Она опять умолкла и вдруг встрепенулась и встала. -- Пойдемте.
Meidanov's indoors with mamma, he brought me his poem, but I deserted him.	У мамаши сидит Майданов; он мне принес свою поэму, а я его оставила.

His feelings are hurt too now ... I can't help it! you'll understand it all some day ... only don't be angry with me!'	Он также огорчен теперь... что делать. Вы когда-нибудь узнаете... только не сердитесь на меня!
Zina?da hurriedly pressed my hand and ran on ahead.	Зинаида торопливо пожала мне руку и побежала вперед.
We went back into the lodge.	Мы вернулись во флигель.
Meidanov set to reading us his 'Manslayer,' which had just appeared in print, but I did not hear him.	Майданов принялся читать нам своего только что отпечатанного "Убийцу", но я не слушал его.

He screamed and drawled his four-foot iambic lines, the alternating rhythms jingled like little bells, noisy and meaningless, while I still watched Zina?da and tried to take in the import of her last words.	Он выкрикивал нараспев свои четырехстопные ямбы, рифмы чередовались и звенели, как бубенчики, пусто и громко, а я все глядел на Зинаиду и все старался понять значение ее последних слов.

'Perchance some unknown rival Has surprised and mastered thee?' Meidanov bawled suddenly through his nose-and my eyes and Zina?da's met.	Иль, может быть, соперник тайный Тебя нежданно покорил? -- воскликнул вдруг в нос Майданов -- и мои глаза и глаза Зинаиды встретились.
She looked down and faintly blushed.	Она опустила их и слегка покраснела.

I saw her blush, and grew cold with terror.	Я увидал, что она покраснела, и похолодел от испуга.
I had been jealous before, but only at that instant the idea of her being in love flashed upon my mind.	Я уже прежде ревновал к ней, но только в это мгновение мысль о том, что она полюбила, сверкнула у меня в голове:
'Good God! she is in love!'	"Боже мой! она полюбила!"
X	X
My real torments began from that instant.	Настоящие мои терзания начались с того мгновения.

I racked my brains, changed my mind, and changed it back again, and kept an unremitting, though, as far as possible, secret watch on Zina?da.	Я ломал себе голову, раздумывал, передумывал -и неотступно, хотя по мере возможности скрытно, наблюдал за Зинаидой.
A change had come over her, that was obvious.	В ней произошла перемена -- это было очевидно.
She began going walks alone-and long walks.	Она уходила гулять одна и гуляла долго.
Sometimes she would not see visitors; she would sit for hours together in her room.	Иногда она гостям не показывалась; по целым часам сидела у себя в комнате.
This had never been a habit of hers till now.	Прежде этого за ней не водилось.

I suddenly became-or fancied I had become-extraordinarily penetrating.	Я вдруг сделался -- или мне показалось, что я сделался -- чрезвычайно проницателен.
'Isn't it he? or isn't it he?' I asked myself, passing in inward agitation from one of her admirers to another.	"Не он ли? или уж не он ли?" -- спрашивал я самого себя, тревожно перебегая мыслью от одного ее поклонника к другому.
Count Malevsky secretly struck me as more to be feared than the others, though, for Zina?da's sake, I was ashamed to confess it to myself.	Граф Малевский (хоть я и стыдился за Зинаиду в этом сознаться) втайне казался мне опаснее других.

My watchfulness did not see beyond the end of my nose, and its secrecy probably deceived no one; any way, Doctor Lushin soon saw through me.	Моя наблюдательность не видала дальше своего носа, и моя скрытность, вероятно, никого не обманула; по крайней мере, доктор Лушин скоро меня раскусил.
But he, too, had changed of late; he had grown thin, he laughed as often, but his laugh seemed more hollow, more spiteful, shorter, an involuntary nervous irritability took the place of his former light irony and assumed cynicism.	Впрочем, и он изменился в последнее время: он похудел, смеялся так же часто, но как-то глуше, злее и короче -- невольная, нервическая раздражительность сменила в нем прежнюю легкую иронию и напущенный цинизм.

'Why are you incessantly hanging about here, young man?' he said to me one day, when we were left alone together in the Zasyekins' drawing-room. (The young princess had not come home from a walk, and the shrill voice of the old princess could be heard within; she was scolding the maid.) 'You ought to be studying, working-while you're young-and what are you doing?'	-- Что вы это беспрестанно таскаетесь сюда, молодой человек, -- сказал он мне однажды, оставшись со мною в гостиной Засекиных. (Княжна еще не возвращалась с прогулки, а крикливый голос княгини раздавался в мезонине: она бранилась со своей горничной.) -- Вам бы надобно учиться, работать -- пока вы молоды, -- а вы что делаете?
'You can't tell whether I work at home,' I retorted with some haughtiness, but also with some hesitation.	-- Вы не можете знать, работаю ли я дома, - возразил я ему не без надменности, но и без замешательства.

'A great deal of work you do! that's not what you're thinking about!	-- Какая уж тут работа! у вас не то на уме.
Well, I won't find fault with that ... at your age that's in the natural order of things.	Ну, я не спорю... в ваши годы это в порядке вещей.
But you've been awfully unlucky in your choice.	Да выбор-то ваш больно неудачен.
Don't you see what this house is?'	Разве вы не видите, что это за дом?
' I don't understand you,' I observed.	-- Я вас не понимаю, -- заметил я.
' You don't understand? so much the worse for you.	-- Не понимаете? Тем хуже для вас.
I regard it as a duty to warn you.	Я считаю долгом предостеречь вас.

Old bachelors, like me, can come here, what harm can it do us! we're tough, nothing can hurt us, what harm can it do us; but your skin's tender yet-this air is bad for you-believe me, you may get harm from it.'	Нашему брату, старому холостяку, можно сюда ходить: что нам делается? мы народ прокаленный, нас ничем не проберешь; а у вас кожица еще нежная; здесь для вас воздух вредный -- поверьте мне, заразиться можете.
' How so?'	-- Как так?
'Why, are you well now?	-- Да так же.
Are you in a normal condition?	Разве вы здоровы теперь?
Is what you're feeling-beneficial to you-good for you?'	Разве вы в нормальном положении? Разве то, что вы чувствуете, полезно вам, хорошо?

'Why, what am I feeling?' I said, while in my heart I knew the doctor was right.	-- Да что же я чувствую? -- сказал я, а сам в душе сознавал, что доктор прав.
'Ah, young man, young man,' the doctor went on with an intonation that suggested that something highly insulting to me was contained in these two words, 'what's the use of your prevaricating, when, thank God, what's in your heart is in your face, so far?	-- Эх, молодой человек, молодой человек, -продолжал доктор с таким выражением, как будто в этих двух словах заключалось что-то для меня весьма обидное, -- где вам хитрить, ведь у вас еще, слава богу, что на душе, то и на лице.
But there, what's the use of talking?	А впрочем, что толковать?

I shouldn't come here myself, if ... (the doctor compressed his lips) ... if I weren't such a queer fellow.	Я бы и сам сюда не ходил, если б (доктор стиснул зубы)... если б я не был такой же чудак.
Only this is what surprises me; how it is, you, with your intelligence, don't see what is going on around you?'	Только вот чему я удивляюсь: как вы, с вашим умом, не видите, что делается вокруг вас?

'And what is going on?' I put in, all on the alert.	-- А что же такое делается? -- подхватил я и весь насторожился.
The doctor looked at me with a sort of ironical compassion.	Доктор посмотрел на меня с каким-то насмешливым сожалением.

'Nice of me!' he said as though to himself, 'as if he need know anything of it.	-- Хорош же и я, -- промолвил он, словно про себя, -- очень нужно это ему говорить.
In fact, I tell you again,' he added, raising his voice, 'the atmosphere here is not fit for you.	Одним словом, -- прибавил он, возвысив голос, -повторяю вам: здешняя атмосфера вам не годится.
You like being here, but what of that! it's nice and sweet-smelling in a greenhouse-but there's no living in it.	Вам здесь приятно, да мало чего нет? И в оранжерее тоже приятно пахнет -- да жить в ней нельзя.
Yes! do as I tell you, and go back to your Keidanov.'	Эй! послушайтесь, возьмитесь опять за Кайданова!
The old princess came in, and began complaining to the doctor of her toothache.	Княгиня вошла и начала жаловаться доктору на зубную боль.

Then Zina?da appeared.	Потом явилась Зинаида.
'Come,' said the old princess, 'you must scold her, doctor.	-- Вот, -- прибавила княгиня, -- господин доктор, побраните-ка ее.
She's drinking iced water all day long; is that good for her, pray, with her delicate chest?'	Целый день пьет воду со льдом; разве ей это здорово, при ее слабой груди?
'Why do you do that?' asked Lushin.	-- Зачем вы это делаете? -- спросил Лушин.
'Why, what effect could it have?'	-- А что из этого может выйти?
'What effect? You might get a chill and die.'	-- Что? вы можете простудиться и умереть.
'Truly?	-- В самом деле?
Do you mean it?	Неужели?

Very well-so much the better.'	Ну что ж -- туда и дорога!
' A fine idea!' muttered the doctor.	-- Вот как! -- проворчал доктор.
The old princess had gone out.	Княгиня ушла.
'Yes, a fine idea,' repeated Zina?da. 'Is life such a festive affair?	-- Вот как, -- повторила Зинаида. -- Разве жить так весело?
Just look about you....	Оглянитесь-ка кругом...
Is it nice, eh?	Что -- хорошо?
Or do you imagine I don't understand it, and don't feel it?	Или вы думаете, что я этого не понимаю, не чувствую?

It gives me pleasure-drinking iced water; and can you seriously assure me that such a life is worth too much to be risked for an instant's pleasure-happiness I won't even talk about.'	Мне доставляет удовольствие -- пить воду со льдом, и вы серьезно можете уверять меня, что такая жизнь стоит того, чтоб не рискнуть ею за миг удовольствия, -- я уже о счастии не говорю.
'Oh, very well,' remarked Lushin, 'caprice and irresponsibility....	-- Ну да, -- заметил Лушин, -- каприз и независимость...
Those two words sum you up; your whole nature's contained in those two words.'	Эти два слова вас исчерпывают: вся ваша натура в этих двух словах.

Zina?da laughed nervously.	Зинаида нервически засмеялась.
' You're late for the post, my dear doctor.	-- Опоздали почтой, любезный доктор.

You don't keep a good look- out; you're behind the times.	Наблюдаете плохо; от- стаете.
Put on your spectacles.	Наденьте очки.
I'm in no capricious humour now. To make fools of you, to make a fool of myself ... much fun there is in that!-and as for irresponsibility ... M'sieu Voldemar,' Zina?da added suddenly, stamping, 'don't make such a melancholy face.	Не до капризов мне те- перь: вас дурачить, себя дурачить... куда как ве- село! -- А что до незави- симости... Мсьё Вольде- мар, -- прибавила вдруг Зинаида и топнула ножкой, -- не делайте мелан- холической физионо- мии.
I can't endure people to pity me.' She went quickly out of the room.	Я терпеть не могу, когда обо мне сожалеют. -Она быстро удалилась.

'It's bad for you, very bad for you, this atmosphere, young man,' Lushin said to me once more.	-- Вредна, вредна вам здешняя атмосфера, молодой человек, -- еще раз сказал мне Лушин.
XI	XI
On the evening of the same day the usual guests were assembled at the Zasyekins'. I was among them.	Вечером того же дня собрались у Засекиных обычные гости; я был в их числе.
The conversation turned on Meidanov's poem. Zina?da expressed genuine admiration of it.	Разговор зашел о поэме Майданова; Зинаида чистосердечно ее хвалила.

'But do you know what?' she said to him. 'If I were a poet, I would choose quite different subjects.	-- Но знаете ли что? -- сказала она ему, -- если б я была поэтом, я бы другие брала сюжеты.
Perhaps it's all nonsense, but strange ideas sometimes come into my head, especially when I'm not asleep in the early morning, when the sky begins to turn rosy and grey both at once.	Может быть, все это вздор, но мне иногда приходят в голову странные мысли, особенно когда я не сплю, перед утром, когда небо начинает становиться и розовым и серым.
I would, for instance ... You won't laugh at me?'	Я бы, например... Вы не будете надо мной смеяться?
'No, no!' we all cried, with one voice.	-- Нет! нет! -- воскликнули мы все в один голос.

'I would describe,' she went on, folding her arms across her bosom and looking away, 'a whole company of young girls at night in a great boat, on a silent river.	-- Я бы представила, -- продолжала она, скрестив руки на груди и устремив глаза в сторону, -- целое общество молодых девушек, ночью, в большой лодке -- на тихой реке.
The moon is shining, and they are all in white, and wearing garlands of white flowers, and singing, you know, something in the nature of a hymn.'	Луна светит, а они все в белом и в венках из белых цветов, и поют, знаете, что-нибудь вроде гимна.
'I see-I see; go on,' Meidanov commented with dreamy significance.	-- Понимаю, понимаю, продолжайте, -значительно и мечтательно промолвил Майданов.

'All of a sudden, loud clamour, laughter, torches, tambourines on the bank....	-- Вдруг -- шум, хохот, факелы, бубны на берегу...
It's a troop of Bacchantes dancing with songs and cries.	Это толпа вакханок бежит с песнями, с криком.

It's your business to make a picture of it, Mr. Poet;... only I should like the torches to be red and to smoke a great deal, and the Bacchantes' eyes to gleam under their wreaths, and the wreaths to be dusky.	Уж тут ваше дело нарисовать картину, господин поэт... только я бы хотела, чтобы факелы были красны и очень бы дымились и чтобы глаза у вакханок блестели под венками, а венки должны быть темные.
Don't forget the tiger-skins, too, and goblets and gold-lots of gold....'	Не забудьте также тигровых кож и чаш -- и золота, много золота.

'Where ought the gold to be?' asked Meidanov, tossing back his sleek hair and distending his nostrils.	-- Где же должно быть золото? -- спросил Майданов, откидывая назад свои плоские волосы и расширяя ноздри.
'Where? on their shoulders and arms and legs-everywhere.	-- Где? На плечах, на руках, на ногах, везде.
They say in ancient times women wore gold rings on their ankles.	Говорят, в древности женщины золотые кольца носили на щиколотках.
The Bacchantes call the girls in the boat to them.	Вакханки зовут к себе девушек в лодке.

The girls have ceased singing their hymn- they cannot go on with it, but they do not stir, the river carries them to the bank.	Девушки перестали петь свой гимн -- они не могут его продолжать, -- но они не шевелятся: река подносит их к берегу.
And suddenly one of them slowly rises....	И вот вдруг одна из них тихо поднимается...
This you must describe nicely: how she slowly gets up in the moonlight, and how her companions are afraid....	Это надо хорошо описать: как она тихо встает при лунном свете и как ее подруги пугаются...
She steps over the edge of the boat, the Bacchantes surround her, whirl her away into night and darkness....	Она перешагнула край лодки, вакханки ее окружили, умчали в ночь, в темноту...

Here put in smoke in clouds and everything in confusion.	Представьте тут дым клубами, и все смешалось.
There is nothing but the sound of their shrill cry, and her wreath left lying on the bank.'	Только слышится их визг, да венок ее остался на берегу.
Zina?da ceased. ('Oh! she is in love!' I thought again.)	Зинаида умолкла. ("О! она полюбила!" -- подумал я опять.)
' And is that all?' asked Meidanov.	-- И только?-- спросил Майданов.
' That's all.'	-- Только, -- отвечала она.
'That can't be the subject of a whole poem,' he observed pompously, 'but I will make use of your idea for a lyrical fragment.'	-- Это не может быть сюжетом для целой поэмы, -- важно заметил он, -- но для лирического стихотворения я вашей мыслию воспользуюсь.

' In the romantic style?' queried Malevsky.	-- В романтическом роде? -- спросил Малевский.
' Of course, in the romantic style-Byronic.'	-- Конечно, в романтическом роде, байроновском.
'Well, to my mind, Hugo beats Byron,' the young count observed negligently; 'he's more interesting.'	-- А по-моему, Гюго лучше Байрона, -- небрежно промолвил молодой граф, -- интереснее.
'Hugo is a writer of the first class,' replied Meidanov; 'and my friend, Tonkosheev, in his Spanish romance, El Trovador ...'	-- Гюго -- писатель первоклассный, -- возразил Майданов, -- и мой приятель Тонкошеее, в своем испанском романе "Эль-Тровадор"...

'Ah! is that the book with the question-marks turned upside down?' Zina?da interrupted.	-- Ах, это та книга с опрокинутыми вопросительными знаками? -- перебила Зинаида.
'Yes.	-- Да.
That's the custom with the Spanish.	Это так принято у испанцев.
I was about to observe that Tonkosheev ...'	Я хотел сказать, что Тонкошеее...
'Come! you're going to argue about classicism and romanticism again,' Zina?da interrupted him a second time.' We'd much better play ...	-- Ну, вы опять заспорите о классицизме и романтизме, -- вторично перебила его Зинаида. -Давайте лучше играть...
'Forfeits?' put in Lushin.	-- В фанты? -- подхватил Лушин.

'No, forfeits are a bore; at comparisons.' (This game Zina?da had invented herself. Some object was mentioned, every one tried to compare it with something, and the one who chose the best comparison got a prize.)	-- Нет, в фанты скучно; а в сравненья. (Эту игру придумала сама Зинаида: назывался какой-нибудь предмет, всякий старался сравнить его с чем-нибудь, и тот, кто подбирал лучшее сравнение, получал приз.)
She went up to the window.	Она подошла к окну.
The sun was just setting; high up in the sky were large red clouds.	Солнце только что село: на небе высоко стояли длинные красные облака.

'What are those clouds like?' questioned Zina?da; and without waiting for our answer, she said, 'I think they are like the purple sails on the golden ship of Cleopatra, when she sailed to meet Antony.	-- На что похожи эти облака? -- спросила Зинаида и, не дожидаясь нашего ответа, сказала: -- Я нахожу, что они похожи на те пурпуровые паруса, которые были на золотом корабле у Клеопатры, когда она ехала навстречу Антонию.
Do you remember, Meidanov, you were telling me about it not long ago?'	Помните, Майданов, вы недавно мне об этом рассказывали?
All of us, like Polonius in Hamlet, opined that the clouds recalled nothing so much as those sails, and that not one of us could discover a better comparison.	Все мы, как Полоний в "Гамлете", решили, что облака напоминали именно эти паруса и что лучшего сравнения никто из нас не приищет.

'And how old was Antony then?' inquired Zina?da.	-- А сколько лет было тогда Антонию? -- спросила Зинаида.
'A young man, no doubt,' observed Malevsky.	-- Уж, наверное, был молодой человек, -- заметил Малевский.
'Yes, a young man,' Meidanov chimed in in confirmation.	-- Да, молодой, -- уверительно подтвердил Майданов.
'Excuse me,' cried Lushin, 'he was over forty.' 'Over forty,' repeated Zina?da, giving him a rapid glance....	-- Извините, -- воскликнул Лушин, -- ему было за сорок лет.
I soon went home.	Я скоро ушел домой.

'She is in love,' my lips unconsciously repeated.... 'But with whom?'	"Она полюбила, -- невольно шептали мои губы. -Но кого?"
XII	XII
The days passed by.	Дни проходили.
Zina?da became stranger and stranger, and more and more incomprehensible.	Зинаида становилась все странней, все непонятней.

One day I went over to her, and saw her sitting in a basket-chair, her head pressed to the sharp edge of the table.	Однажды я вошел к ней и увидел ее сидящей на соломенном стуле, с головой, прижатой к острому краю стола.

She drew herself up ... her whole face was wet with tears.	Она выпрямилась... все лицо ее было облито слезами.
'Ah, you!' she said with a cruel smile. 'Come here.'	-- А! вы! -- сказала она с жестокой усмешкой. - Подите-ка сюда.
I went up to her. She put her hand on my head, and suddenly catching hold of my hair, began pulling it.	Я подошел к ней: она положила мне руку на голову и, внезапно ухватив меня за волосы, начала крутить их.
'It hurts me,' I said at last.	-- Больно... -- проговорил я наконец.
'Ah! does it? And do you suppose nothing hurts me?' she replied.	-- А! больно! а мне не больно? не больно? -повторила она.

'Ai!' she cried suddenly, seeing she had pulled a little tuft of hair out. 'What have I done?	-- Аи! -- вскрикнула она вдруг, увидав, что выдернула у меня маленькую прядь волос. -- Что это я сделала?
Poor M'sieu Voldemar!'	Бедный мсьё Вольдемар!
She carefully smoothed the hair she had torn out, stroked it round her finger, and twisted it into a ring.	Она осторожно расправила вырванные волосы, обмотала их вокруг пальца и свернула их в колечко.

'I shall put your hair in a locket and wear it round my neck,' she said, while the tears still glittered in her eyes. 'That will be some small consolation to you, perhaps ... and now good-bye.'	-- Я ваши волосы к себе в медальон положу и носить их буду, -- сказала она, а у самой на глазах все блестели слезы. -- Это вас, быть может, утешит немного... а теперь прощайте.
I went home, and found an unpleasant state of things there.	Я вернулся домой и застал там неприятность.
My mother was having a scene with my father; she was reproaching him with something, while he, as his habit was, maintained a polite and chilly silence, and soon left her.	У матушки происходило объяснение с отцом: она в чем-то упрекала его, а он, по своему обыкновению, холодно и вежливо отмалчивался -и скоро уехал.

I could not hear what my mother was talking of, and indeed I had no thought to spare for the subject; I only remember that when the interview was over, she sent for me to her room, and referred with great displeasure to the frequent visits I paid the princess, who was, in her words, une femme capable de tout.	Я не мог слышать, о чем говорила матушка, да и мне было не до того: помню только, что по окончании объяснения она велела позвать меня к себе в кабинет и с большим неудовольствием отозвалась о моих частых посещениях у княгини, которая, по ее словам, была une femme capable de tout [женщиной, способной на что угодно (фр)].
I kissed her hand (this was what I always did when I wanted to cut short a conversation) and went off to my room.	Я подошел к ней к ручке (это я делал всегда, когда хотел прекратить разговор) и ушел к себе.

Zina?da's tears had completely overwhelmed me; I positively did not know what to think, and was ready to cry myself; I was a child after all, in spite of my sixteen years.	Слезы Зинаиды меня совершенно сбили с толку; я решительно не знал, на какой мысли остановиться, и сам готов был плакать: я все-таки был ребенком, несмотря на мои шестнадцать лет.

I had now given up thinking about Malevsky, though Byelovzorov looked more and more threatening every day, and glared at the wily count like a wolf at a sheep; but I thought of nothing and of no one.	Уже я не думал более о Малевском, хотя Беловзоров с каждым днем становился все грознее и грознее и глядел на увертливого графа, как волк на барана; да я ни о чем и ни о ком не думал.

I was lost in imaginings, and was always seeking seclusion and solitude.	Я терялся в соображениях и все искал уединенных мест.
I was particularly fond of the ruined greenhouse.	Особенно полюбил я развалины оранжереи.
I would climb up on the high wall, and perch myself, and sit there, such an unhappy, lonely, and melancholy youth, that I felt sorry for myself-and how consolatory where those mournful sensations, how I revelled in them!...	Взберусь, бывало, на высокую стену, сяду и сижу там таким несчастным, одиноким и грустным юношей, что мне самому становится себя жалко, -- и так мне были отрадны эти горестные ощущения, так упивался я ими!..

One day I was sitting on the wall looking into the distance and listening to the ringing of the bells....	Вот однажды сижу я на стене, гляжу вдаль и слушаю колокольный звон...
Suddenly something floated up to me-not a breath of wind and not a shiver, but as it were a whiff of fragrance-as it were, a sense of some one's being near....	Вдруг что-то пробежало по мне -- ветерок не ветерок и не дрожь, а словно дуновение, словно ощущение чьей-то близости...
I looked down.	Я опустил глаза.
Below, on the path, in a light greyish gown, with a pink parasol on her shoulder, was Zina?da, hurrying along.	Внизу, по дороге, в легком сереньком платье, с розовым зонтиком на плече, поспешно шла Зинаида.

She caught sight of me, stopped, and pushing back the brim of her straw hat, she raised her velvety eyes to me.	Она увидела меня, остановилась и, откинув край соломенной шляпы, подняла на меня свои бархатные глаза.
'What are you doing up there at such a height?' she asked me with a rather queer smile. 'Come,' she went on, 'you always declare you love me; jump down into the road to me if you really do love me.'	-- Что это вы делаете там, на такой вышине? -спросила она меня с какой-то странной улыбкой. -- Вот, -- продолжала она, -- вы все уверяете, что вы меня любите, -- спрыгните ко мне на дорогу, если вы действительно любите меня.

Zina?da had hardly uttered those words when I flew down, just as though some one had given me a violent push from behind.	Не успела Зинаида произнести эти слова, как я уже летел вниз, точно кто подтолкнул меня сзади.
The wall was about fourteen feet high.	В стене было около двух сажен вышины.
I reached the ground on my feet, but the shock was so great that I could not keep my footing; I fell down, and for an instant fainted away.	Я пришелся о землю ногами, но толчок был так силен, что я не мог удержаться: я упал и на мгновенье лишился сознанья.
When I came to myself again, without opening my eyes, I felt Zina?da beside me.	Когда я пришел в себя, я, не раскрывая глаз, почувствовал возле себя Зинаиду.

'My dear boy,' she was saying, bending over me, and there was a note of alarmed tenderness in her voice, 'how could you do it, dear; how could you obey?... You know I love you.... Get up.'	-- Милый мой мальчик, -- говорила она, наклонясь надо мною, и в голосе ее звучала встревоженная нежность, -- как мог ты это сделать, как мог ты послушаться... Ведь я люблю тебя... встань.

Her bosom was heaving close to me, her hands were caressing my head, and suddenly-what were my emotions at that moment-her soft, fresh lips began covering my face with kisses ... they touched my lips....	Ее грудь дышала возле моей, ее руки прикасались моей головы, и вдруг -- что сталось со мной тогда! -- ее мягкие, свежие губы начали покрывать все мое лицо поцелуями... они коснулись моих губ...

But then Zina?da probably guessed by the expression of my face that I had regained consciousness, though I still kept my eyes closed, and rising rapidly to her feet, she said:	Но тут Зинаида, вероятно, догадалась, по выражению моего лица, что я уже пришел в себя, хотя я все глаз не раскрывал, -- и, быстро приподнявшись, промолвила:
'Come, get up, naughty boy, silly, why are you lying in the dust?'	-- Ну вставайте, шалун безумный; что это вы лежите в пыли?
I got up.	Я поднялся.

'Give me my parasol,' said Zina?da, 'I threw it down somewhere, and don't stare at me like that ... what ridiculous nonsense! you're not hurt, are you? stung by the nettles, I daresay?	-- Подайте мне мой зонтик, -- сказала Зинаида, -вишь, я его куда бросила; да не смотрите на меня так... что за глупости? Вы не ушиблись? чай, обожглись в крапиве?
Don't stare at me, I tell you....	Говорят вам, не смотрите на меня...
But he doesn't understand, he doesn't answer,' she added, as though to herself.... 'Go home, M'sieu' Voldemar, brush yourself, and don't dare to follow me, or I shall be angry, and never again ...'	Да он ничего не понимает, не отвечает, -прибавила она, словно про себя. -- Ступайте домой, мсьё Вольдемар, почиститесь, да не смейте идти за мной -- а то я рассержусь, и уже больше никогда...

She did not finish her sentence, but walked rapidly away, while I sat down by the side of the road ... my legs would not support me.	Она не договорила своей речи и проворно удалилась, а я присел на дорогу... ноги меня не держали.
The nettles had stung my hands, my back ached, and my head was giddy; but the feeling of rapture I experienced then has never come a second time in my life.	Крапива обожгла мне руки, спина ныла, и голова кружилась, но чувство блаженства, которое я испытал тогда, уже не повторилось в моей жизни.
It turned to a sweet ache in all my limbs and found expression at last in joyful hops and skips and shouts.	Оно стояло сладкой болью во всех моих членах и разрешилось наконец восторженными прыжками и восклицаниями.
Yes, I was still a child.	Точно: я был еще ребенок.

XIII	XIII
I was so proud and light- hearted all that day, I so vividly retained on my face the feeling of Zina?da's kisses, with such a shudder of delight I recalled every word she had uttered, I so hugged my unexpected happiness that I felt positively afraid, positively unwilling to see her, who had given rise to these new sensations.	Я так был весел и горд весь этот день, я так жи- во сохранял на моем ли- це ощущение Зинаиди- ных поцелуев, я с таким содроганием восторга вспоминал каждое ее слово, я так лелеял свое неожиданное счастие, что мне становилось даже страшно, не хоте- лось даже увидеть ее, виновницу этих новый ощущений.

It seemed to me that now I could ask nothing more of fate, that now I ought to 'go, and draw a deep last sigh and die.'	Мне казалось, что уже больше ничего нельзя требовать от судьбы, что теперь бы следовало "взять, вздохнуть хорошенько в последний раз, да и умереть".

But, next day, when I went into the lodge, I felt great embarrassment, which I tried to conceal under a show of modest confidence, befitting a man who wishes to make it apparent that he knows how to keep a secret.	Зато на следующий день, отправляясь во флигель, я чувствовал большое смущение, которое напрасно старался скрыть под личиною скромной развязности, приличной человеку, желающему дать знать, что он умеет сохранить тайну.

Zina? da received me very simply, without any emotion, she simply shook her finger at me and asked me, whether I wasn't black and blue?	Зинаида приняла меня очень просто, без всякого волнения, только погрозила мне пальцем и спросила: нет ли у меня синих пятен?
All my modest confidence and air of mystery vanished instantaneously and with them my embarrassment.	Вся моя скромная развязность и таинственность исчезли мгновенно, а вместе с ними и смущение мое.
Of course, I had not expected anything particular, but Zina?da's composure was like a bucket of cold water thrown over me.	Конечно, я ничего не ожидал особенного, но спокойствие Зинаиды меня точно холодной водой окатило.

I realised that in her eyes I was a child, and was extremely miserable!	Я понял, что я дитя в ее глазах, -- и мне стало очень тяжело!
Zina?da walked up and down the room, giving me a quick smile, whenever she caught my eye, but her thoughts were far away, I saw that clearly....	Зинаида ходила взад и вперед по комнате, всякий раз быстро улыбалась, как только взглядывала на меня; но мысли ее были далеко, я это ясно видел...
'Shall I begin about what happened yesterday myself,' I pondered; 'ask her, where she was hurrying off so fast, so as to find out once for all' ... but with a gesture of despair, I merely went and sat down in a corner.	"Заговорить самому о вчерашнем деле, -- подумал я, -- спросить ее, куда она так спешила, чтобы узнать окончательно...", -- но я только махнул рукой и присел в уголок.

Byelovzorov came in; I felt relieved to see him.	Беловзоров вошел; я ему обрадовался.
'I've not been able to find you a quiet horse,' he said in a sulky voice; 'Freitag warrants one, but I don't feel any confidence in it, I am afraid.'	-- Не нашел я вам верховой лошади, смирной, -заговорил он суровым голосом, -- Фрейтаг мне ручается за одну -- да я не уверен. Боюсь.
'What are you afraid of?' said Zina?da; 'allow me to inquire?'	-- Чего же вы боитесь, -- спросила Зинаида, - позвольте спросить?
'What am I afraid of? Why, you don't know how to ride.	-- Чего? Ведь вы не умеете ездить.
Lord save us, what might happen!	Сохрани бог, что случится!
What whim is this has come over you all of a sudden?'	И что за фантазия пришла вам вдруг в голову?

' Come, that's my business, Sir Wild Beast.	-- Ну, это мое дело, мсьё мой зверь.
In that case I will ask Piotr Vassilievitch.' ... (My father's name was Piotr Vassilievitch. I was surprised at her mentioning his name so lightly and freely, as though she were confident of his readiness to do her a service.)	В таком случае я попрошу Петра Васильевича... (Моего отца звали Петром Васильевичем. Я удивился тому, что она так легко и свободно упомянула его имя, точно она была уверена в его готовности услужить ей.)
'Oh, indeed,' retorted Byelovzorov, 'you mean to go out riding with him then?'	-- Вот как, -- возразил Беловзоров. -- Вы это с ним хотите ездить?
'With him or with some one else is nothing to do with you.	-- С ним или с другим -- это для вас все равно.

Only not with you, anyway.'	Только не с вами.

'Not with me,' repeated Byelovzorov. 'As you wish.	-- Не со мной, -- повторил Беловзоров. -- Как хотите.
Well, I shall find you a horse.'	Что ж? Я вам лошадь доставлю.
' Yes, only mind now, don't send some old cow.	-- Да только смотрите, не корову какую-нибудь.
I warn you I want to gallop.'	Я вас предуведомляю, что я хочу скакать.
'Gallop away by all means ... with whom is it, with Malevsky, you are going to ride?'	-- Скачите, пожалуй... С кем же это, с Малевским, что ли, вы поедете?
' And why not with him, Mr. Pugnacity?	-- А почему бы и не с ним, воин?

Come, be quiet,' she added, 'and don't glare.	Ну, успокойтесь, -- прибавила она, -- и не сверкайте глазами.
I'll take you too.	Я и вас возьму.
You know that to my mind now Malevsky's-ugh!' She shook her head.	Вы знаете, что для меня теперь Малевский -- фи! -- Она тряхнула головой.
'You say that to console me,' growled Byelovzorov.	-- Вы это говорите, чтобы меня утешить, -проворчал Беловзоров.
Zina?da half closed her eyes.	Зинаида прищурилась.
'Does that console you?	-- Это вас утешает?..

O ... O ... O ... Mr. Pugnacity!' she said at last, as though she could find no other word. 'And you, M'sieu' Voldemar, would you come with us?'	О... о... о... воин! -- сказала она наконец, как бы не найдя другого слова. -- А вы, мсьё Вольдемар, поехали ли бы вы с нами?
'I don't care to ... in a large party,' I muttered, not raising my eyes.	-- Я не люблю... в большом обществе... -пробормотал я, не поднимая глаз.
'You prefer a t?te-?-t?te?... Well, freedom to the free, and heaven to the saints,' she commented with a sigh. 'Go along, Byelovzorov, and bestir yourself.	-- Вы предпочитаете tete-a-tete?..^ глазу на глаз -фр.] Ну, вольному воля, спасенному... рай, -промолвила она, вздохнувши. -- Ступайте же, Беловзоров, хлопочите.
I must have a horse for to-morrow.'	Мне лошадь нужна к завтрашнему дню.

'Oh, and where's the money to come from?' put in the old princess.	-- Да; а деньги откуда взять? -- вмешалась княгиня.
Zina?da scowled.	Зинаида наморщила брови.
' I won't ask you for it; Byelovzorov will trust me.'	-- Я у вас их не прошу; Беловзоров мне поверит.
'He'll trust you, will he?' ... grumbled the old princess, and all of a sudden she screeched at the top of her voice, 'Duniashka!'	-- Поверит, поверит... -- проворчала княгиня -- и вдруг во все горло закричала: -- Дуняшка!
'Maman, I have given you a bell to ring,' observed Zina?da.	-- Maman, я вам подарила колокольчик, -заметила княжна.

'Duniashka!' repeated the old lady. Byelovzorov took leave; I went away with him. Zina?da did not try to detain me.	-- Дуняшка! -- повторила старуха.
XIV	XIV
The next day I got up early, cut myself a stick, and set off beyond the town-gates.	На следующее утро я встал рано, вырезал себе палку и отправился за заставу.

I thought I would walk off my sorrow.	Пойду, мол, размыкаю свое горе.

It was a lovely day, bright and not too hot, a fresh sportive breeze roved over the earth with temperate rustle and frolic, setting all things a-flutter and harassing nothing.	День был прекрасный, светлый и не слишком жаркий; веселый, свежий ветер гулял над землею и в меру шумел и играл, все шевеля и ничего не тревожа.

I wandered a long while over hills and through woods; I had not felt happy, I had left home with the intention of giving myself up to melancholy, but youth, the exquisite weather, the fresh air, the pleasure of rapid motion, the sweetness of repose, lying on the thick grass in a solitary nook, gained the upper hand; the memory of those never-to-be-forgotten words, those kisses, forced itself once more upon my soul.	Я долго бродил по горам, по лесам; я не чувствовал себя счастливым, я вышел из дому с намерением предаться унынию, но молодость, прекрасная погода, свежий воздух, потеха быстрой ходьбы, нега уединенного лежания на густой траве -- взяли свое: воспоминание о тех незабвенных словах, о тех поцелуях опять втеснилось мне в душу.

It was sweet to me to think that Zina?da could not, anyway, fail to do justice to my courage, my heroism....'	Мне приятно было думать, что Зинаида не может, однако, не отдать справедливости моей решимости, моему героизму...
Others may seem better to her than I,' I mused, 'let them!	"Другие для нее лучше меня, -- думал я, -- пускай!
But others only say what they would do, while I have done it.	Зато другие только скажут, что сделают, а я сделал!
And what more would I not do for her?'	И то ли я в состоянии еще сделать для нее!.."
My fancy set to work.	Воображение мое заиграло.

I began picturing to myself how I would save her from the hands of enemies; how, covered with blood I would tear her by force from prison, and expire at her feet.	Я начал представлять себе, как я буду спасать ее из рук неприятелей, как я, весь облитый кровью, исторгну ее из темницы, как умру у ее ног.

I remembered a picture hanging in our drawing-room-Malek-Adel bearing away Matilda-but at that point my attention was absorbed by the appearance of a speckled woodpecker who climbed busily up the slender stem of a birch-tree and peeped out uneasily from behind it, first to the right, then to the left, like a musician behind the bass-viol.	Я вспомнил картину, висевшую у нас в гостиной: Малек-Аделя, уносящего Матильду, -- и тут же занялся появлением большого пестрого дятла, который хлопотливо поднимался по тонкому стволу березы и с беспокойством выглядывал из-за нее, то направо, то налево, точно музыкант из-за шейки контрабаса.
Then I sang	Потом я запел:
'Not the white snows,' and passed from that to a song well known at that period:	"Не белы снеги" и свел на известный в то время романс:

'I await thee, when the wanton zephyr,' then I began reading aloud Yermak's address to the stars from Homyakov's tragedy. I made an attempt to compose something myself in a sentimental vein, and invented the line which was to conclude each verse:	"Я жду тебя, когда зефир игривый"; потом я начал громко читать обращение Ермака к звездам из трагедии Хомякова; попытался было сочинить что-нибудь в чувствительном роде, придумал даже строчку, которой должно было заканчиваться все стихотворение:
' O Zina?da, Zina?da!' but could get no further with it.	"О Зинаида! Зинаида!", но ничего не вышло.
Meanwhile it was getting on towards dinner-time.	Между тем наступало время обеда.

I went down into the valley; a narrow sandy path winding through it led to the town.	Я спустился в долину; узкая песчаная дорожка вилась по ней и вела в город.

I walked along this path....	Я пошел по этой дорожке...
The dull thud of horses' hoofs resounded behind me.	Глухой стук лошадиных копыт раздался за мною.
I looked round instinctively, stood still and took off my cap. I saw my father and Zina?da.	Я оглянулся, невольно остановился и снял фуражку: я увидел моего отца и Зинаиду.
They were riding side by side.	Они ехали рядом.

My father was saying something to her, bending right over to her, his hand propped on the horses' neck, he was smiling.	Отец говорил ей что-то, перегнувшись к ней всем станом и опершись рукою на шею лошади; он улыбался.
Zina?da listened to him in silence, her eyes severely cast down, and her lips tightly pressed together.	Зинаида слушала его молча, строго опустив глаза и сжавши губы.
At first I saw them only; but a few instants later, Byelovzorov came into sight round a bend in the glade, he was wearing a hussar's uniform with a pelisse, and riding a foaming black horse.	Я сперва увидал их одних; только через несколько мгновений, из-за поворота долины, показался Беловзоров в гусарском мундире с ментиком, на опененном вороном коне.

The gallant horse tossed its head, snorted and pranced from side to side, his rider was at once holding him in and spurring him on.	Добрый конь мотал головою, фыркал и плясал: всадник и сдерживал его и шпорил.
I stood aside.	Я посторонился.
My father gathered up the reins, moved away from Zina?da, she slowly raised her eyes to him, and both galloped off ... Byelovzorov flew after them, his sabre clattering behind him.	Отец подобрал поводья, отклонился от Зинаиды, она медленно подняла на него глаза -- и оба поскакали... Беловзоров промчался вслед за ними, гремя саблей.
'He's as red as a crab,' I reflected, 'while she ... why's she so pale? out riding the whole morning, and pale?'	"Он красен как рак, -- подумал я, -- а она... Отчего она такая бледная? ездила верхом целое утро -- и бледная?"

I redoubled my pace, and got home just at dinner-time.	Я удвоил шаги и поспел домой перед самым обедом.
My father was already sitting by my mother's chair, dressed for dinner, washed and fresh; he was reading an article from the Journal des D?bats in his smooth musical voice; but my mother heard him without attention, and when she saw me, asked where I had been to all day long, and added that she didn't like this gadding about God knows where, and God knows in what company.	Отец уже сидел, переодетый, вымытый и свежий, возле матушкиного кресла и читал ей своим ровным и звучным голосом фельетон "Journal des Debats", но матушка слушала его без внимания и, увидавши меня, спросила, где я пропадал целый день, и прибавила, что не любит, когда таскаются бог знает где и бог знает с кем.

'But I have been walking alone,' I was on the point of replying, but I looked at my father, and for some reason or other held my peace.	"Да я гулял один", -- хотел было я ответить, но посмотрел на отца и почему-то промолчал.
XV	XV
For the next five or six days I hardly saw Zina?da; she said she was ill, which did not, however, prevent the usual visitors from calling at the lodge to pay-as they expressed it, their duty-all, that is, except Meidanov, who promptly grew dejected and sulky when he had not an opportunity of being enthusiastic.	В течение следующих пяти, шести дней я почти не видел Зинаиды: она сказывалась больною, что не мешало, однако, обычным посетителям флигеля являться, как они выражались, на свое дежурство -- всем, кроме Майданова, который тотчас падал духом и скучал, как только не имел случая восторгаться.

Byelovzorov sat sullen and red-faced in a corner, buttoned up to the throat; on the refined face of Malevsky there flickered continually an evil smile; he had really fallen into disfavour with Zina?da, and waited with special assiduity on the old princess, and even went with her in a hired coach to call on the Governor-General.	Беловзоров сидел угрюмо в углу, весь застегнутый и красный, на тонком лице графа Малевского постоянно бродила какая-то недобрая улыбка; он действительно впал в немилость у Зинаиды и с особенным стараньем подслуживался старой княгине, ездил с ней в ямской карете к генерал-губернатору.

This expedition turned out unsuccessful, however, and even led to an unpleasant experience for Malevsky; he was reminded of some scandal to do with certain officers of the engineers, and was forced in his explanations to plead his youth and inexperience at the time.	Впрочем, эта поездка оказалась неудачной, и Малевскому вышла даже неприятность: ему напомнили какую-то историю с какими-то путейскими офицерами -- и он должен был в объяснениях своих сказать, что был тогда неопытен.
Lushin came twice a day, but did not stay long; I was rather afraid of him after our last unreserved conversation, and at the same time felt a genuine attraction to him.	Лушин приезжал раза по два в день, но оставался недолго; я немножко боялся его после нашего последнего объяснения и в то же время чувствовал к нему искреннее влечение.

He went a walk with me one day in the Neskutchny gardens, was very good-natured and nice, told me the names and properties of various plants and flowers, and suddenly, ? propos of nothing at all, cried, hitting himself on his forehead,	Он однажды пошел гулять со мною по Нескучному саду, был очень добродушен и любезен, сообщал мне названия и свойства разных трав и цветов и вдруг, как говорится, ни к селу ни к городу, воскликнул, ударив себя по лбу:
'And I, poor fool, thought her a flirt! it's clear self-sacrifice is sweet for some people!'	"А я, дурак, думал, что она кокетка! Видно, жертвовать собою сладко -- для иных".
'What do you mean by that?' I inquired.	-- Что вы хотите этим сказать? -- спросил я.

'I don't mean to tell you anything,' Lushin replied abruptly.	-- Вам я ничего не хочу сказать, -- отрывисто возразил Лушин.
Zina?da avoided me; my presence-I could not help noticing it-affected her disagreeably.	Меня Зинаида избегала: мое появление -- я не мог этого не заметить -- производило на нее впечатление неприятное.
She involuntarily turned away from me ... involuntarily; that was what was so bitter, that was what crushed me!	Она невольно отворачивалась от меня... невольно; вот что было горько, вот что меня сокрушало!
But there was no help for it, and I tried not to cross her path, and only to watch her from a distance, in which I was not always successful.	Но делать было нечего -- и я старался не попадаться ей на глаза и лишь издали ее подкарауливал, что не всегда мне удавалось.

As before, something incomprehensible was happening to her; her face was different, she was different altogether.	С ней по-прежнему происходило что-то непонятное; ее лицо стало другое, вся она другая стала.
I was specially struck by the change that had taken place in her one warm still evening.	Особенно поразила меня происшедшая в ней перемена в один теплый, тихий вечер.
I was sitting on a low garden bench under a spreading elderbush; I was fond of that nook; I could see from there the window of Zina?da's room.	Я сидел на низенькой скамеечке под широким, кустом бузины; я любил это местечко: оттуда было видно окно Зинаидиной комнаты.

I sat there; over my head a little bird was busily hopping about in the darkness of the leaves; a grey cat, stretching herself at full length, crept warily about the garden, and the first beetles were heavily droning in the air, which was still clear, though it was not light.	Я сидел; над моей головой в потемневшей листве хлопотливо ворошилась маленькая птичка; серая кошка, вытянув спину, осторожно кралась в сад, и первые жуки тяжело гудели в воздухе, еще прозрачном, хотя уже не светлом.
I sat and gazed at the window, and waited to see if it would open; it did open, and Zina?da appeared at it.	Я сидел и смотрел на окно -- и ждал, не отворится ли оно: точно -- оно отворилось, и в нем появилась Зинаида.

She had on a white dress, and she herself, her face, shoulders, and arms, were pale to whiteness.	На ней было белое платье -- и сама она, ее лицо, плечи, руки были бледны до белизны.
She stayed a long while without moving, and looked out straight before her from under her knitted brows.	Она долго осталась неподвижной и долго глядела неподвижно и прямо из-под сдвинутых бровей.
I had never known such a look on her.	Я и не знал за ней такого взгляда.

Then she clasped her hands tightly, raised them to her lips, to her forehead, and suddenly pulling her fingers apart, she pushed back her hair behind her ears, tossed it, and with a sort of determination nodded her head, and slammed-to the window.	Потом она стиснула руки, крепко-крепко, поднесла их к губам, ко лбу -- и вдруг, раздернув пальцы, откинула волосы от ушей, встряхнула ими и, с какой-то решительностью кивнув сверху вниз головой, захлопнула окно.
Three days later she met me in the garden.	Дня три спустя она встретила меня в саду.
I was turning away, but she stopped me of herself.	Я хотел уклониться в сторону, но она сама меня остановила.

'Give me your arm,' she said to me with her old affectionateness, 'it's a long while since we have had a talk together.'	-- Дайте мне руку, -- сказала она мне с прежней лаской, -- мы давно с вами не болтали.
I stole a look at her; her eyes were full of a soft light, and her face seemed as it were smiling through a mist.	Я взглянул на нее: глаза ее тихо светились и лицо улыбалось, точно сквозь дымку.
'Are you still not well?' I asked her.	-- Вы все еще нездоровы? -- спросил я ее.
'No, that's all over now,' she answered, and she picked a small red rose. 'I am a little tired, but that too will pass off.'	-- Нет, теперь все прошло, -- отвечала она и сорвала небольшую красную розу. -- Я немножко устала, но и это пройдет.

'And will you be as you used to be again?' I asked.	-- И вы опять будете такая же, как прежде? -спросил я.
Zina?da put the rose up to her face, and I fancied the reflection of its bright petals had fallen on her cheeks.	Зинаида поднесла розу к лицу -- и мне показалось, как будто отблеск ярких лепестков упал ей на щеки.
'Why, am I changed?' she questioned me.	-- Разве я изменилась? -- спросила она меня.
' Yes, you are changed,' I answered in a low voice.	-- Да, изменились, -- ответил я вполголоса.
'I have been cold to you, I know,' began Zina?da, 'but you mustn't pay attention to that ... I couldn't help it....	-- Я с вами была холодна -- я знаю, -- начала Зинаида, -- но вы не должны были обращать на это внимания...
Come, why talk about it!'	Я не могла иначе...

' You don't want me to love you, that's what it is!'	Ну, да что об этом говорить!

I cried gloomily, in an involuntary outburst.	-- Вы не хотите, чтоб я любил вас, вот что! - воскликнул я мрачно, с невольным порывом.
'No, love me, but not as you did.'	-- Нет, любите меня -- но не так, как прежде.
' How then?'	-- Как же?
'Let us be friends-come now!' Zina?da gave me the rose to smell. 'Listen, you know I'm much older than you-I might be your aunt, really; well, not your aunt, but an older sister.	-- Будемте друзьями -- вот как! -- Зинаида дала мне понюхать розу. -- Послушайте, ведь я гораздо старше вас -- я могла бы быть вашей тетушкой, право; ну, не тетушкой, старшей сестрой.

And you ...'	А вы...
' You think me a child,' I interrupted.	-- Я для вас ребенок, -- перебил я ее.
'Well, yes, a child, but a dear, good clever one, whom I love very much.	-- Ну да, ребенок, но милый, хороший, умный, которого я очень люблю.
Do you know what?	Знаете ли что?
From this day forth I confer on you the rank of page to me; and don't you forget that pages have to keep close to their ladies.	Я вас с нынешнего же дня жалую к себе в пажи; а вы не забывайте, что пажи не должны отлучаться от своих госпож.

Here is the token of your new dignity,' she added, sticking the rose in the buttonhole of my jacket, 'the token of my favour.'	Вот вам знак вашего нового достоинства, -прибавила она, вдевая розу в петлю моей курточки, -- знак нашей к вам милости.
'I once received other favours from you,' I muttered.	-- Я от вас прежде получал другие милости, -пробормотал я.
'Ah!' commented Zina?da, and she gave me a sidelong look, 'What a memory he has!	-- А! -- промолвила Зинаида и сбоку посмотрела на меня. -- Какая у него память!
Well? I'm quite ready now ...' And stooping to me, she imprinted on my forehead a pure, tranquil kiss.	Что ж! я и теперь готова... И, склонившись ко мне, она напечатлела мне на лоб чистый, спокойный поцелуй.

I only looked at her, while she turned away, and saying,	Я только посмотрел на нее, а она отвернулась, и, сказавши:
'Follow me, my page,' went into the lodge.	"Ступайте за мной, мой паж", -- пошла к флигелю.
I followed her-all in amazement.	Я отправился вслед за нею -- и все недоумевал.
'Can this gentle, reasonable girl,' I thought, 'be the Zina?da I used to know?'	"Неужели, -- думал я, -- эта кроткая, рассудительная девушка -- та самая Зинаида, которую я знал?"
I fancied her very walk was quieter, her whole figure statelier and more graceful ...	И походка ее мне казалась тише -- вся ее фигура величественнее и стройней...

And, mercy! with what fresh force love burned within me!	И боже мой! с какой новой силой разгоралась во мне любовь!
XVI	XVI
After dinner the usual party assembled again at the lodge, and the young princess came out to them.	После обеда опять собрались во флигеле гости -- и княжна вышла к ним.

All were there in full force, just as on that first evening which I never forgot; even Nirmatsky had limped to see her; Meidanov came this time earliest of all, he brought some new verses.	Все общество было налицо, в полном составе, как в тот первый, незабвенный для меня вечер: даже Нирмацкий притащился; Майданов пришел в этот раз раньше всех -- он принес новые стихи.

The games of forfeits began again, but without the strange pranks, the practical jokes and noise- the gipsy element had vanished.	Начались опять игры в фанты, но уже без прежних странных выходок, без дурачества и шума -- цыганский элемент исчез.
Zina?da gave a different tone to the proceedings.	Зинаида дала новое настроение нашей сходке.
I sat beside her by virtue of my office as page.	Я сидел подле нее по праву пажа.
Among other things, she proposed that any one who had to pay a forfeit should tell his dream; but this was not successful.	Между прочим, она предложила, чтобы тот, чей фант вынется, рассказывал свой сон; но это не удалось.

The dreams were either uninteresting (Byelovzorov had dreamed that he fed his mare on carp, and that she had a wooden head), or unnatural and invented.	Сны выходили либо неинтересные (Беловзоров видел во сне, что накормил свою лошадь карасями и что у ней была деревянная голова), либо неестественные, сочиненные.
Meidanov regaled us with a regular romance; there were sepulchres in it, and angels with lyres, and talking flowers and music wafted from afar.	Майданов угостил нас целою повестью: тут были и могильные склепы, и ангелы с лирами, и говорящие цветы, и несущиеся издалека звуки.
Zina?da did not let him finish.	Зинаида не дала ему докончить.

'If we are to have compositions,' she said, 'let every one tell something made up, and no pretence about it.'	-- Коли уж дело пошло на сочинения, -- сказала она, -- так пускай каждый расскажет что-нибудь непременно выдуманное.
The first who had to speak was again Byelovzorov. The young hussar was confused. 'I can't make up anything!' he cried.	-- Я ничего выдумать не могу! -- воскликнул он.
'What nonsense!' said Zina?da. 'Well, imagine, for instance, you are married, and tell us how you would treat your wife.	-- Какие пустяки! -- подхватила Зинаида. -- Ну, вообразите себе, например, что вы женаты, и расскажите нам, как бы вы проводили время с вашей женой.
Would you lock her up?'	Вы бы ее заперли?

'Yes, I should lock her up.'	-- Я бы ее запер.
' And would you stay with her yourself?'	-- И сами бы сидели с ней?
' Yes, I should certainly stay with her myself.'	-- И сам непременно сидел бы с ней.
' Very good.	-- Прекрасно.
Well, but if she got sick of that, and she deceived you?'	Ну а если бы ей это надоело и она бы изменила вам?
' I should kill her.'	-- Я бы ее убил.
' And if she ran away?'	-- А если б она убежала?
' I should catch her up and kill her all the same.'	-- Я бы догнал ее и все-таки бы убил.
'Oh.	-- Так.

And suppose now I were your wife, what would you do then?'	Ну а положим, я была бы вашей женой, что бы вы тогда сделали?

Byelovzorov was silent a minute.	Беловзоров помолчал.
' I should kill myself....'	-- Я бы себя убил...
Zina?dalaughed.	Зинаида засмеялась.
' I see yours is not a long story.'	-- Я вижу, у вас недол-га песня.
The next forfeit was Zina?da's.	Второй фант вышел Зинаидин.
She looked at the ceiling and considered.	Она подняла глаза к потолку и задумалась.
'Well, listen, she began at last, 'what I have thought of....	-- Вот, послушайте, -- начала она наконец, -- что я выдумала...

Picture to yourselves a magnificent palace, a summer night, and a marvellous ball.	Представьте себе великолепный чертог, летнюю ночь и удивительный бал.
This ball is given by a young queen.	Бал этот дает молодая королева.
Everywhere gold and marble, crystal, silk, lights, diamonds, flowers, fragrant scents, every caprice of luxury.'	Везде золото, мрамор, хрусталь, шелк, огни, алмазы, цветы, куренья, все прихоти роскоши.
' You love luxury?' Lushin interposed.	-- Вы любите роскошь? -- перебил ее Лушин.
'Luxury is beautiful,' she retorted; 'I love everything beautiful.'	-- Роскошь красива, -- возразила она, -- я люблю все красивое.
'More than what is noble?' he asked.	-- Больше прекрасного? -- спросил он.

' That's something clever, I don't understand it.	-- Это что-то хитро, не понимаю.
Don't interrupt me.	Не мешайте мне.
So the ball is magnificent.	Итак, бал великолепный.
There are crowds of guests, all of them are young, handsome, and brave, all are frantically in love with the queen.'	Гостей множество, все они молоды, прекрасны, храбры, все без памяти влюблены в королеву.
'Are there no women among the guests?' queried Malevsky.	-- Женщин нет в числе гостей? -- спросил Малевский.
'No-or wait a minute-yes, there are some.'	-- Нет -- или погодите -- есть.
' Are they all ugly?'	-- Всё некрасивые?
'No, charming.	-- Прелестные.

But the men are all in love with the queen.	Но мужчины все влюблены в королеву.
She is tall and graceful; she has a little gold diadem on her black hair.'	Она высока и стройна; у ней маленькая золотая диадема на черных волосах.
I looked at Zina?da, and at that instant she seemed to me so much above all of us, there was such bright intelligence, and such power about her unruffled brows, that I thought:	Я посмотрел на Зинаиду -- и в это мгновение она мне показалась настолько выше всех нас, от ее белого лба, от ее недвижных бровей веяло таким светлым умом и такою властию, что я подумал:
' You are that queen!'	"Ты сама эта королева!"

'They all throng about her,' Zina?da went on, 'and all lavish the most flattering speeches upon her.'	-- Все толпятся вокруг нее, -- продолжала Зинаида, -- все расточают перед ней самые льстивые речи.

' And she likes flattery?' Lushin queried.	-- А она любит лесть? -- спросил Лушин.
'What an intolerable person! he keeps interrupting ... who doesn't like flattery?'	-- Какой несносный! все перебивает... Кто ж не любит лести?
'One more last question,' observed Malevsky, 'has the queen a husband?'	-- Еще один, последний вопрос, -- заметил Малевский. -- У королевы есть муж?
' I hadn't thought about that.	-- Я об этом и не подумала.

No, why should she have a husband?'	Нет, зачем муж?
'To be sure,' assented Malevsky, 'why should she have a husband?'	-- Конечно, -- подхватил Малевский, -- зачем муж?
'Silence!' cried Meidanov in French, which he spoke very badly.	-- Silence! [Тише! -- фр.] -- воскликнул Майданов, который по-французски говорил плохо.
'Merci!' Zina?da said to him. 'And so the queen hears their speeches, and hears the music, but does not look at one of the guests.	-- Merci, -- сказала ему Зинаида. -- Итак, королева слушает эти речи, слушает музыку, но не глядит ни на кого из гостей.

Six windows are open from top to bottom, from floor to ceiling, and beyond them is a dark sky with big stars, a dark garden with big trees.	Шесть окон раскрыты сверху донизу, от потолка до полу; а за ними темное небо с большими звездами да темный сад с большими деревьями.
The queen gazes out into the garden.	Королева глядит в сад.
Out there among the trees is a fountain; it is white in the darkness, and rises up tall, tall as an apparition.	Там, около деревьев, фонтан; он белеет во мраке -- длинный, длинный, как привидение.
The queen hears, through the talk and the music, the soft splash of its waters.	Королева слышит сквозь говор и музыку тихий плеск воды.

She gazes and thinks: you are all, gentlemen, noble, clever, and rich, you crowd round me, you treasure every word I utter, you are all ready to die at my feet, I hold you in my power ... but out there, by the fountain, by that splashing water, stands and waits he whom I love, who holds me in his power.	Она смотрит и думает: вы все, господа, благо- родны, умны, богаты, вы окружили меня, вы дорожите каждым мо- им словом, вы все гото- вы умереть у моих ног, я владею вами... А там, возле фонтана, возле этой плещущей воды, стоит и ждет меня тот, кого я люблю, кто мною владеет.

He has neither rich raiment nor precious stones, no one knows him, but he awaits me, and is certain I shall come-and I shall come-and there is no power that could stop me when I want to go out to him, and to stay with him, and be lost with him out there in the darkness of the garden, under the whispering of the trees, and the splash of the fountain ...' Zina?da ceased.	На нем нет ни богатого платья, ни драгоценных камней, никто его не знает, но он ждет меня и уверен, что я приду, -- и я приду, и нет такой масти, которая бы остановила меня, когда я захочу пойти к нему, и остаться с ним, и потеряться с ним там, в темноте сада, под шорох деревьев, под плеск фонтана . Зинаида умолкла
' Is that a made-up story?' Malevsky inquired slyly.	-- Это выдумка? -- хитро спросил Малевский.
Zina?da did not even look at him.	Зинаида даже не посмотрела на него.

'And what should we have done, gentlemen?' Lushin began suddenly, 'if we had been among the guests, and had known of the lucky fellow at the fountain?'	-- А что бы мы сделали, господа, -- вдруг заговорил Лушин, -- если бы мы были в числе гостей и знали про этого счастливца у фонтана?
'Stop a minute, stop a minute,' interposed Zina?da, 'I will tell you myself what each of you would have done.	-- Постойте, постойте, -- перебила Зинаида, -- я сама скажу вам, что бы каждый из вас сделал.

You, Byelovzorov, would have challenged him to a duel; you, Meidanov, would have written an epigram on him ... No, though, you can't write epigrams, you would have made up a long poem on him in the style of Barbier, and would have inserted your production in the Telegraph.	Вы, Беловзоров, вызвали бы ею на дуэль; вы, Майданов, написали бы на него эпиграмму. Впрочем, нет -- вы не умеете писать эпиграмм, вы сочинили бы на него длинный ямб, вроде Барбье, и поместили бы ваше произведение в "Телеграфе".

You, Nirmatsky, would have borrowed ... no, you would have lent him money at high interest; you, doctor,...' she stopped. 'There, I really don't know what you would have done....'	Вы, Нирмацкий, заняли бы у него ... нет, вы бы дали ему взаймы денег за проценты, вы, доктор -Она остановилась. -- Вот я про вас не знаю, что бы вы сделали.
'In the capacity of court physician,' answered Lushin, 'I would have advised the queen not to give balls when she was not in the humour for entertaining her guests....'	-- По званию лейб-медика, -- отвечал Лушин, -- я бы присоветовал королеве не давать балов, когда ей не до гостей...
'Perhaps you would have been right.	-- Может быть, вы были бы правы.

And you, Count?...'	А вы, граф...
'And I?' repeated Malevsky with his evil smile....	-- А я? -- повторил со своей недоброй улыбкой Малевский..
' You would offer him a poisoned sweetmeat.'	-- А вы бы поднесли ему отравленную конфетку.
Malevsky's face changed slightly, and assumed for an instant a Jewish expression, but he laughed directly.	Лицо Малевского слегка перекосилось и приняло на миг жидовское выражение, но он тотчас же захохотал.
'And as for you, Voldemar,...' Zina?da went on, 'but that's enough, though; let us play another game.'	-- Что же касается до вас, Вольдемар... -продолжала Зинаида, -- впрочем, довольно; давайте играть в другую игру.

'M'sieu Voldemar, as the queen's page, would have held up her train when she ran into the garden,' Malevsky remarked malignantly.	-- Мсьё Вольдемар, в качестве пажа королевы, держал бы ей шлейф, когда бы она побежала в сад, -- ядовито заметил Малевский.
I was crimson with anger, but Zina?da hurriedly laid a hand on my shoulder, and getting up, said in a rather shaky voice:	Я вспыхнул, но Зинаида проворно положила мне на плечо руку и, приподнявшись, промолвила слегка дрожащим голосом:
'I have never given your excellency the right to be rude, and therefore I will ask you to leave us.' She pointed to the door.	-- Я никогда не давала вашему сиятельству права быть дерзким и потому прошу вас удалиться -Она указала ему на дверь.

'Upon my word, princess,' muttered Malevsky, and he turned quite pale.	-- Помилуйте, княжна, -- пробормотал Малевский и весь побледнел.
'The princess is right,' cried Byelovzorov, and he too rose.	-- Княжна права, -- воскликнул Беловзоров и тоже поднялся.
'Good God, I'd not the least idea,' Malevsky went on, 'in my words there was nothing, I think, that could ... I had no notion of offending you....	-- Я, ей-богу, никак не ожидал, -- продолжал Малевский, -- в моих словах, кажется, ничего не было такого. . у меня и в мыслях не было оскорбить вас...
Forgive me.'	Простите меня.
Zina?da looked him up and down coldly, and coldly smiled.	Зинаида окинула его холодным взглядом и холодно усмехнулась.

'Stay, then, certainly,' she pronounced with a careless gesture of her arm. 'M'sieu Voldemar and I were needlessly incensed.	-- Пожалуй, останьтесь, -- промолвила она с небрежным движением руки. -- Мы с мсьё Вольдемаром напрасно рассердились.
It is your pleasure to sting ... may it do you good.'	Вам весело жалиться на здоровье.
'Forgive me,' Malevsky repeated once more; while I, my thoughts dwelling on Zina?da's gesture, said to myself again that no real queen could with greater dignity have shown a presumptuous subject to the door.	-- Простите меня, -- еще раз повторил Малевский, а я, вспоминая движение Зинаиды, подумал опять, что настоящая королева не могла бы с большим достоинством указать дерзновенному на дверь.

The game of forfeits went on for a short time after this little scene; every one felt rather ill at ease, not so much on account of this scene, as from another, not quite definite, but oppressive feeling.	Игра в фанты продолжалась недолго после этой небольшой сцены; всем немного стало неловко, не столько от самой этой сцены, сколько от другого, не совсем определенного, но тяжелого чувства.
No one spoke of it, but every one was conscious of it in himself and in his neighbour.	Никто о нем не говорил, но всякий сознавал его и в себе и в своем соседе.
Meidanov read us his verses; and Malevsky praised them with exaggerated warmth.	Майданов прочел нам свои стихи -- и Малевский с преувеличенным жаром расхвалил их.

'He wants to show how good he is now,' Lushin whispered to me.	"Как ему теперь хочется показаться добрым", -шепнул мне Лушин.
We soon broke up.	Мы скоро разошлись.
A mood of reverie seemed to have come upon Zina?da; the old princess sent word that she had a headache; Nirmatsky began to complain of his rheumatism....	На Зинаиду внезапно напало раздумье; княгиня выслала сказать, что у ней голова болит; Нирмацкий стал жаловаться на свои ревматизмы...
I could not for a long while get to sleep. I had been impressed by Zina?da's story.	Я долго не мог заснуть, меня поразил рассказ Зинаиды.

'Can there have been a hint in it?' I asked myself: 'and at whom and at what was she hinting?	-- Неужели в нем заключался намек? -- спрашивал я самого себя, -- и на кого, на что она намекала?
And if there really is anything to hint at ... how is one to make up one's mind?	И если точно есть на что намекнуть... как же решиться?
No, no, it can't be,' I whispered, turning over from one hot cheek on to the other....	Нет, мет, не может быть, -- шептал я, переворачиваясь с одной горячей щеки на другую...

But I remembered the expression of Zina?da's face during her story.... I remembered the exclamation that had broken from Lushin in the Neskutchny gardens, the sudden change in her behaviour to me, and I was lost in conjectures.	Но я вспоминал выражение лица Зинаиды во время ее рассказа, я вспоминал восклицание, вырвавшееся у Лушина в Нескучном, внезапные перемены в ее обращении со мною -- и терялся в догадках.
'Who is he?'	"Кто он?"
These three words seemed to stand before my eyes traced upon the darkness; a lowering malignant cloud seemed hanging over me, and I felt its oppressiveness, and waited for it to break.	Эти два слова точно стояли перед моими глазами, начертанные во мраке; точно низкое зловещее облако повисло надо мною -- и я чувствовал его давление и ждал, что вот-вот оно разразится.

I had grown used to many things of late; I had learned much from what I had seen at the Zasyekins; their disorderly ways, tallow candle-ends, broken knives and forks, grumpy Vonifaty, and shabby maid-servants, the manners of the old princess-all their strange mode of life no longer struck me....	Ко многому я привык в последнее время, на многое насмотрелся у Засекиных; их беспорядочность, сальные огарки, сломанные ножи и вилки, мрачный Вонифатий, обтерханные горничные, манеры самой княгини -- вся эта странная жизнь уже не поражала меня более...
But what I was dimly discerning now in Zina?da, I could never get used to....	Но к тому, что мне смутно чудилось теперь в Зинаиде, -- я привыкнуть не мог...

'An adventuress!' my mother had said of her one day.	"Авантюрьерка" [авантюристка, искательница приключений -- фр. aventunere], -- сказала про нее однажды моя мать.
An adventuress-she, my idol, my divinity?	Авантюрьерка -- она, мой идол, мое божество!
This word stabbed me, I tried to get away from it into my pillow, I was indignant- and at the same time what would I not have agreed to, what would I not have given only to be that lucky fellow at the fountain!... My blood was on fire and boiling within me.	Это название жгло меня, я старался уйти от него в подушку, я негодовал -- и в то же время, на что бы я не согласился, чего бы я не дал, чтобы только быть тем счастливцем у фонтана!.. Кровь во мне загорелась и расходилась.
' The garden ... the fountain,' I mused....	"Сад... фонтан... -- подумал я.

' I will go into the garden.'	-- Пойду-ка я в сад".
I dressed quickly and slipped out of the house.	Я проворно оделся и выскользнул из дому.
The night was dark, the trees scarcely whispered, a soft chill air breathed down from the sky, a smell of fennel trailed across from the kitchen garden.	Ночь была темна, деревья чуть шептали; с неба падал тихий холодок, от огорода тянуло запахом укропа.
I went through all the walks; the light sound of my own footsteps at once confused and emboldened me; I stood still, waited and heard my heart beating fast and loudly.	Я обошел все аллеи; легкий звук моих шагов меня и смущал и бодрил; я останавливался, ждал и слушал, как стукало мое сердце -- крупно и скоро.

At last I went up to the fence and leaned against the thin bar.	Наконец я приблизился к забору и оперся на тонкую жердь.
Suddenly, or was it my fancy, a woman's figure flashed by, a few paces from me ... I strained my eyes eagerly into the darkness, I held my breath.	Вдруг -- или это мне почудилось? -- в нескольких шагах от меня промелькнула женская фигура... Я усиленно устремил взор в темноту -- я притаил дыхание.
What was that?	Что это?
Did I hear steps, or was it my heart beating again?	Шаги ли мне слышатся -- или это опять стучит мое сердце?
'Who is here?' I faltered, hardly audibly.	"Кто здесь?" -- пролепетал я едва внятно.

What was that again, a smothered laugh ... or a rustling in the leaves ... or a sigh just at my ear?	Что это опять? подавленный ли смех?.. или шорох в листьях... или вздох над самым ухом?
I felt afraid ...	Мне стало страшно...
'Who is here?' I repeated still more softly.	"Кто здесь?" -- повторил я еще тише.
The air blew in a gust for an instant; a streak of fire flashed across the sky; it was a star falling.	Воздух заструился на мгновение; по небу сверкнула огненная полоска; звезда покатилась.
'Zina?da?' I wanted to call, but the word died away on my lips.	"Зинаида?" -- хотел спросить я, но звук замер у меня на губах.

And all at once everything became profoundly still around, as is often the case in the middle of the night....	И вдруг все стало глубоко безмолвно кругом, как это часто бывает в средине ночи...
Even the grasshoppers ceased their churr in the trees-only a window rattled somewhere.	Даже кузнечики перестали трещать в деревьях - только окошко где-то звякнуло.
I stood and stood, and then went back to my room, to my chilled bed.	Я постоял, постоял и вернулся в свою комнату, к своей простывшей постели.

I felt a strange sensation; as though I had gone to a tryst, and had been left lonely, and had passed close by another's happiness.	Я чувствовал странное волнение: точно я ходил на свидание -- и остался одиноким и прошел мимо чужого счастия.
XVII	XVII
The following day I only had a passing glimpse of Zina?da: she was driving somewhere with the old princess in a cab.	На следующий день я видел Зинаиду только мельком: она ездила куда-то с княгинею на извозчике.
But I saw Lushin, who, however, barely vouchsafed me a greeting, and Malevsky.	Зато я видел Лушина, который, впрочем, едва удостоил меня привета, и Малевского.

The young count grinned, and began affably talking to me.	Молодой граф осклабился и дружелюбно заговорил со мною.
Of all those who visited at the lodge, he alone had succeeded in forcing his way into our house, and had favourably impressed my mother.	Из всех посетителей флигелька он один умел втереться к нам в дом и полюбился матушке.
My father did not take to him, and treated him with a civility almost insulting.	Отец его не жаловал и обращался с ним до оскорбительности вежливо.

'Ah, monsieur le page,' began Malevsky, 'delighted to meet you.	-- Ah, monsieur le page! [А, господин паж! -- фр.] -начал Малевский, -- очень рад вас встретить.
What is your lovely queen doing?'	Что делает ваша прекрасная королева?
His fresh handsome face was so detestable to me at that moment, and he looked at me with such contemptuous amusement that I did not answer him at all.	Его свежее, красивое лицо так мне было противно в эту минуту -- и он глядел на меня так презрительно-игриво, что я не отвечал ему вовсе.
'Are you still angry?' he went on. 'You've no reason to be.	-- Вы все сердитесь? -- продолжал он. -- Напрасно.

It wasn't I who called you a page, you know, and pages attend queens especially.	Ведь не я вас назвал пажом, а пажи бывают преимущественно у королев.
But allow me to remark that you perform your duties very badly.'	Но позвольте вам заметить, что вы худо исполняете свою обязанность.
' How so?'	-- Как так?

'Pages ought to be inseparable from their mistresses; pages ought to know everything they do, they ought, indeed, to watch over them,' he added, lowering his voice, 'day and night.'	-- Пажи должны быть неотлучны при своих владычицах; пажи должны все знать, что они делают, они должны даже наблюдать за ними, -прибавил он, понизив голос, -- днем и ночью.
'What do you mean?'	-- Что вы хотите сказать?
'What do I mean?	-- Что я хочу сказать!
I express myself pretty clearly, I fancy.	Я, кажется, ясно выражаюсь.

Day and night.	Днем -- и ночью.

By day it's not so much matter; it's light, and people are about in the daytime; but by night, then look out for misfortune.	Днем еще так и сяк; днем светло и людно; но ночью -- тут как раз жди беды.
I advise you not to sleep at nights and to watch, watch with all your energies.	Советую вам не спать по ночам и наблюдать, наблюдать из всех сил.
You remember, in the garden, by night, at the fountain, that's where there's need to look out.	Помните -- в саду, ночью, у фонтана -- вот где надо караулить.
You will thank me.'	Вы мне спасибо скажете

Malevsky laughed and turned his back on me. He, most likely, attached no great importance to what he had said to me, he had a reputation for mystifying, and was noted for his power of taking people in at masquerades, which was greatly augmented by the almost unconscious falsity in which his whole nature was steeped....	Малевский засмеялся и повернулся ко мне спиной Он, вероятно, не придавал особенного значенья тому, что сказал мне; он имел репутацию отличного мистификатора и славился своим умением дурачить людей на маскарадах, чему весьма способствовала та почти бессознательная лживость, которою было проникнуто все его существо...
He only wanted to tease me; but every word he uttered was a poison that ran through my veins.	Он хотел только подразнить меня; но каждое его слово протекло ядом по всем моим жилам.

The blood rushed to my head.	Кровь бросилась мне в голову.
' Ah! so that's it!' I said to myself; 'good!	"А! вот что! -- сказал я самому себе, -- добро!
So there was reason for me to feel drawn into the garden!	Стало быть, мои вчерашние предчувствия были справедливы! Стало быть, меня недаром тянуло в сад!
That shan't be so!' I cried aloud, and struck myself on the chest with my fist, though precisely what should not be so I could not have said.	Так не бывать же этому!" -- воскликнул я громко и ударил кулаком себя в грудь, хотя я, собственно, и не знал -- чему не бывать.

'Whether Malevsky himself goes into the garden,' I thought (he was bragging, perhaps; he has insolence enough for that), 'or some one else (the fence of our garden was very low, and there was no difficulty in getting over it), anyway, if any one falls into my hands, it will be the worse for him!	"Сам ли Малевский пожалует в сад, -- думал я (он, может быть, проболтался: на это дерзости у него станет), -- другой ли кто (ограда нашего сада была очень низка, и никакого труда не стоило перелезть через нее), -- но только несдобровать тому, кто мне попадется!
I don't advise any one to meet me!	Никому не советую встречаться со мною!
I will prove to all the world and to her, the traitress (I actually used the word 'traitress') that I can be revenged!'	Я докажу всему свету и ей, изменнице (я так-таки и назвал ее изменницей), что я умею мстить!"

I returned to my own room, took out of the writing-table an English knife I had recently bought, felt its sharp edge, and knitting my brows with an air of cold and concentrated determination, thrust it into my pocket, as though doing such deeds was nothing out of the way for me, and not the first time.	Я вернулся к себе в комнату, достал из письменного стола недавно купленный английский ножик, пощупал острие лезвия и, нахмурив брови, с холодной и сосредоточенной решительностью сунул его себе в карман, точно мне такие дела делать было не в диво и не впервой.

My heart heaved angrily, and felt heavy as a stone. All day long I kept a scowling brow and lips tightly compressed, and was continually walking up and down, clutching, with my hand in my pocket, the knife, which was warm from my grasp, while I prepared myself beforehand for something terrible.	Сердце во мне злобно приподнялось и окаменело; я до самой ночи не раздвинул бровей и не разжал губ и то и дело похаживал взад и вперед, стискивая рукою в кармане разогревшийся нож и заранее приготовляясь к чему-то страшному.
These new unknown sensations so occupied and even delighted me, that I hardly thought of Zina?da herself.	Эти новые, небывалые ощущения до того занимали и даже веселили меня, что собственно о Зинаиде я мало думал.

I was continually haunted by Aleko, the young gipsy- 'Where art thou going, young handsome man? Lie there,' and then, 'thou art all besprent with blood....	Мне всё мерещились: Алеко, молодой цы- ган -"Куда, красавец молодой? -- Лежи...", а потом: "Ты весь обрыз- ган кровью!..
Oh, what hast thou done?... Naught!'	О, что ты сделал?.." -- "Ничего!"
With what a cruel smile I repeated that 'Naught!'	С какой жестокой улыбкой я повторил это: ничего!

My father was not at home; but my mother, who had for some time past been in an almost continual state of dumb exasperation, noticed my gloomy and heroic aspect, and said to me at supper,	Отца не было дома; но матушка, которая с некоторого времени находилась в состоянии почти постоянного глухого раздражения, обратила внимание на мой фатальный вид и сказала мне за ужином:
'Why are you sulking like a mouse in a meal-tub?'	"Чего ты дуешься, как мышь на крупу?"
I merely smiled condescendingly in reply, and thought,	Я только снисходительно усмехнулся ей в ответ и подумал:
' If only they knew!'	"Если б они знали!"

It struck eleven; I went to my room, but did not undress; I waited for midnight; at last it struck.	Пробило одиннадцать часов; я ушел к себе, но не раздевался, я выжидал полночи; наконец пробила и она.
'The time has come!' I muttered between my teeth; and buttoning myself up to the throat, and even pulling my sleeves up, I went into the garden.	"Пора!" -- шепнул я сквозь зубы и, застегнувшись доверху, засучив даже рукава, отправился в сад.
I had already fixed on the spot from which to keep watch.	Я уже заранее выбрал себе место, где караулить.
At the end of the garden, at the point where the fence, separating our domain from the Zasyekins,' joined the common wall, grew a pine-tree, standing alone.	На конце сада, там, где забор, разделявший наши и засекинские владения, упирался в общую стену, росла одинокая ель.

Standing under its low thick branches, I could see well, as far as the darkness of the night permitted, what took place around. Close by, ran a winding path which had always seemed mysterious to me; it coiled like a snake under the fence, which at that point bore traces of having been climbed over, and led to a round arbour formed of thick acacias.	Стоя под ее низкими, густыми ветвями, я мог хорошо видеть, насколько позволяла ночная темнота, что происходило вокруг; тут же вилась дорожка, которая мне всегда казалась таинственной: она змеей проползала под забором, носившим в этом месте следы перелезавших ног, и вела к круглой беседке из сплошных акаций.
I made my way to the pine-tree, leaned my back against its trunk, and began my watch.	Я добрался до ели, прислонился к ее стволу и начал караулить.

The night was as still as the night before, but there were fewer clouds in the sky, and the outlines of bushes, even of tall flowers, could be more distinctly seen.	Ночь стояла такая же тихая, как и накануне; но на небе было меньше туч -- и очертанья кустов, даже высоких цветов, яснее виднелись.
The first moments of expectation were oppressive, almost terrible.	Первые мгновенья ожидания были томительны, почти страшны.
I had made up my mind to everything. I only debated how to act; whether to thunder,	Я на все решился, я только соображал: как мне поступить? Загреметь ли:
'Where goest thou?	"Куда идешь?
Stand! show thyself- or death!' or simply to strike....	Стой! сознайся -- или смерть!" -- или просто поразить...

Every sound, every whisper and rustle, seemed to me portentous and extraordinary....	Каждый звук, каждый шорох и шелест казался мне значительным, необычайным...
I prepared myself....	Я готовился...
I bent forward....	Я наклонился вперед...
But half-an- hour passed, an hour passed; my blood had grown quieter, colder; the consciousness that I was doing all this for nothing, that I was even a little absurd, that Malevsky had been making fun of me, began to steal over me.	Но прошло полчаса, прошел час; кровь моя утихала, холодела; сознание, что я напрасно все это делаю, что я даже несколько смешон, что Малевский подшутил надо мною, -- начало прокрадываться мне в душу.

I left my ambush, and walked all about the garden.	Я покинул мою засаду и обошел весь сад.
As if to taunt me, there was not the smallest sound to be heard anywhere; everything was at rest. Even our dog was asleep, curled up into a ball at the gate.	Как нарочно, нигде не было слышно малейшего шума; все покоилось; даже собака наша спала, свернувшись в клубочек у калитки.
I climbed up into the ruins of the greenhouse, saw the open country far away before me, recalled my meeting with Zina?da, and fell to dreaming....	Я взобрался на развалину оранжереи, увидел пред собою далекое поле, вспомнил встречу с Зинаидой и задумался...
I started....	Я вздрогнул...

I fancied I heard the creak of a door opening, then the faint crack of a broken twig.	Мне почудился скрип отворявшейся двери, потом легкий треск переломанного сучка.
In two bounds I got down from the ruin, and stood still, all aghast.	Я в два прыжка спустился с развалины -- и замер на месте.
Rapid, light, but cautious footsteps sounded distinctly in the garden.	Быстрые, легкие, но осторожные шаги явственно раздавались в саду.
They were approaching me.	Они приближались ко мне.
'Here he is ... here he is, at last!' flashed through my heart.	"Вот он... Вот он, наконец!" -- промчалось у меня по сердцу.

With spasmodic haste, I pulled the knife out of my pocket; with spasmodic haste, I opened it. Flashes of red were whirling before my eyes; my hair stood up on my head in my fear and fury....	Я судорожно выдернул нож из кармана, судорожно раскрыл его -- какие-то красные искры закрутились у меня в глазах, от страха и злости на голове зашевелились волосы...
The steps were coming straight towards me; I bent-I craned forward to meet him....	Шаги направлялись прямо на меня -- я сгибался, я тянулся им навстречу...
A man came into view.... My God! it was my father!	Показался человек... боже мой! это был мой отец!

I recognised him at once, though he was all muffled up in a dark cloak, and his hat was pulled down over his face.	Я тотчас узнал его, хотя он весь закутался в темный плащ и шляпу надвинул на лицо.
On tip-toe he walked by.	На цыпочках прошел он мимо.
He did not notice me, though nothing concealed me; but I was so huddled up and shrunk together that I fancy I was almost on the level of the ground.	Он не заметил меня, хотя меня ничто не скрывало, но я так скорчился и съежился, что, кажется, сравнялся с самою землею.
The jealous Othello, ready for murder, was suddenly transformed into a school-boy....	Ревнивый, готовый на убийство Отелло внезапно превратился в школьника...

I was so taken aback by my father's unexpected appearance that for the first moment I did not notice where he had come from or in what direction he disappeared.	Я до того испугался неожиданного появления отца, что даже на первых порах не заметил, откуда он шел и куда исчез.
I only drew myself up, and thought,	Я только тогда выпрямился и подумал:
'Why is it my father is walking about in the garden at night?' when everything was still again.	"Зачем это отец ходит ночью по саду", -- когда опять все утихло вокруг.
In my horror I had dropped my knife in the grass, but I did not even attempt to look for it; I was very much ashamed of myself.	Со страху я уронил нож в траву, но даже искать его не стал: мне было очень стыдно.

I was completely sobered at once.	Я разом отрезвился.
On my way to the house, however, I went up to my seat under the elder-tree, and looked up at Zina?da's window.	Возвращаясь домой, я, однако, подошел к моей скамеечке под кустом бузины и взглянул на окошко Зинаидиной спальни.
The small slightly-convex panes of the window shone dimly blue in the faint light thrown on them by the night sky.	Небольшие, немного выгнутые стекла окошка тускло синели при слабом свете, падавшем с ночного неба.
All at once-their colour began to change....	Вдруг -- цвет их стал изменяться...

Behind them-I saw this, saw it distinctly-softly and cautiously a white blind was let down, let down right to the window-frame, and so stayed.	За ними -- я это видел, видел явственно -осторожно и тихо спускалась беловатая штора, спустилась до оконницы -- и так и осталась неподвижной.
'What is that for?' I said aloud almost involuntarily when I found myself once more in my room. 'A dream, a chance, or ...' The suppositions which suddenly rushed into my head were so new and strange that I did not dare to entertain them.	-- Что ж это такое? -- проговорил я вслух, почти невольно, когда снова очутился в своей комнате. -- Сон, случайность или... -- Предположения, которые внезапно вошли мне в голову, так были новы и странны, что я не смел даже предаться им.
XVIII	XVIII
I got up in the morning with a headache.	Я встал поутру с головною болью.

My emotion of the previous day had vanished.	Вчерашнее волнение исчезло.
It was replaced by a dreary sense of blankness and a sort of sadness I had not known till then, as though something had died in me.	Оно заменилось тяжелым недоумением и какою-то еще небывалою грустью -- точно во мне что-то умирало.
'Why is it you're looking like a rabbit with half its brain removed?' said Lushin on meeting me.	-- Что это вы смотрите кроликом, у которого вынули половину мозга? -- сказал мне, встретившись со мною, Лушин.

At lunch I stole a look first at my father, then at my mother: he was composed, as usual; she was, as usual, secretly irritated.	За завтраком я украдкой взглядывал то на отца, то на мать: он был спокоен, по обыкновению; она, по обыкновению, тайно раздражалась.
I waited to see whether my father would make some friendly remarks to me, as he sometimes did....	Я ждал, не заговорит ли отец со мною дружелюбно, как это иногда с ним случалось...
But he did not even bestow his everyday cold greeting upon me.	Но он даже не поласкал меня своей вседневною, холодною лаской.

' Shall I tell Zina?da all?' I wondered.... 'It's all the same, anyway; all is at an end between us.'	"Рассказать все Зинаиде?.. -- подумал я. -- Ведь уж все равно -- все кончено между нами".
I went to see her, but told her nothing, and, indeed, I could not even have managed to get a talk with her if I had wanted to.	Я отправился к ней, но не только ничего не рассказал ей -- даже побеседовать с ней мне не удалось, как бы хотелось.
The old princess's son, a cadet of twelve years old, had come from Petersburg for his holidays; Zina?da at once handed her brother over to me.	К княгине на вакансию приехал из Петербурга родной ее сын, кадет, лет двенадцати; Зинаида тотчас поручила мне своего брата.

'Here,' she said,' my dear Volodya,'-it was the first time she had used this pet-name to me-'is a companion for you.	-- Вот вам, -- сказала она, -- мой милый Володя (она в первый раз так меня называла), товарищ.
His name is Volodya, too.	Его тоже зовут Володей.
Please, like him; he is still shy, but he has a good heart.	Пожалуйста, полюбите его; он еще дичок, но у него сердце доброе.
Show him Neskutchny gardens, go walks with him, take him under your protection.	Покажите ему Нескучное, гуляйте с ним, возьмите его под свое покровительство.
You'll do that, won't you? you're so good, too!'	Не правда ли, вы это сделаете? вы тоже такой добрый!

She laid both her hands affectionately on my shoulders, and I was utterly bewildered.	Она ласково положила мне обе руки на плечи -- а я совсем потерялся.
The presence of this boy transformed me, too, into a boy.	Прибытие этого мальчика превращало меня самого в мальчика.
I looked in silence at the cadet, who stared as silently at me.	Я глядел молча на кадета, который так же безмолвно уставился на меня.
Zina?da laughed, and pushed us towards each other.	Зинаида расхохоталась и толкнула нас друг на друга:
' Embrace each other, children!'	-- Да обнимитесь же, дети!
We embraced each other.	Мы обнялись.

'Would you like me to show you the garden?' I inquired of the cadet.	-- Хотите, я вас поведу в сад? -- спросил я кадета.
'If you please,' he replied, in the regular cadet's hoarse voice.	-- Извольте-с, -- отвечал он сиплым, прямо кадетским голосом.
Zina?da laughed again....	Зинаида опять рассмеялась...
I had time to notice that she had never had such an exquisite colour in her face before.	Я успел заметить, что никогда еще не было у ней на лице таких прелестных красок.
I set off with the cadet.	Мы с кадетом отправились.

There was an old-fashioned swing in our garden.	У нас в саду стояли старенькие качели.

I sat him down on the narrow plank seat, and began swinging him.	Я его посадил на тоненькую дощечку и начал его качать.
He sat rigid in his new little uniform of stout cloth, with its broad gold braiding, and kept tight hold of the cords.	Он сидел неподвижно, в новом своем мундирчике из толстого сукна, с широкими золотыми позументами, и крепко держался за веревки.
'You'd better unbutton your collar,' I said to him.	-- Да вы расстегните свой воротник, -- сказал я ему.
'It's all right; we're used to it,' he said, and cleared his throat.	-- Ничего-с, мы привыкли-с, -- проговорил он и откашлялся.

He was like his sister. The eyes especially recalled her, I liked being nice to him; and at the same time an aching sadness was gnawing at my heart.	Он походил на свою сестру; особенно глаза ее напоминали. Мне было и приятно ему услуживать, и в то же время та же ноющая грусть тихо грызла мне сердце.
'Now I certainly am a child,' I thought; 'but yesterday....'	"Теперь уж я точно ребенок, -- думал я, -- а вчера..."
I remembered where I had dropped my knife the night before, and looked for it.	Я вспомнил, где я накануне уронил ножик, и отыскал его.
The cadet asked me for it, picked a thick stalk of wild parsley, cut a pipe out of it, and began whistling.	Кадет выпросил его у меня, сорвал толстый стебель зори, вырезал из него дудку и принялся свистать.
Othello whistled too.	Отелло посвистал тоже.

But in the evening how he wept, this Othello, in Zina?da's arms, when, seeking him out in a corner of the garden, she asked him why he was so depressed.	Но зато вечером, как он плакал, этот самый Отелло, на руках Зинаиды, когда, отыскав его в уголку сада, она спросила его, отчего он так печален?
My tears flowed with such violence that she was frightened.	Слезы мои хлынули с такой силой, что она испугалась.
'What is wrong with you? What is it, Volodya?' she repeated; and seeing I made no answer, and did not cease weeping, she was about to kiss my wet cheek.	-- Что с вами? что с вами, Володя? -- твердила она и, видя, что я не отвечаю ей и не перестаю плакать, вздумала было поцеловать мою мокрую щеку.
But I turned away from her, and whispered through my sobs,	Но я отвернулся от нее и прошептал сквозь рыдания:

'I know all. Why did you play with me?... What need had you of my love?'	-- Я все знаю; зачем же вы играли мною?.. На что вам нужна была моя любовь?
'I am to blame, Volodya ...' said Zina?da. 'I am very much to blame ...' she added, wringing her hands. 'How much there is bad and black and sinful in me!... But I am not playing with you now. I love you; you don't even suspect why and how....	-- Я виновата перед вами, Володя... -- промолвила Зинаида. -- Ах, я очень виновата... -- прибавила она и стиснула руки. -- Сколько во мне дурного, темного, грешного... Но я теперь не играю вами, я вас люблю -- вы и не подозреваете, почему и как...
But what is it you know?'	Однако что же вы знаете?
What could I say to her?	Что мог я сказать ей?

She stood facing me, and looked at me; and I belonged to her altogether from head to foot directly she looked at me....	Она стояла передо мною и глядела на меня -- а я принадлежал ей весь, с головы до ног, как только она на меня глядела...
A quarter of an hour later I was running races with the cadet and Zina?da. I was not crying, I was laughing, though my swollen eyelids dropped a tear or two as I laughed. I had Zina?da's ribbon round my neck for a cravat, and I shouted with delight whenever I succeeded in catching her round the waist.	Четверть часа спустя я уже бегал с кадетом и с Зинаидой взапуски; я не плакал, я смеялся, хотя набухшие веки от смеха роняли слезы; у меня на шее, вместо галстучка, была повязана лента Зинаиды, и я закричал от радости, когда мне удалось поймать ее за талию.

She did just as she liked with me.	Она делала со мной все, что хотела.
XIX	XIX
I should be in a great difficulty, if I were forced to describe exactly what passed within me in the course of the week after my unsuccessful midnight expedition.	Я пришел бы в большое затруднение, если бы меня заставили рассказать подробно, что происходило со мною в течение недели после моей неудачной ночной экспедиции.

It was a strange feverish time, a sort of chaos, in which the most violently opposed feelings, thoughts, suspicions, hopes, joys, and sufferings, whirled together in a kind of hurricane. I was afraid to look into myself, if a boy of sixteen ever can look into himself; I was afraid to take stock of anything; I simply hastened to live through every day till evening; and at night I slept ... the light-heartedness of childhood came to my aid.	Эта было странное, лихорадочное время, хаос какой-то, в котором самые противоположные чувства, мысли, подозренья, надежды, радости и страданья кружились вихрем; я страшился заглянуть в себя, если только шестнадцатилетний мальчик может в себя заглянуть, страшился отдать себе отчет в чем бы то ни было; я просто спешил прожить день до вечера; зато ночью я спал... детское легкомыслие мне помогало.

I did not want to know whether I was loved, and I did not want to acknowledge to myself that I was not loved; my father I avoided-but Zina?da I could not avoid....	Я не хотел знать, любят ли меня, и не хотел сознаться самому себе, что меня не любят; отца я избегал -- но Зинаиды избегать я не мог...
I burnt as in a fire in her presence ... but what did I care to know what the fire was in which I burned and melted-it was enough that it was sweet to burn and melt.	Меня жгло как огнем в ее присутствии... но к чему мне было знать, что это был за огонь, на котором я горел и таял, -- благо мне было сладко таять и гореть.

I gave myself up to all my passing sensations, and cheated myself, turning away from memories, and shutting my eyes to what I foreboded before me....	Я отдавался всем своим, впечатлениям и сам с собой лукавил, отворачивался от воспоминаний и закрывал глаза перед тем, что предчувствовал впереди...
This weakness would not most likely have lasted long in any case ... a thunderbolt cut it all short in a moment, and flung me into a new track altogether.	Это томление, вероятно, долго бы не продолжилось... громовой удар разом все прекратил и перебросил меня в новую колею.

Coming in one day to dinner from a rather long walk, I learnt with amazement that I was to dine alone, that my father had gone away and my mother was unwell, did not want any dinner, and had shut herself up in her bedroom.	Вернувшись однажды к обеду с довольно продолжительной прогулки, я с удивлением узнал, что буду обедать один, что отец уехал, а матушка нездорова, не желает кушать и заперлась у себя в спальне.
From the faces of the footmen, I surmised that something extraordinary had taken place....	По лицам лакеев я догадывался, что произошло нечто необыкновенное...

I did not dare to cross-examine them, but I had a friend in the young waiter Philip, who was passionately fond of poetry, and a performer on the guitar. I addressed myself to him.	Расспрашивать их я не смел, но у меня был приятель, молодой буфетчик Филипп, страстный охотник до стихов и артист на гитаре, -- я к нему обратился.

From him I learned that a terrible scene had taken place between my father and mother (and every word had been overheard in the maids' room; much of it had been in French, but Masha the lady's-maid had lived five years' with a dressmaker from Paris, and she understood it all); that my mother had reproached my father with infidelity, with an intimacy with the young lady next door, that my father at first had defended himself, but afterwards had lost his temper, and he too had said something cruel, 'reflecting on her age,' which had made my mother cry; that my mother too	От него я узнал, что между отцом и матушкой произошла страшная сцена (а в девичьей все было слышно до единого слова; многое было сказано по-французски -- да горничная Маша пять лет жила у швеи из Парижа и все понимала); что матушка моя упрекала отца в неверности, в знакомстве с соседней барышней, что отец сперва оправдывался, потом вспыхнул и, в свою очередь, сказал какое-то жестокое слово, "якобы об ихних летах", отчего матушка заплакала; что матушка также упомянула о векселе, будто бы данном ста-

'And all the mischief,' continued Philip, 'came from an anonymous letter; and who wrote it, no one knows, or else there'd have been no reason whatever for the matter to have come out at all.'	-- А произошла вся беда, -- продолжал Филипп, -от безымянного письма, а кто его написал -неизвестно; а то бы как этим делам наружу выйти, причины никакой нет.
'But was there really any ground,' I brought out with difficulty, while my hands and feet went cold, and a sort of shudder ran through my inmost being.	-- Да разве что-нибудь было? -- с трудом проговорил я, между тем как руки и ноги у меня холодели и что-то задрожало в самой глубине груди.
Philip winked meaningly.	Филипп знаменательно мигнул.
' There was.	-- Было.

There's no hiding those things; for all that your father was careful this time-but there, you see, he'd, for instance, to hire a carriage or something ... no getting on without servants, either.'	Этих делов не скроешь; уж на что батюшка ваш в этом разе осторожен -- да ведь надобно ж, примерно, карету нанять или там что... без людей не обойдешься тоже.
I dismissed Philip, and fell on to my bed.	Я услал Филиппа -- и повалился на постель.
I did not sob, I did not give myself up to despair; I did not ask myself when and how this had happened; I did not wonder how it was I had not guessed it before, long ago; I did not even upbraid my father....	Я не зарыдал, не предался отчаянию; я не спрашивал себя, когда и как все это случилось; не удивлялся, как я прежде, как я давно не догадался, -- я даже не роптал на отца.

What I had learnt was more than I could take in; this sudden revelation stunned me....	То, что я узнал, было мне не под силу: это внезапное откровение раздавило меня...
All was at an end.	Все было кончено.
All the fair blossoms of my heart were roughly plucked at once, and lay about me, flung on the ground, and trampled underfoot.	Все цветы мои были вырваны разом и лежали вокруг меня, разбросанные и истоптанные.
XX	XX
My mother next day announced her intention of returning to the town.	Матушка на следующий день объявила, что переезжает в город.

In the morning my father had gone into her bedroom, and stayed there a long while alone with her.	Утром отец вошел к ней в спальню и долго сидел с нею наедине.
No one had overheard what he said to her; but my mother wept no more; she regained her composure, and asked for food, but did not make her appearance nor change her plans.	Никто не слышал, что он сказал ей, но матушка уж не плакала больше; она успокоилась и кушать потребовала -- однако не показалась и решения своего не переменила.

I remember I wandered about the whole day, but did not go into the garden, and never once glanced at the lodge, and in the evening I was the spectator of an amazing occurrence: my father conducted Count Malevsky by the arm through the dining-room into the hall, and, in the presence of a footman, said icily to him:	Помнится, я пробродил целый день, но в сад не заходил и ни разу не взглянул на флигель, а вечером я был свидетелем удивительного происшествия: отец мой вывел графа Малевского под руку через залу в переднюю и, в присутствии лакея, холодно сказал ему:

'A few days ago your excellency was shown the door in our house; and now I am not going to enter into any kind of explanation with you, but I have the honour to announce to you that if you ever visit me again, I shall throw you out of window.	"Несколько дней тому назад вашему сиятельству в одном доме указали на дверь; а теперь я не буду входить с вами в объяснения, но имею честь вам доложить, что если вы еще раз пожалуете ко мне, то я вас выброшу в окошко.
I don't like your handwriting.'	Мне ваш почерк не нравится".
The count bowed, bit his lips, shrank away, and vanished.	Граф наклонился, стиснул зубы, съежился и исчез.

Preparations were beginning for our removal to town, to Arbaty Street, where we had a house.	Начались сборы к переселению в город, на Арбат, где у нас был дом.
My father himself probably no longer cared to remain at the country house; but clearly he had succeeded in persuading my mother not to make a public scandal.	Отцу, вероятно, самому уже не хотелось более оставаться на даче; но, видно, он успел упросить матушку не затевать истории.

Everything was done quietly, without hurry; my mother even sent her compliments to the old princess, and expressed her regret that she was prevented by indisposition from seeing her again before her departure.	Все делалось тихо, не спеша, матушка велела даже поклониться княгине и изъявить ей сожаление, что по нездоровью не увидится с ней до отъезда.
I wandered about like one possessed, and only longed for one thing, for it all to be over as soon as possible.	Я бродил, как . шальной, -- и одного только желал, как бы поскорее все это кончилось.

One thought I could not get out of my head: how could she, a young girl, and a princess too, after all, bring herself to such a step, knowing that my father was not a free man, and having an opportunity of marrying, for instance, Byelovzorov?	Одна мысль не выходила у меня из головы: как могла она, молодая девушка -- ну, и все-таки княжна, -- решиться на такой поступок, зная, что мой отец человек несвободный, и имея возможность выйти замуж хоть, например, за Беловзорова?
What did she hope for?	На что же она надеялась?
How was it she was not afraid of ruining her whole future?	Как не побоялась погубить всю свою будущность?

Yes, I thought, this is love, this is passion, this is devotion ... and Lushin's words came back to me: to sacrifice oneself for some people is sweet.	Да, думал я, вот это -- любовь, это -- страсть, это -- преданность... и вспоминались мне слова Лушина: жертвовать собою сладко для иных.
I chanced somehow to catch sight of something white in one of the windows of the lodge....	Как-то пришлось мне увидеть в одном из окон флигеля бледное пятно...

'Can it be Zina?da's face?' I thought ... yes, it really was her face.	"Неужели это лицо Зинаиды?" -- подумал я... Точно, это было ее лицо.
I could not restrain myself.	Я не вытерпел.

I could not part from her without saying a last good-bye to her.	Я не мог расстаться с нею, не сказав ей последнего прости.
I seized a favourable instant, and went into the lodge.	Я улучил удобное мгновение и отправился во флигель.
In the drawing-room the old princess met me with her usual slovenly and careless greetings.	В гостиной княгиня встретила меня своим обычным, неопрятно-небрежным приветом.

'How's this, my good man, your folks are off in such a hurry?' she observed, thrusting snuff into her nose.	-- Что это, батюшка, ваши так рано всполошились? -- промолвила она, забивая табак в обе ноздри.
I looked at her, and a load was taken off my heart.	Я посмотрел на нее, и у меня отлегло от сердца.
The word 'loan,' dropped by Philip, had been torturing me.	Слово: вексель, сказанное Филиппом, мучило меня.
She had no suspicion ... at least I thought so then.	Она ничего не подозревала... по крайней мере, мне тогда так показалось.

Zina?da came in from the next room, pale, and dressed in black, with her hair hanging loose; she took me by the hand without a word, and drew me away with her.	Зинаида появилась из соседней комнаты, в черном платье, бледная, с развитыми волосами; она молча взяла меня за руку и увела с собой.
'I heard your voice,' she began, 'and came out at once.	-- Я услышала ваш голос, -- начала она, -- и тотчас вышла.
Is it so easy for you to leave us, bad boy?'	И вам так легко было нас покинуть, злой мальчик?
'I have come to say good-bye to you, princess,' I answered, 'probably for ever.	-- Я пришел с вами проститься, княжна, -- отвечал я, -- вероятно, навсегда.

You have heard, perhaps, we are going away.'	Вы, может быть, слышали -- мы уезжаем.
Zina?da looked intently at me.	Зинаида пристально по-смотрела на меня.
' Yes, I have heard.	-- Да, я слышала.
Thanks for coming.	Спасибо, что пришли.
I was beginning to think I should not see you again.	Я уже думала, что не увижу вас.
Don't remember evil against me.	Не поминайте меня лихом.
I have sometimes tormented you, but all the same I am not what you imagine me.'	Я иногда мучила вас; но все-таки я не такая, какою вы меня воображаете.

She turned away, and leaned against the window.	Она отвернулась и прислонилась к окну.
'Really, I am not like that.	-- Право, я не такая.
I know you have a bad opinion of me.'	Я знаю, вы обо мне дурного мнения.
' I?'	-- Я?
' Yes, you ... you.'	-- Да, вы... вы.

'I?' I repeated mournfully, and my heart throbbed as of old under the influence of her overpowering, indescribable fascination. 'I?	-- Я? -- повторил я горестно, и сердце у меня задрожало по-прежнему под влиянием неотразимого, невыразимого обаяния. -- Я?

Believe me, Zina?da Alexandrovna, whatever you did, however you tormented me, I should love and adore you to the end of my days.'	Поверьте, Зинаида Александровна, что бы вы ни сделали, как бы вы ни мучили меня, я буду любить и обожать вас до конца дней моих.
She turned with a rapid motion to me, and flinging wide her arms, embraced my head, and gave me a warm and passionate kiss.	Она быстро обернулась ко мне и, раскрыв широко руки, обняла мою голову и крепко и горячо поцеловала меня.
God knows whom that long farewell kiss was seeking, but I eagerly tasted its sweetness.	Бог знает, кого искал этот долгий, прощальный поцелуй, но я жадно вкусил его сладость.
I knew that it would never be repeated.	Я знал, что он уже никогда не повторится.
' Good-bye, good-bye,' I kept saying ...	-- Прощайте, прощайте, -- твердил я...

She tore herself away, and went out.	Она вырвалась и ушла.
And I went away.	И я удалился.
I cannot describe the emotion with which I went away.	Я не в состоянии передать чувство, с которым я удалился.
I should not wish it ever to come again; but I should think myself unfortunate had I never experienced such an emotion.	Я бы не желал, чтобы оно когда-нибудь повторилось; но я почел бы себя несчастливым, если бы я никогда его не испытал.
We went back to town.	Мы переехали в город.
I did not quickly shake off the past; I did not quickly get to work.	Не скоро я отделался от прошедшего, не скоро принялся за работу.

My wound slowly began to heal; but I had no ill-feeling against my father.	Рана моя медленно заживала; но, собственно, против отца у меня не было никакого дурного чувства.
On the contrary he had, as it were, gained in my eyes ... let psychologists explain the contradiction as best they can.	Напротив: он как будто еще вырос в моих глазах... Пускай психологи объяснят это противоречие как знают.
One day I was walking along a boulevard, and to my indescribable delight, I came across Lushin.	Однажды я шел по бульвару и, к неописанной моей радости, столкнулся с Лушиным.
I liked him for his straightforward and unaffected character, and besides he was dear to me for the sake of the memories he aroused in me.	Я его любил за его прямой и нелицемерный нрав, да притом он был мне дорог по воспоминаниям, которые он во мне возбуждал.

I rushed up to him.	Я бросился к нему.
'Aha!' he said, knitting his brows,' so it's you, young man.	-- Ага! -- промолвил он и нахмурил брови. -- Это вы, молодой человек!
Let me have a look at you.	Покажите-ка себя.
You're still as yellow as ever, but yet there's not the same nonsense in your eyes.	Вы все еще желты, а все-таки в глазах нет прежней дряни.
You look like a man, not a lap-dog.	Человеком смотрите, не комнатной собачкой.
That's good.	Это хорошо.
Well, what are you doing? working?'	Ну, что же вы? работаете?

I gave a sigh. I did not like to tell a lie, while I was ashamed to tell the truth.	Я вздохнул Лгать мне не хотелось, а правду сказать я стыдился.
'Well, never mind,' Lushin went on, 'don't be shy.	-- Ну, ничего, -- продолжал Лушин, -- не робейте.
The great thing is to lead a normal life, and not be the slave of your passions.	Главное дело: жить нормально и не поддаваться увлечениям.
What do you get if not?	А то что пользы?
Wherever you are carried by the tide-it's all a bad look-out; a man must stand on his own feet, if he can get nothing but a rock to stand on.	Куда бы волна ни понесла -- все худо; человек хоть на камне стой, да на своих ногах.

Here, I've got a cough ... and Byelovzorov-have you heard anything of him?'	Я вот кашляю... а Беловзоров -- слыхали вы?
'No. What is it?'	-- Что такое? нет.
'He's lost, and no news of him; they say he's gone away to the Caucasus.	-- Без вести пропал; говорят, на Кавказ уехал.
A lesson to you, young man.	Урок вам, молодой человек.
And it's all from not knowing how to part in time, to break out of the net.	А вся штука оттого, что не умеют вовремя расстаться, разорвать сети.
You seem to have got off very well.	Вот вы, кажется, выскочили благополучно.
Mind you don't fall into the same snare again.	Смотрите же, не попадитесь опять.
Good-bye.'	Прощайте.

'I shan't,' I thought.... 'I shan't see her again.' But I was destined to see Zina?da once more.	"Не попадусь... -- думал я, -- не увижу ее больше"; но мне было суждено еще раз увидеть Зинаиду.
XXI	XXI
My father used every day to ride out on horseback. He had a splendid English mare, a chestnut piebald, with a long slender neck and long legs, an inexhaustible and vicious beast.	Отец мой каждый день выезжал верхом; у него была славная рыже-чалая английская лошадь, с длинной тонкой шеей и длинными ногами, неутомимая и злая.
Her name was Electric.	Ее звали Электрик.
No one could ride her except my father.	Кроме отца, на ней никто ездить не мог.

One day he came up to me in a good humour, a frame of mind in which I had not seen him for a long while; he was getting ready for his ride, and had already put on his spurs.	Однажды он пришел ко мне в добром расположении духа, чего с ним давно не бывало; он собирался выехать и уже надел шпоры.
I began entreating him to take me with him.	Я стал просить его взять меня с собою.
'We'd much better have a game of leap-frog,' my father replied. 'You'll never keep up with me on your cob.'	-- Давай лучше играть в чехарду, -- отвечал мне отец, -- а то ты на своем клепере за мной не поспеешь.
'Yes, I will; I'll put on spurs too.'	-- Поспею; я тоже шпоры надену.
' All right, come along then.'	-- Ну, пожалуй.
We set off.	Мы отправились.

I had a shaggy black horse, strong, and fairly spirited. It is true it had to gallop its utmost, when Electric went at full trot, still I was not left behind.	У меня был вороненький, косматый конек, крепкий на ноги и довольно резвый; правда, ему приходилось скакать во все лопатки, когда Электрик шел полной рысью, но я все-таки не отставал.
I have never seen any one ride like my father; he had such a fine carelessly easy seat, that it seemed that the horse under him was conscious of it, and proud of its rider.	Я не видывал всадника, подобного отцу; он сидел так красиво и небрежно-ловко, что, казалось, сама лошадь под ним это чувствовала и щеголяла им.

We rode through all the boulevards, reached the 'Maidens' Field,' jumped several fences (at first I had been afraid to take a leap, but my father had a contempt for cowards, and I soon ceased to feel fear), twice crossed the river Moskva, and I was under the impression that we were on our way home, especially as my father of his own accord observed that my horse was tired, when suddenly he turned off away from me at the Crimean ford, and galloped along the river-bank.	Мы проехали по всем бульварам, побывали на Девичьем поле, перепрыгнули через несколько заборов (спервa я боялся прыгать, но отец презирал робких людей, -- и я перестал бояться), переехали дважды чрез Москву-реку -- и я уже думал, что мы возвращаемся домой, тем более что сам отец заметил, что лошадь моя устала, как вдруг он повернул от меня в сторону от Крымского броду и поскакал вдоль берега.

I rode after him.	Я пустился вслед за ним.
When he had reached a high stack of old timber, he slid quickly off Electric, told me to dismount, and giving me his horse's bridle, told me to wait for him there at the timber-stack, and, turning off into a small street, disappeared.	Поравнявшись с высокой грудой сложенных старых бревен, он проворно соскочил с Электрика, велел мне слезть и, отдав мне поводья своего коня, сказал, чтобы я подождал его тут же, у бревен, а сам повернул в небольшой переулок и исчез.

I began walking up and down the river-bank, leading the horses, and scolding Electric, who kept pulling, shaking her head, snorting and neighing as she went; and when I stood still, never failed to paw the ground, and whining, bite my cob on the neck; in fact she conducted herself altogether like a spoilt thorough-bred.	Я принялся расхаживать взад и вперед вдоль берега, ведя за собой лошадей и бранясь с Электриком, который на ходу то и дело дергал головой, встряхивался, фыркал, ржал; а когда я останавливался, попеременно рыл копытом землю, с визгом кусал моего клепера в шею, словом, вел себя как избалованный pur sang [конь чистокровной породы -- фр.].
My father did not come back.	Отец не возвращался.

A disagreeable damp mist rose from the river; a fine rain began softly blowing up, and spotting with tiny dark flecks the stupid grey timber-stack, which I kept passing and repassing, and was deadly sick of by now.	От реки несло неприятной сыростью; мелкий дождик тихонько набежал и испестрил крошечными темными пятнами сильно надоевшие мне глупые серые бревна, около которых я скитался.
I was terribly bored, and still my father did not come.	Тоска меня брала, а отца все не было.

A sort of sentry-man, a Fin, grey all over like the timber, and with a huge old-fashioned shako, like a pot, on his head, and with a halberd (and how ever came a sentry, if you think of it, on the banks of the Moskva!) drew near, and turning his wrinkled face, like an old woman's, towards me, he observed,	Какой-то будочник из чухонцев, тоже весь серый, с огромным старым кивером в виде горшка на голове и с алебардой (зачем, кажется, было будочнику находиться на берегу Москвы-реки!), приблизился ко мне и, обратив ко мне свое старушечье, сморщенное лицо, промолвил:
'What are you doing here with the horses, young master?	-- Что вы здесь делаете с лошадьми, барчук?
Let me hold them.'	Дайте-ка я подержу.

I made him no reply. He asked me for tobacco.	Я не отвечал ему; он попросил у меня табаку.

To get rid of him (I was in a fret of impatience, too), I took a few steps in the direction in which my father had disappeared, then walked along the little street to the end, turned the corner, and stood still.	Чтобы отвязаться от него (к тому же нетерпение меня мучило), я сделал несколько шагов по тому направлению, куда удалился отец; потом прошел переулочек до конца, повернул за угол и остановился.

In the street, forty paces from me, at the open window of a little wooden house, stood my father, his back turned to me; he was leaning forward over the window-sill, and in the house, half hidden by a curtain, sat a woman in a dark dress talking to my father; this woman was Zina?da.	На улице, в сорока шагах от меня, пред раскрытым окном деревянного домика, спиной ко мне стоял мой отец; он опирался грудью на оконницу, а в домике, до половины скрытая занавеской, сидела женщина в темном платье и разговаривала с отцом; эта женщина была Зинаида.
I was petrified.	Я остолбенел.
This, I confess, I had never expected.	Этого я, признаюсь, никак не ожидал.
My first impulse was to run away.	Первым движением моим было убежать.

'My father will look round,' I thought, 'and I am lost ...' but a strange feeling- a feeling stronger than curiosity, stronger than jealousy, stronger even than fear-held me there.	"Отец оглянется, -- подумал я, -- и я пропал..." Но странное чувство, чувство сильнее любопытства, сильнее даже ревности, сильнее страха -остановило меня.
I began to watch; I strained my ears to listen.	Я стал глядеть, я силился прислушаться.
It seemed as though my father were insisting on something.	Казалось, отец настаивал на чем-то.
Zina?da would not consent.	Зинаида не соглашалась.

I seem to see her face now-mournful, serious, lovely, and with an inexpressible impress of devotion, grief, love, and a sort of despair-I can find no other word for it.	Я как теперь вижу ее лицо -- печальное, серьезное, красивое и с непередаваемым отпечатком преданности, грусти, любви и какого-то отчаяния -- я другого слова подобрать не могу.
She uttered monosyllables, not raising her eyes, simply smiling-submissively, but without yielding.	Она произносила односложные слова, не поднимала глаз и только улыбалась -- покорно и упрямо.
By that smile alone, I should have known my Zina?da of old days.	По одной этой улыбке я узнал мою прежнюю Зинаиду.

My father shrugged his shoulders, and straightened his hat on his head, which was always a sign of impatience with him....	Отец повел плечами и поправил шляпу на голове, что у него всегда служило признаком нетерпения...
Then I caught the words:	Потом послышались слова:
'Vous devez vous s?parer de cette...' Zina?da sat up, and stretched out her arm....	"Vous devez vous separer de cette... "["Вы должны расстаться с этой... " -- фр.] Зинаида выпрямилась и протянула руку...

Suddenly, before my very eyes, the impossible happened. My father suddenly lifted the whip, with which he had been switching the dust off his coat, and I heard a sharp blow on that arm, bare to the elbow.	Вдруг в глазах моих совершилось невероятное дело: отец внезапно поднял хлыст, которым сбивал пыль с полы своего сюртука, -- и послышался резкий удар по этой обнаженной до локтя руке.

I could scarcely restrain myself from crying out; while Zina?da shuddered, looked without a word at my father, and slowly raising her arm to her lips, kissed the streak of red upon it.	Я едва удержался, чтобы не вскрикнуть, а Зинаида вздрогнула, молча посмотрела на моего отца и, медленно поднеся свою руку к губам, поцеловала заалевшийся на ней рубец.

My father flung away the whip, and running quickly up the steps, dashed into the house....	Отец швырнул в сторону хлыст и, торопливо взбежав на ступеньки крылечка, ворвался в дом...
Zina?da turned round, and with outstretched arms and downcast head, she too moved away from the window.	Зинаида обернулась -- и, протянув руки, закинув голову, тоже отошла от окна.
My heart sinking with panic, with a sort of awe-struck horror, I rushed back, and running down the lane, almost letting go my hold of Electric, went back to the bank of the river.	С замиранием испуга, с каким-то ужасом недоумения на сердце бросился я назад и, пробежав переулок, чуть не упустив Электрика, вернулся на берег реки.
I could not think clearly of anything.	Я не мог ничего сообразить.

I knew that my cold and reserved father was sometimes seized by fits of fury; and all the same, I could never comprehend what I had just seen....	Я знал, что на моего холодного и сдержанного отца находили иногда порывы бешенства, и все-таки я никак не мог понять, что я такое видел...
But I felt at the time that, however long I lived, I could never forget the gesture, the glance, the smile, of Zina?da; that her image, this image so suddenly presented to me, was imprinted for ever on my memory.	Но я тут же почувствовал, что, сколько бы я ни жил, забыть это движение, взгляд, улыбку Зинаиды было для меня навсегда невозможно, что образ ее, этот новый, внезапно представший передо мною образ, навсегда запечатлелся в моей памяти.

I stared vacantly at the river, and never noticed that my tears were streaming. 'She is beaten,' I was thinking,... 'beaten ... beaten....'	Я глядел бессмысленно на реку и
'Hullo! what are you doing? Give me the mare!' I heard my father's voice saying behind me.	-- Ну, что же ты -- давай мне лошадь! -- раздался за мной голос отца.
Mechanically I gave him the bridle.	Я машинально подал ему поводья.

He leaped on to Electric ... the mare, chill with standing, reared on her haunches, and leaped ten feet away ... but my father soon subdued her; he drove the spurs into her sides, and gave her a blow on the neck with his fist....	Он вскочил на Электрика... Прозябший конь взвился на дыбы и прыгнул вперед на полторы сажени... но скоро отец укротил его; он вонзил ему шпоры в бока и ударил его кулаком по шее...
' Ah, I've no whip,' he muttered.	"Эх, хлыста нету", -- пробормотал он.
I remembered the swish and fall of the whip, heard so short a time before, and shuddered.	Я вспомнил недавний свист и удар этого самого хлыста и содрогнулся.
'Where did you put it?' I asked my father, after a brief pause.	-- Куда ж ты дел его? -- спросил я отца погодя немного.

My father made no answer, and galloped on ahead.	Отец не отвечал мне и поскакал вперед.
I overtook him.	Я нагнал его.
I felt that I must see his face.	Мне непременно хотелось видеть его лицо.
'Were you bored waiting for me?' he muttered through his teeth.	-- Ты соскучился без меня? -- проговорил он сквозь зубы.

' A little.	-- Немножко.
Where did you drop your whip?' I asked again.	Где же ты уронил свой хлыст? -- спросил я его опять.
My father glanced quickly at me.	Отец быстро глянул на меня.

'I didn't drop it,' he replied; 'I threw it away.'	-- Я его не уронил, -- промолвил он, -- я его бросил.
He sank into thought, and dropped his head ... and then, for the first, and almost for the last time, I saw how much tenderness and pity his stern features were capable of expressing.	Он задумался и опу- стил голову. И тут-то я в первый и едва ли не в последний раз увидел, сколько неж- ности и сожаления могли выразить его строгие черты.
He galloped on again, and this time I could not overtake him; I got home a quarter-of-an-hour after him.	Он опять поскакал, и уж я не мог его до- гнать; я приехал до- мой четверть часа после него.

'That's love,' I said to myself again, as I sat at night before my writing-table, on which books and papers had begun to make their appearance; 'that's passion!... To think of not revolting, of bearing a blow from any one whatever ... even the dearest hand!	"Вот это любовь, -- говорил я себе снова, сидя ночью перед своим письменным столом, на котором уже начали появляться тетради и книги, -- это страсть!.. Как, кажется, не возмутиться, как снести удар от какой бы то ни было!.. от самой милой руки!
But it seems one can, if one loves....	А, видно, можно, если любишь...
While I ... I imagined ...'	А я-то... я-то воображал..."

I had grown much older during the last month; and my love, with all its transports and sufferings, struck me myself as something small and childish and pitiful beside this other unimagined something, which I could hardly fully grasp, and which frightened me like an unknown, beautiful, but menacing face, which one strives in vain to make out clearly in the half-darkness....	Последний месяц меня очень состарил -- и моя любовь, со всеми своими волнениями и страданиями, показалась мне самому чем-то таким маленьким, и детским, и мизерным перед тем другим, неизвестным чем-то, о котором я едва мог догадываться и которое меня пугало, как незнакомое, красивое, но грозное лицо, которое напрасно силишься разглядеть в полумраке...
A strange and fearful dream came to me that same night.	Странный и страшный сон мне приснился в эту самую ночь.

I dreamed I went into a low dark room....	Мне чудилось, что я вхожу в низкую темную комнату..
My father was standing with a whip in his hand, stamping with anger; in the corner crouched Zina?da, and not on her arm, but on her forehead, was a stripe of red ... while behind them both towered Byelovzorov, covered with blood; he opened his white lips, and wrathfully threatened my father.	Отец стоит с хлыстом в руке и топает ногами.; в углу прижалась Зинаида, и не на руке, а на лбу у ней красная черта... А сзади их обоих поднимается весь окровавленный Беловзоров, раскрывает бледные губы и гневно грозит отцу.

Two months later, I entered the university; and within six months my father died of a stroke in Petersburg, where he had just moved with my mother and me.	Два месяца спустя я поступил в университет, а через полгода отец мой скончался (от удара) в Петербурге, куда только что переселился с моей матерью и со мною.
A few days before his death he received a letter from Moscow which threw him into a violent agitation....	За несколько дней до своей смерти он получил письмо из Москвы, которое его чрезвычайно взволновало...

He went to my mother to beg some favour of her: and, I was told, he positively shed tears-he, my father!	Он ходил просить о чем-то матушку и, говорят, даже заплакал, он, мой отец!

On the very morning of the day when he was stricken down, he had begun a letter to me in French.	В самое утро того дня, когда с ним сделался удар, он начал было письмо ко мне на французском языке.
'My son,' he wrote to me, 'fear the love of woman; fear that bliss, that poison....'	"Сын мой, -- писал он мне, -- бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы..."
After his death, my mother sent a considerable sum of money to Moscow.	Матушка после его кончины послала довольно значительную сумму денег в Москву.
XXII	XXII
Four years passed.	Прошло года четыре.

I had just left the university, and did not know exactly what to do with myself, at what door to knock; I was hanging about for a time with nothing to do.	Я только что вышел из университета и не знал еще хорошенько, что мне начать с собою, в какую дверь стучаться: шлялся пока без дела.
One fine evening I met Meidanov at the theatre.	В один прекрасный вечер я в театре встретил Майданова.
He had got married, and had entered the civil service; but I found no change in him.	Он успел жениться и поступить на службу; но я не нашел в нем перемены.
He fell into ecstasies in just the same superfluous way, and just as suddenly grew depressed again.	Он так же ненужно восторгался и так же внезапно падал духом.

'You know,' he told me among other things, 'Madame Dolsky's here.'	-- Вы знаете, -- сказал он мне, -- между прочим, госпожа Дольская здесь.
'What Madame Dolsky?'	-- Какая госпожа Дольская?
'Can you have forgotten her?-the young Princess Zasyekin whom we were all in love with, and you too.	-- Вы разве забыли? бывшая княжна Засекина, в которую мы все были влюблены, да и вы тоже.
Do you remember at the country-house near Neskutchny gardens?'	Помните, на даче, возле Нескучного.
' She married a Dolsky?'	-- Она замужем за Дольским?
'Yes.'	-- Да
'And is she here, in the theatre?'	-- И она здесь, в театре?

'No: but she's in Petersburg. She came here a few days ago. She's going abroad.'	-- Нет, в Петербурге, она на днях сюда приехала; собирается за границу.
'What sort of fellow is her husband?' I asked.	-- Что за человек ее муж? -- спросил я.
' A splendid fellow, with property.	-- Прекрасный малый, с состоянием.
He's a colleague of mine in Moscow.	Сослуживец мой московский.
You can well understand- after the scandal ... you must know all about it ...' (Meidanov smiled significantly) 'it was no easy task for her to make a good marriage; there were consequences ... but with her cleverness, everything is possible.	Вы понимаете -- после той истории... вам это все должно быть хорошо известно (Майданов значительно улыбнулся)... ей не легко было составить себе партию; были последствия... но с ее умом все возможно.

Go and see her; she'll be delighted to see you.	Ступайте к ней: она вам будет очень рада.

She's prettier than ever.'	Она еще похорошела.
Meidanov gave me Zina?da's address.	Майданов дал мне адрес Зинаиды.
She was staying at the Hotel Demut.	Она остановилась в гостинице Демут.
Old memories were astir within me.... I determined next day to go to see my former 'flame.'	Старые воспоминания во мне расшевелились... я дал себе слово на другой же день посетить бывшую мою "пассию".

But some business happened to turn up; a week passed, and then another, and when at last I went to the Hotel Demut and asked for Madame Dolsky, I learnt that four days before, she had died, almost suddenly, in childbirth.	Но встретились какие-то дела; прошла неделя, другая, и когда я наконец отправился в гостиницу Демут и спросил госпожу Дольскую -- я узнал, что она четыре дня тому назад умерла почти внезапно от родов.
I felt a sort of stab at my heart.	Меня как будто что-то в сердце толкнуло.
The thought that I might have seen her, and had not seen her, and should never see her-that bitter thought stung me with all the force of overwhelming reproach.	Мысль, что я мог ее увидеть и не увидел и не увижу ее никогда, -- эта горькая мысль впилась в меня со всею силою неотразимого упрека.

'She is dead!' I repeated, staring stupidly at the hall-porter. I slowly made my way back to the street, and walked on without knowing myself where I was going.	"Умерла!" -- повторил я, тупо глядя на швейцара, тихо выбрался на улицу и пошел не зная сам куда.
All the past swam up and rose at once before me.	Все прошедшее разом всплыло и встало передо мною.
So this was the solution, this was the goal to which that young, ardent, brilliant life had striven, all haste and agitation!	И вот чем разрешилась, вот к чему, спеша и волнуясь, стремилась эта молодая, горячая, блистательная жизнь!

I mused on this; I fancied those dear features, those eyes, those curls-in the narrow box, in the damp underground darkness-lying here, not far from me-while I was still alive, and, maybe, a few paces from my father....	Я это думал, я воображал себе эти дорогие черты, эти глаза, эти кудри -- в тесном ящике, в сырой, подземной тьме -- тут же, недалеко от меня, пока еще живого, и, может быть, в нескольких шагах от моего отца...
I thought all this; I strained my imagination, and yet all the while the lines:	Я все это думал, я напрягал свое воображение, а между тем:
'From lips indifferent of her death I heard, Indifferently I listened to it, too,' were echoing in my heart.	Из равнодушных уст я слышал смерти весть, И равнодушно ей внимал я, -- звучало у меня в душе.

O youth, youth! little dost thou care for anything; thou art master, as it were, of all the treasures of the universe-even sorrow gives thee pleasure, even grief thou canst turn to thy profit; thou art self-confident and insolent; thou sayest, 'I alone am living-look you!'-but thy days fly by all the while, and vanish without trace or reckoning; and everything in thee vanishes, like wax in the sun, like snow....	О молодость! молодость! тебе нет ни до чего дела, ты как будто бы обладаешь всеми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тешит, даже печаль тебе к лицу, ты самоуверенна и дерзка, ты говоришь: я одна живу -- смотрите! а у самой дни бегут и исчезают без следа и без счета, и все в тебе исчезает, как воск на солнце, как снег...

And, perhaps, the whole secret of thy charm lies, not in being able to do anything, but in being able to think thou wilt do anything; lies just in thy throwing to the winds, forces which thou couldst not make other use of; in each of us gravely regarding himself as a prodigal, gravely supposing that he is justified in saying,	И, может быть, вся тайна твоей прелести состоит не в возможности все сделать, а в возможности думать, что ты все сделаешь, -- состоит именно в том, что ты пускаешь по ветру силы, которые ни на что другое употребить бы не умела, -- в том, что каждый из нас не шутя считает себя расточителем, не шутя полагает, что он вправе сказать:
'Oh, what might I not have done if I had not wasted my time!'	"О, что бы я сделал, если б я не потерял времени даром!"

I, now ... what did I hope for, what did I expect, what rich future did I foresee, when the phantom of my first love, rising up for an instant, barely called forth one sigh, one mournful sentiment?	Вот и я... на что я надеялся, чего я ожидал, какую богатую будущность предвидел, когда едва проводил одним вздохом, одним унылым ощущением на миг возникший призрак моей первой любви?
And what has come to pass of all I hoped for?	А что сбылось из всего того, на что я надеялся?
And now, when the shades of evening begin to steal over my life, what have I left fresher, more precious, than the memories of the storm-so soon over-of early morning, of spring?	И теперь, когда уже на жизнь мою начинают набегать вечерние тени, что у меня осталось более свежего, более дорогого, чем воспоминания о той быстро пролетевшей, утренней, весенней грозе?

But I do myself injustice.	Но я напрасно клевещу на себя.
Even then, in those light-hearted young days, I was not deaf to the voice of sorrow, when it called upon me, to the solemn strains floating to me from beyond the tomb.	И тогда, в то легкомысленное молодое время, я не остался глух на печальный голос, воззвавший ко мне, на торжественный звук, долетевший до меня из-за могилы.
I remember, a few days after I heard of Zina?da's death, I was present, through a peculiar, irresistible impulse, at the death of a poor old woman who lived in the same house as we.	Помнится, несколько дней спустя после того дня, когда я узнал о смерти Зинаиды, я сам, по собственному неотразимому влечению, присутствовал при смерти одной бедной старушки, жившей в одном с нами доме.

Covered with rags, lying on hard boards, with a sack under her head, she died hardly and painfully.	Покрытая лохмотьями, на жестких досках, с мешком под головою, она трудно и тяжело кончалась.
Her whole life had been passed in the bitter struggle with daily want; she had known no joy, had not tasted the honey of happiness. One would have thought, surely she would rejoice at death, at her deliverance, her rest.	Вся жизнь ее прошла в горькой борьбе с ежедневной нуждою; не видела она радости, не вкушала от меду счастия -- казалось, как бы ей не обрадоваться смерти, ее свободе, ее покою?

But yet, as long as her decrepit body held out, as long as her breast still heaved in agony under the icy hand weighing upon it, until her last forces left her, the old woman crossed herself, and kept whispering,	А между тем пока ее ветхое тело еще упорствовало, пока грудь еще мучительно вздымалась под налегшей на нее леденящей рукою, пока ее не покинули последние силы, -старушка все крестилась и все шептала:
'Lord, forgive my sins'; and only with the last spark of consciousness, vanished from her eyes the look of fear, of horror of the end.	"Господи, отпусти мне грехи мои", -- и только с последней искрой сознания исчезло в ее глазах выражение страха и ужаса кончины.

And I remember that then, by the death-bed of that poor old woman, I felt aghast for Zina?da, and longed to pray for her, for my father-and for myself.	И помню я, что тут, у одра этой бедной старушки, мне стало страшно за Зинаиду, и захотелось мне помолиться за нее, за отца -- и за себя.